

«Чем свободнее, чем искреннее верующий разум в своих естественных движениях, тем полнее и правильнее стремится он к божественной истине».

И. Киреевский

ВЕРУЮЩИЙ И РАЗУМ 6/2017

Новомученики
и исповедники Церкви
русской

Русская революция –
100 лет

«Марсово поле»
или романтический
иллюзион революции

К 300-летию начала
«Кикинского» розысков
и «Суздальского» розысков
при Петре Великом

История Христианской
Церкви: отступившие
и вернувшиеся

Разумна ли вера,
или приключения
начинающего апологета
в мире скептицизма

Константин Леонтьев
и Святая Гора Афон

Символика света
и тьмы в романе
М. А. Булгакова
«Мастер и Маргарита»

Анатомия бунта
в операх
М. П. Мусоргского

ПЕРВУЮЩИЙ РАЗУМ 6/2017

*Журнал Отдела
религиозного образования
и катехизации
Санкт-Петербургской
епархии*

Главный редактор:

Председатель Отдела религиозного образования и катехизации,
ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви,
архиепископ Петергофский АМВРОСИЙ

Заместитель главного редактора:

Исполнительный директор Епархиальных курсов
религиозного образования и катехизации
имени св. прав. Иоанна Кронштадтского
иерей Илия МАКАРОВ

Редакционная коллегия:

иерей Игорь ИВАНОВ – научный консультант
ГАВРИЛОВ Игорь Борисович – научный консультант
АЛЕКСЕЕВ Сергей Владимирович – художественный редактор

Учредитель:

Отдел религиозного образования и катехизации
Санкт-Петербургской епархии

*Журнал издается при поддержке
Союза православных предпринимателей
(Санкт-Петербурге)*

Содержание

НОВОМУЧЕНИКИ И ИСПОВЕДНИКИ ЦЕРКВИ РУССКОЙ

- Беседа с **И. В. Болдышевой**
о святых Царственных Страстотерпцах 4
- О. В. Гусакова**
Жизненный путь новомучеников
как урок XX столетия в духовно-нравственном воспитании
современного юношества 15
- Олеся Моисеева**
«Здравствуй, дорогая мать Мария.
Вот, решила написать тебе письмо» 19
- Даниил Разанецкий**
«Мотыльки в тишине» 26

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ РОССИИ

- Священник Игорь Иванов**
«Марсово Поле»
или романтический иллюзион революции 32
- А. Н. Боханов**
Русская революция – 100 лет 42
- Алена Поликовская**
Души и думы революции. Люди и эпоха.
Книги и мысли 73

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

- Иерей Илья Макаров**
К 300-летию начала «Кикинского»
и «Суздальского» розысков
при Петре Великом 77

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- М. А. Можарова**
Иван Киреевский — духовный сын
оптинского старца Макария 108
- М. А. Емельянов-Ланчиков**
По дороге Жоржа Дюмезиля
(«Ничто в мире не распространено так,
как троичность») 120

ИСТОРИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ

Д. Г. Добыкин

Отступившие и вернувшиеся 124

АПОЛОГЕТИКА

Л. Н. Болтовская

Искусство и познание 130

Б. Г. Фауль

Разумна ли вера,
или приключения начинающего апологета
в мире скептицизма 136

АГИОГРАФИЯ

З. Н. Лемякина

Неузнанной вернусь еще я к вам... 141

РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ

И. Б. Гаврилов

Константин Леонтьев и Святая Гора Афон 164

ХРИСТИАНСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

С. В. Алексеев

Святой земли жилец заочный.... 173

О. Б. Сокурова

Символика света и тьмы
в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» 182

С. Ф. Тухленков

Анатомия бунта в операх М. П. Мусоргского
(религиозно-философский контекст). 211

Ирина Иванова

Институт Живого Слова как синтез гуманитарных наук
и искусства 216

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Священник Игорь Иванов

Из цикла «Вехи столетия» 234

Дмитрий Кузнецов

Стихи 238

Ольга Шульчева-Джарман

Стихи 246

НАШИ АВТОРЫ 254

Беседа с Ириной Валентиновной Болдышевой о святых Царственных Страстотерпцах

Нам удалось побеседовать с композитором и дирижером Ириной Валентиновной Болдышевой. Ирина Валентиновна – выпускница Петербургской консерватории имени Римского-Корсакова, одаренный и глубоко образованный человек, пишущий самобытную музыку, исследующий и возрождающий традиции русского духовного пения; талантливый педагог; руководитель детско-юношеского хора во имя преподобного Иоанна Дамаскина Санкт-петербургского собора Владимирской иконы Божией Матери.

Поскольку особое место в репертуаре хора занимает царская тема, и нынешний год предполагает обращение к русской трагедии начала XX века, мы решили расспросить Ирину Валентиновну не только о музыке, но и об отношении к святым Царственным Страстотерпцам.

– Разговор хочется начать со знаменательной даты – столетия государственного переворота в нашей стране. Как, в контексте этого юбилея, Вы оцениваете прошлое и настоящее России?

– Всякая годовщина дается нам для осмысления или переосмысления произошедшего и его последствий. Век – достаточное время, чтобы увидеть пролившийся от события свет или надвинувшуюся от него тьму. Откройте Постную Триодь – на любом месте... Или поучения святых Антония Великого, Тихона Задонского, Серафима Саровского... Какой свет отняли у народа! Какая тьма насильно плотной завесой закрыла от него Солнце Правды! У души отняли ее естественное питание – источник ее истинного счастья, связь с живым Богом. Вместо этого – целая цепь подмен, замаскированных, облеченных в красивые, нравственно привычные, родные, почти евангельские понятия и слова. Но слова эти без внутреннего содержания, вне Бога, стали лозунгами и реабилитировали греховные страсти – зависти, ненависти, гордости... Только потому и выжить можно было, да еще и созидать, жертвовать собой

во имя Родины, подвиги совершать немислимые, – что внутри, в душах генетически накопился этот свет – свет Православия, любви Христовой. И когда разум во многих не содержал уже истин веры, сердце неосознанно хранило их, передавая и следующим поколениям. А когда этот источник стал оскудевать, и накопилась духовная жажда, – Господь явил нам Свою милость, начали открываться храмы.

Народ наш очень расслоен, разделен. Многим неконтролируемым влияниям подвергается молодежь. Но от каждого из нас в пространстве истории тянутся в прошлое нити к трагическому узлу – царевичеству. Это то осознанное или неосознанное потрясение, которое не могло не изменить, не взорвать ход истории и не оставить след во всякой душе, либо наполнив ее скорбью, ужасом, состраданием и любовью, либо – горьким раскаянием, либо – словно Каинова печать – равнодушием и принятием клеветы, умерщвляющей совесть. Нет в России человека, который не знал бы, что Царская Семья была зверски убита. Ответ каждой души на знание об этом злодеянии открыт Богу. Тайна этих ответов не может не повлиять на наше будущее, ибо в ней выявляется, чего достоин народ. Боже, буди милостив к нам!

Екатеринбургская трагедия – это тот узел, который развязывать всем нам, всему народу, и развязывание этого узла, как ничто другое, может объединить нас, восстановить как народ, народ православный, тело соборное. По-настоящему объединить людей может только что-то подлинное. Совесть – корневая личностная основа. Когда она говорит в целом народе – Бог творит чудеса. В одной из наших песен есть такие строки (автор – прот. Андрей Логвинов):

Взойдет заря для русского Царя <...>,
 Кто жив, любовью к Господу горя,
 Кто нам защитой в испытаньях будет,
 Кто совесть всенародную разбудит...

Но в приближающейся дате видится и опасность нового разделения. То время, которое дал нам Господь, чтобы мы вновь обрели истинны Православной веры и осознали правду нашей истории последнего столетия, не использовано нами в полноте. К сожалению, еще многие наши соотечественники равнодушны к вере. Многие не осознали, насколько глубоко личная жизнь каждого из нас связана с Царской Семьей. А ведь то, как мы возжелали правды, в какой мере она нас всколыхнула, изменила – судьбоносно для всей России. Как покаяние личное может совершенно перевернуть и переворачивает жизнь человека, что является самым великим чудом Церкви, – так и покаянное понима-

ние того, что произошло с Россией и Царской Семей в те годы преобразует личность и возрождает в ней чувство соборности, – когда осознаешь себя не отдельным человеком, а частью огромного целого, объединенного верой и любовью, где от каждого зависит то, что будет завтра. Когда человек принимает клевету, она действует на душу как яд, когда же освобождается от нее – душа оживает, исцеляется действием Духа истины. Поэтому для тех, кто не желает добра России и не рад возрождению Православия, самое главное – чтобы мы не каялись. Еще из ветхозаветной истории известно: как только народ начинает каяться – милость Божия изливается, ему прощаются грехи, и он восстает даже из тяжкого состояния, крепнет и с Богом становится непобедимым.

Сегодня чрезвычайно важно, чтобы все, кто только может, трудились, способствуя этому. Можно организовать в школах просветительские лекции, посвященные Царской Семей и событиям 1917 года, – ведь после прочтения учебников в сознании детей возникает много противоречий и вопросов. Часто дети ищут истины, но не находят человека, который мог бы им помочь... Можно выпускать большими тиражами брошюры, такие, как уже известные четыре замечательные разноцветные книжечки с краткими житиями Государя, Государыни, Царевича и Великих Княжон. Столько перепечатывается и создается новой клеветы, а житий Царской Семей, кроме этих изданий, я не видела... Господь не отнимает свободной воли, но каждый человек должен услышать правду и иметь возможность ее принять. И, если он все равно предпочтет ложь, это будет его свободным выбором. Сложность в том, что те, кто любит историческую Святую Русь, Христа, Православие, не располагают в необходимом объеме средствами массовой информации. Но все, что можно, нужно сейчас делать, ибо нет никакой гарантии на наступление более благоприятного времени.

У Сергея Бехтеева в стихотворении «Правда» есть такие строки:

Тяжела ты нам, Правда-матушка,
 Не под силу ты миру лживому...
 Где ни кинешь взор – все враги твои,
 Сеют день и ночь злые плевелы.
 Ты ж стоишь одна, сиротинушка...

Стихотворение было написано за месяц до октябрьского переворота 1917 года. Мы поем песню на эти слова, и люди откликаются на нее неизменно глубоко, ведь и сегодня происходит то же. Сейчас на каждом православном человеке, на каждом соотечественнике, живущем по совести и любящем Родину, лежит огромная ответственность, потому что снова может произойти сдвиг, шаг назад.

Но я уверена, знаю – и по концертам нашим, и по поездкам хора по России – что сердце русского человека равнодушно, надо только его разбудить. Если его разбудить к добру, оно становится горячим и жертвенным, может превзойти все ожидания в делании добра. Но как не хотелось бы, чтобы это пробуждение произошло через большие общие скорби... Хоть и поем мы в песне «Радость моя, Христос Воскресе» на слова протоиерея Андрея Логвинова:

Радость моя, неизбежно прийти потрясениям,
Как же иначе очистится грязи налет?..

Хочется достучаться до каждого: еще есть время!

Пусть ноги устали,
Болит твоя грудь
И спину ты можешь
Едва разогнуть.
И пусть бы хотелось
Тебе отдохнуть,
Работы так много
Еще впереди, –
Иди и буди.

Иди и буди ты
Уснувших людей, –
Скажи им, что враг –
Среди Божиих полей.
Их хочет травую
Засеять своей...
Когда лишь разбудишь,
Тогда отойди...
Иди и буди.

Иди и буди
Равнодушных людей,
Глаголом их жги
Вдохновенных речей,
Зови их к подножью
Святых алтарей...
Буди равнодушных,
Их сна не щади –
Иди и буди.

Пока еще враг
Ожидает зари,

Пока не погасли
Совсем алтари.
Работы так много
Еще впереди, –
Иди и буди».

*(Из песни на слова Никандра (Феноменова),
епископа Вятского)*

– Почитание Царственных Мучеников, безусловно, ширится. Но для многих верующих (далеких от Церкви людей даже не берем) они пока еще остаются такими же святыми, как и тысячи других, чьи имена есть в наших святцах, – незнакомыми, неблизкими, не усвоенными душой... А Вы говорите о глубокой личной связи каждого человека в России с Царской Семьей. Чем же она обусловлена, в чем именно состоит и как открывается уму и сердцу?

– Отвечу опять же строками из песен, которые исполняет наш хор:

Что ни год, совершает обход,
К вере души людей пробуждая –
Там слезу незаметно сотрет,
Там поправит, плечом подопрет, –
Благодарности не ожидая,
Государь по России идет.

*(«Он ходил причащаться в алтарь»,
прот. Андрей Логвинов)*

Но не устает за нас молиться,
И бинты ее на нас видны, –
Государыня Императрица
величайшей на Земле страны.

*(«Государыня Императрица»,
его же).*

Русский народ, каким бы он ни подвергался экспериментам, массовым воздействиям, внушениям лжи, как бы он ни был разделен, а все же, надеемся, смеем надеяться, в очах Божиих остается соборной личностью. Во взаимоотношениях этой соборной личности с Государем на протяжении многих веков было единство – мистическое, через воздействие благодати Духа Святаго, через Миропомазание на Царство. Мы знаем, что когда произошли трагические события февральского переворота, и Святейшим Синодом было принято решение не поминать Государя, то множество верноподданных, особенно из крестьян, не захотели нарушить присягу. Они обращались в Синод с письмами, ныне

опубликованными: объясните, как нам быть, ведь это нарушение клятвы, мы не хотим совершить такой страшный грех... Т. е. неверно думать, что русский народ так запросто отступил от своего Помазанника, иначе и не потребовалось бы столь огромное количество жертв.

Эту глубинную связь с Царской Семьей понимаешь и ощущаешь по мере того, как раскрываются тебе Царственные Мученики, их подлинная жизнь, исполненная подвига самоотвержения, глубочайшего душевного благородства и любви.

Нам с хором довелось восемь раз бывать в Екатеринбурге, из них семь – на царские дни, и петь за ночными богослужениями в монастыре святых Царственных Мучеников на Ганиной Яме и в Храме-на-Крови. Каждую поездку мы везли новые песнопения и хоровые композиции, посвященные Августейшим Мученикам. Естественно, всегда, когда мы ехали, настрой был скорбный. Чем больше читаем о произошедшей там великой трагедии – а каждый год выходят книги, благодаря которым она познается все глубже, – невольно проникаемся скорбью. Но когда туда прибываешь – мы это пережили – Царственные Мученики не дают скорбеть! Ты понимаешь, что здесь это произошло, что это было за пределами бесчеловечно, но они – такие великие святые – дарят невероятную благодать и радость, окрыляют дивной теплотой любви, и ты, вроде бы, хочешь скорбеть, а вместо этого – переживаешь Пасху!.. Мы ехали послужить им, ехали с любовью, с желанием потрудиться, преодолеть себя, и каждый раз поражало это пасхальное осенение. Не полагаясь на себя, мы делимся переживаниями друг с другом в хоре. Многие из ребят уже студенты, некоторые – даже выпускники ВУЗов, успели немало узнать, но эта радость – одно из сильнейших свидетельств святости Царской Семьи именно для сердца.

Чем больше любишь святых, тем больше понимаешь, в какой великой связи с ними мы находимся. Государь же нам – действительно отец, Богом данный защитник для всего народа. «Отец» – слово особое, несущее высочайшее достоинство: так мы обращаемся к Богу. У русского человека были родной отец и Государь-батюшка на земле, и был Отец, Иже на Небесех. Такое поразительное богатство было дано нам от Бога на многие века.

Ведь русскому сердцу дано неспроста
 Любить Государя и Бога,
 И русская рана под сенью Креста
 В слезах зарастет понемногу...

Когда мы поем эту песню на слова протоиерея Андрея Логвинова, в детских глазах светится необыкновенная красота.

Много прославлено Церковью святых, и каждого житие хочется знать, чтобы чтить, благодарить, любить. Но если твоего отца убили, и он стал мучеником – это особое переживание. У соборной личности русского народа отняли в лице Царя защитника, заступника, отца духовно-кровного, если говорить о мистической стороне.

Тот, кто любит, всегда выиграет; а тот, кто ненавидит, всегда проиграет. Всегда – даже если не в пределах этой жизни, то в вечности, – этот закон не знает исключений. Большое счастье – любить святых и свою Родину, воспитавшую столько угодников Божиих. Совсем иная полнота и красота бытия души, если она вмещает то, что Пушкин назвал любовью к отеческим гробам, любовью к родному пепелищу. Воистину в них *«обретает сердце пищу»!*

А если мы оглянемся на нашу историю, – то у нас и не было Родины без Царя. И дело не в прекрасных дворцах и памятниках, которые мы теперь наследуем, и даже не в культуре. Русская история, такая сложная, развивалась в потоке духовного единства Помазанника Божия и народа. Как точно и прекрасно сказал Сергей Бехтеев: *«Царь – это лучшие, светлые грезы любящей русской души»* (стихотворение «Царь»). У современного человека это отнято, и даже может быть непонятным ему, – и в этом он бесконечно беднее своих предков.

Лучшее из того, что было потом, после утраты монархии, явилось плодом возвращенного и выпестованного предыдущими поколениями. А они взрастили это лучшее в единстве и взаимной любви духовной. Почти все хорошее, что у нас и в нас есть сегодня, – это плоды любви наших бабушек и прабабушек – ко Христу, к ближнему, к батюшке-Царю и Отечеству. Это либо открывается, либо нет. Но если впустить святого Царя в свою жизнь, любить его и молиться ему – то словно больше становится твоя душа! Конечно, если любить Христа – она расширяется до самых звезд, делаясь бесконечно глубже той души, которая Христа не знает...

– Расскажите, пожалуйста, о педагогическом процессе в Вашем коллективе. Понятно, что дети, по настоянию педагога, обращаются к тем или иным темам, выполняют определенные задания. Но насколько это, опять же, усваивается сердцем? Царская тема – интересна ли, понятна ли она им, волнует ли их на самом деле?

– Слово «воспитание» имеет своим корнем «питание». Прекраснейшее и полезнейшее питание для души – как взрослой, так и детской – богослужебные тексты. Пока мы учим песнопение, дети проникаются его смыслом, его духовной глубиной и красотой. Огромную пользу и радость приносит им погружение в византийскую и знаменную певче-

ские традиции, завещанные нам Святыми Отцами и нашими благочестивыми предками.

Но чтобы душа, окруженная соблазнами современного мира, нравственно расцвела, должны сформироваться многие добрые понятия, должны проснуться многие благородные чувства: благоговение к святыне, бережное отношение к ближнему, любовь к Родине и интерес к ее истории, ответственность, чуткость совести... В этом большую помощь оказывают мне духовные песни на слова русских поэтов, которых за годы работы с хором я написала более ста. Детям нашего хора очень повезло: во время гастролей по России, Святой Земле, Греции, Сербии, Польше, Франции и другим странам они соприкасались с замечательными людьми – носителями живой православной святоотеческой традиции: архиереями, священниками, монахами, мирянами. Необыкновенно важными были наши поездки в Сербию, Черногорию и Косово – они помогли маленьким исполнителям ощутить себя причастными к православному славянскому братству и обрести в прежде незнакомых людях дорогих сердцу братьев и сестер. Немалое духовное богатство дети приобрели во время упомянутых поездок на Царские дни в Екатеринбург, Алапаевск и Тобольск...

А у детей души чистые, им много говорить и не надо – они споют одну-другую песню на слова Сергея Бехтеева, Александра Солодовникова, Великого Князя Константина Константиновича, отца Андрея Логвинова – и Господь многое открывает им за их чистоту. Конечно, стараюсь им что-то пояснять, рассказывать что-то доброе.

Большое значение имеет также содержание книг, которые дети и молодые люди читают. Важно заинтересовать их духовным чтением, приносящим душе отраду. Надо добиваться, чтобы они, интересуясь тем или иным вопросом бытия, сами могли находить ответы у Святых Отцов, и чтобы они учились осмысленно жить и имели свой реальный опыт того, как духовное чтение помогает исполнению заповедей и делает жизнь сердца богаче, полнее, интереснее, радостнее.

– А как вообще Вы и Ваши подопечные пришли, если можно так выразиться, к Царю? С чего все началось?

– Еще прежде первой поездки, в 2000 году в наш город на праздник Всех Санкт-Петербургских святых из московского храма святителя Николая в Пыжах привезли мироточивую икону Царя-Мученика Николая. Казанский собор был полон. Образ лежал на центральном аналое. Всех нас согрело непередаваемое чувство живого присутствия Государя. Приложиться к иконе тогда нам с хором не удалось из-за многолюдства, но по окончании богослужения святыню перенесли в близ-

лежащий Покровский храм педагогического института. Там, подходя к невыразимо прекрасному лику Государя, все мы стали свидетелями его мироточения. Думаю, это была первая встреча детей – всего хора как единого духовного целого – со святым Царем Николаем, и ее никогда никто из нас не забудет. В дальнейшем нам не раз доводилось петь за богослужениями в храме святителя Николая в Пыжах, молиться перед этим образом и вновь видеть это чудо с миром.

А вскоре мы открыли для себя удивительную по искренности и силе поэзию протоиерея Андрея Логвинова, посвятившего Царской Семье и осмыслению событий первой половины XX века немало стихотворений. Как подарок для меня самой и певчих хора стали рождаться новые хоровые композиции, первую из которых – «Ты глядишь в матросской курточке своей...» и некоторые другие – мы исполняли на концертах, впервые посетив Екатеринбург в 2005 году.

– А прежде, до соприкосновения с мироточивой иконой, у Вас уже было какое-то отношение, понимание в этом вопросе?

– Да. Еще в самом начале 80-х годов каким-то чудесным образом ко мне попала фотография Государя, и меня буквально пронзили его глаза. Я еще очень мало знала о Царской Семье – только то, что они были убиты, и это как-то всегда тревожило, ранило. Несмотря на ложь, услышанную в школьные годы, сердце влеклось к ним, и чувствовалось, что правда – иная. Помню, насколько поразило меня лицо Царя – лик, глаза, их красота, какая-то совсем особая. С фотографии он смотрел на меня как живой.

В ту пору, а это было самое начало студенчества, у меня была одна-единственная икона Спасителя, подаренная бывшей одноклассницей, верующей. Кажется, я не знала толком ни одной православной молитвы (родители мои воцерковились позже, а бабушка Елена, благодаря которой меня крестили, умерла рано). Молилась своими словами, обычно тогда, когда у кого-то из близких случалось что-то скорбное. И всегда получала просимое... И вот, Спаситель на той иконе тоже был словно живой. Ею как бы приоткрывалось окно в иной, духовный мир.

В том же году я познакомилась с моей в будущем дорогой подругой, ныне монахиней Венедиктой, у которой впервые прочла отпечатанные на машинке утренние молитвы. Какое это было потрясение! «Как посмели они отнять у меня самое главное!» – я еще не понимала, кто и как это сделал. Никогда не забуду это чувство обретения сокровища. Еще помню, как померкли тогда для меня многие литературные авторитеты рядом с удивительной поэтической свежестью и красотой этих святоотеческих молитв, благоухающих истиной. Сильно удивило также, что

речь в молитвах шла не о чем-то противоположном узанному в школе, но именно о совершенно новом, о прежде неведомом мире.

И нечто подобное случилось, когда я увидела эту фотографию Государя, от которой не хотелось отрывать глаз. У меня лились слезы, и я только повторяла: «Цáрю мой, Цáрю!..» И так долго могла смотреть. Понимаю, что Царь мне просто открылся – пришел в мою жизнь и стал помогать. И сейчас, вспоминая все это, я вдруг осознала, что Государь – первый святой, вошедший в мою жизнь, – еще за 19 лет до церковного прославления Царственных Мучеников.

Потом, когда стали выходить книги о Царской Семье, я старалась ни одну не пропустить. Через эти произведения, а в особенности стихи Сергея Бехтеева, познавалась вся глубина русской трагедии, и заболела душа от того, что многим людям вокруг все равно или почти все равно. Но вскоре произошли перемены – правда о Царе, как родник чистой ключевой воды, начала пробиваться в жизнь людей...

Блажен, кто, вписывая повесть
 В скрижали четкие веков,
 Сберег, как девственница, совесть
 И веру дедов-стариков.

Блажен, кто Родину не предал,
 Кто на Царя не восставал,
 Кто чашу мук и слез изведал,
 Но малодушно не роптал.

Это строки из стихотворения «Немногим» – нашей первой песни на слова Сергея Бехтеева. Офицер Сергей Бехтеев, видевший Государя Николая Александровича на фронте, лично познакомившийся с Государыней Александрой Феодоровной и Царскими детьми во время лечения от ран в Царскосельском лазарете, через всю жизнь в эмиграции пронес великую к ним любовь, боль и веру в будущую Святую Русь. Его пламенное сердце, живое, русское, и огромный талант подарили миру совершенно удивительную, истинно царскую поэзию. Думаю, что стихотворения Сергея Сергеевича должны обязательно изучаться в школах, потому что они пробуждают в юных душах самые прекрасные чувства.

Его поэзия как-то особенно глубоко позволяет понять, какую Россию мы потеряли. Но это отразили и многие другие писатели, чью жизнь 17-й год разделил на прекрасное «до» и трагическое «после»: «Если царская власть – это иго, то оно легче пуха в сравнении с большевицким игом» (Д. Мережковский); «Наши дети, внуки не будут в состоянии представить себе ту Россию, в которой мы когда-то жили <...>, – всю эту мощь, сложность, богатство, счастье!» (И. А. Бунин).

Сегодня очень важно, чтобы доминировал не политический аспект, а понимание того, что Царь – это благодатный дар, который Господь может дать народу, если увидит, что люди готовы его принять. Чем больше сердец будут открыты к принятию этого дара, будут способны любить – тем скорее он придет.

В церковных песнопениях Господь Иисус Христос именуется Женихом нашей души: *«Се, Жених грядет в полунощи, блажен раб, его же обрящет бдяща»*. Человеческая душа изначально создана, чтобы, пройдя земной путь, стать невестой Христовой. И нет для нее большего блага, чем таинство этой смиренной любви. Все святые свидетельствовали о ней жизнью и смертью. В XX веке с особой силой это явили святые Иоанн Кронштадтский, Царственные Мученики, Силуан и Паисий Афонские...

Будем любить Христа, и Он даст нам все полезное. Повторюсь, не в том дело, чтобы стремиться к монархии как к политической системе, хотя, может быть, в этом тоже есть смысл. Но в первую очередь нужно идти к Божию мироустройству на земле Русской, к исполнению воли Божией о нас, ко Христу, Который любящему Его народу подаст дар по сердцу: *Взыскающие же Господа не лишатся всякого блага* (ПС. 33, 11).

* * *

Аудио диски и ноты хора во имя преподобного Иоанна Дамаскина – ценный методический материал и значимый вклад в отечественную культуру. Издания снабжены иллюстрированными брошюрами с текстами исполняемых песнопений и с историческими комментариями. Более подробную информацию можно найти на сайте коллектива: <http://damaskinhor.ru>, а приобрести диски – в Москве, в магазине «Православное слово» на Пятницкой улице и на подворье Троице-Сергиевой лавры, а также в Санкт-Петербурге, в церковных лавках собора Владимирской иконы Божией Матери и в магазине Новодевичьего монастыря, либо – написав по электронной почте: kratima@mail.ru.

Беседовала Анастасия ДЕРЖАВИНА

Жизненный путь новомучеников как урок XX столетия в духовно-нравственном воспитании современного юношества

Обозначенная в названии статьи тема приобретает особенную актуальность в виду нарастающих проблем духовно-нравственного состояния общества.

Ускоряющийся темп жизни, популяризация материальных благ, развитие информационно-коммуникативных технологий, открывающих человеку виртуальные пространства, подавляют в нем волю к жизни и ставят его перед угрозой антропологического кризиса.

Сегодня, как никогда, человек нуждается в нравственных ориентирах. Особенно это касается подрастающего поколения, которому свойственно скептическое отношение к идеалам своих родителей, но которое всегда устремлено к феноменальным и неоднозначным событиям и судьбам.

Современные юноши и девушки, в отличие от своих однодок 50–80-х и даже 90-х годов, обладают меньшими способностями к осмыслению и принятию традиционных идеалов культуры в качестве нравственного образца. Их внутренний мир перегружен яркими и зачастую деструктивными картинками постмодернизма, из которых невозможно вычленивать позитивный и жизненно важный образ.

Человек, лишенный таких образов и нравственных ориентиров, оказывается потеряннным в мирской суете, он испытывает чувство неполноценности и ищет средства для заполнения душевной и духовной пустоты. Материальные блага его не насыщают, а пресыщают. В результате он утрачивает волю – исключительно человеческую способность делать выбор и совершать действия.

История дает множество примеров формирования воли у человека. Но современному юношеству свойственно подвергать их сомнению как нечто «устаревшее» и «несвоевременное».

Жизненный путь новомучеников, напротив, интересен юношеству по ряду признаков:

- близостью к настоящему;

– амбивалентностью оценки, которая выносятся 1) тому, кто вчера был признан врагом народа, а сегодня причислен к лику святых, 2) тому, кто вчера слыл героем, а сегодня признан мучителем и злодеем;

– остротой событий, связанных с мученичеством и, как правило, ужасающей кончиной, провоцирующих юношество искать ответ на часто озвучиваемый ими вопрос: «А зачем им это было нужно?».

Поиск ответа на вопрос «зачем» влечет за собой следующие вопросы: «во имя чего?», касающийся смысла и ценности человеческой жизни, и наиболее волнующий: «что давало силы противостоять гонителям, претерпевать мучения, стойко выдерживать унижения?»

Обращение к жизненному пути новомучеников как дидактическому концепту позволяет найти ответы на все обозначенные вопросы, потому что он индивидуален, уникален и достоверен. В отличие от житий святых Древней Руси, жизнеописания новомучеников сохраняют фактические, мемуарные, литературные данные (не типические) о разных возрастных периодах святого – от детства до кончины, включая его отношения к близким, личные предпочтения, проявления характера, поступки, службу, служение, творчество, будни.

Так как новомученичество – это явление вчерашнего порядка, недавнего прошлого, то мы имеем конкретные портреты святых XX столетия, запечатленные в живописи, фотографии и на иконах.

Поэтому для современного юношества не составит труда лично уяснить феномен новомученичества и, возможно, найти в нем свои точки бифуркации.

Для Санкт-Петербурга раскрытие жизненного пути новомучеников имеет ряд преимуществ, потому что городское пространство включает места, связанные с их жизнедеятельностью. Например, в Санкт-Петербурге сохранилось множество мест, связанных с судьбой митрополита Серафима Петроградского и Гдовского, в миру Леонида Михайловича Чичагова. В их числе можно назвать: Первую Санкт-Петербургскую классическую гимназию (ныне ГБОУ СОШ № 321) и Императорский Пажеский корпус (Санкт-Петербургское суворовское военное училище МО РФ), где Чичагов учился; Спасо-Преображенский собор, где он венчался; Литейный проспект, где когда-то стоял Сергиевский собор – место служения Чичагова; Казанский собор, Воскресенский Новодевичий монастырь, Александро-Невскую лавру и т.д.

Посетив их или оказавшись в том же пространстве, но в другое время, учащиеся могут ощутить и пережить события прошлого, сформировав тем самым свое отношение к изучаемой теме через эмоционально- и экзистенциально-ценностное переживание.

Именно эти переживания могут стать духовными скрепами поколений. Более того, знакомство с местом, всегда предполагает расширение круга лиц, память о которых это место хранит. Например, в Казанском соборе нельзя не вспомнить о втором обретении мощей преподобного Серафима Саровского и его прославлении, инициатором и участником которого стал митрополит Серафим (Чичагов); а в Александро-Невской лавре необходимо рассказать о благословении, которое владыка Серафим дал преподобному Серафиму Вырицкому.

Важно, чтобы узнаваемые факты не оставались перечислением жизненных вех, а становились для юношества событием – встречей со святым, который одновременно является и предком (человек, жившим в прошлом), и современником (вечно живым, молитвенником и заступником у престола Божьего).

Чтобы такая встреча состоялась, а юноша или девушка ощутили себя ее участниками, необходимо помочь им связать узнаваемые факты в смысловую цепь, которая покажет им значимость уже состоявшихся встреч на жизненном пути их предшественников, ставших святыми новомучениками.

Например, митрополиту Серафиму Петроградскому было суждено быть инициатором и участником прославления святого Серафима Саровского, которого он, еще священником, увидел в тонком сне, а после написал на иконе молящимся на камне. Спустя еще несколько лет уже третий Серафим, Вырицкий старец, получивший благословение Серафима Петроградского, повторил подвиг моления на камне Серафима Саровского.

Значимость встреч Серафим Чичагова и Серафима Вырицкого с Серафимом Саровским и друг с другом для современного юношества можно увидеть в смысловой цепи духовного преемства трех Серафимов (Серафим Саровский – Серафим Петроградский – Серафим Вырицкий), по отношению к которым современный юноша является наследником – тем, кто прошел по следам святых предков.

Нельзя забывать и особый уникальный статус нашего города, его уникальность, а в чем-то и парадоксальность.

Санкт-Петербург относительно многих крупных городов России – молодой город, но с очень богатой историей и разнообразием именованных: от славного «Петровского парадиза», что в переводе указывает на рай (лат. paradises – рай), «Града Святого апостола Петра» – хранителя ключей от рая; «города-сада», «Северной Пальмиры», «сокровищницы культуры», «духовного и военного щита России» до трагических: «Колыбели революции», «города трех революций» и, наконец, «непокоренного Ленинграда», города-героя.

Санкт-Петербург – вторая столица России, по сути, был столицей только православной империи с самых первых дней ее существования. С волной революций город дважды менял именование: Петроград – Ленинград. Одно указывало на отречение от святого небесного покровителя, а последующее – на почитание кумиров.

В литературе за Санкт-Петербургом закрепился эпитет – «самый умышленный город» (Ф. М. Достоевский), который напоминает об особой миссии города, задуманного как «кусочек рая на земле», и, возможно, потому и принявшего на себя великие удары и потрясения истории.

Сегодня, после возвращения истинного имени – «Санкт-Петербург», город вновь начал обретать славные символические именованья. Одним из таких стало «город трех Серафимов». Серафим – это имя того, кто пламенеет любовью к Богу. В честь небесных серафимов были названы Серафим Саровский, Серафим Петроградский и Серафим Вырицкий.

Подводя итог настоящей статье, можно сделать вывод, что главным уроком XX столетия – самого жестокого и противоречивого века в истории человечества, должен стать жизненный путь новомучеников, который есть путь к святости, путь, проложенный верой и пройденный с любовью.

*Победитель детско-юношеского конкурса сочинений,
посвященного подвигу новомучеников и исповедников
Санкт-Петербургской епархии*

«Здравствуй, дорогая мать Мария. Вот. Решилась написать тебе письмо»

*Светлой памяти святой преподобномученицы
Мариш Гатчинской*

«Различен их возраст, но одна вера; неодинаковы подвиги, но то же самое мужество; те древни по времени, эти юны и недавно убиты. Такова сокровищница церкви: в ней есть и новые и старые жемчужины... и вы не почитаете иначе древних и иначе новых мучеников... Вы ищете мужества, благочестия душевного, веры непоколебимой, ревности открыленной и горячей...». Св. Иоанн Златоуст.

Мученик – человек, принявший мучения и смерть за исповедание веры в Иисуса Христа. «Святость мучеников» – это древнейшая разновидность святости, получившая признание в Церкви. Само это слово происходит от греческого слова «мартис» (греч. *μάρτυς*). Основное значение этого греческого слова – «свидетель»¹. **То есть, мученик – это свидетель истинной живой веры в Господа Иисуса Христа, свидетель торжества благодати над смертью, вечной жизни над тлением, свидетель Правды и Воскресения, свидетель Любви.**

«Малосмысленный, неученый и ничего не стоящий человек намеревается написать и выставить всем напоказ прекрасную, величественную и привлекательную картину, то есть рассказать о подвиге святых мучеников; в то же время нет у него и красок, достойных такой картины, и персты его неспособны даже этой картине дать совершенное на-

---

¹ Никольский Е. В. Святые мученики: история и современность. (<http://ist-konkurs.ru/raboty/2007/991-svyatye-mucheniki-istoriya-i-sovremennost>)

чертание. Как же он, ничтожный и неискusstный, осмеливается написать картину, которая выше маломощных сил его?»¹ Так говорит великий учитель Церкви святой преподобный Ефрем Сирин.

А как же тогда нам, грешным, дерзать словом о Новомучениках и Исповедниках Российских?

Да не накажет нас Господь, недостойных, и помилует нас.
 Боже, очисти мя грешнаго,
 яко николиже сотворих благое пред Тобою;
 но избави мя от лукаваго, и да будет во мне воля Твоя,
 да неосужденно отверзу уста моя недостойная и восхваляю
 имя Твое святое, Отца и Сына и Святаго Духа,
 ныне и присно и во веки веков.
 Аминь.

Честна пред Господом смерть преподобных Его.
 (Пс. 115:2)

«Конкурс сочинений? Да, подумаешь, дел-то на три часа! Угу, конечно-конечно, все сделаю, все напишу,» – легко согласилась я, услышав в воскресной школе о конкурсе. Пробежала глазами рекомендованный список, сразу «выхватила» имя преподобномученицы Марии Гатчинской – как раз недавно только были у нее, месяца не прошло.

Время шестиклассницы бежит быстро, сроки поджимают, но давши слово – держи. Села и крепко задумалась. Ну, что я, девочка, могу сказать еще о подвиге святой преподобномученицы, когда умные и сильные мужи уже поведали о нем столько правильного и красивого? Подошла к образу матери Марии, постояла возле, закрыв глаза, «услышала» памятное: «велича-а-ем, величаа-аа-ем тя, святая преподобномученице маги наша Мари-е, и чтим честна-аа-я страд-а-ния твоя, яже за Христа претерпе-ела еси.» (см. приложение, риС. 1) На сердце стало вдруг очень тепло и уютно, и просторно, и хорошо. Я улыбнулась и пошла писать.

«Здравствуй, дорогая мать Мария. Вот. Решилась написать тебе письмо. Ты прости меня, если чего не так вдруг скажу, я к тебе как к родной, как к своей...»

1900 год. Наше горемычное государство трясет и шатает, интеллигенция жаждет знамений и символов, Церкви необходимы реформы, а простому люду – глоток жизни. Полным ходом идет строительство железных дорог, развиваются монополии, голоса наглеют и крепнут, со-

¹ Преподобный Ефрем Сирин. Творения. Труд 95. Похвальное слово мученикам. (https://azbyka.ru/otechnik/Efrem_Sirin/tvorenia/95).

всем скоро страна получит закон о вероисповедании – «свободу жить без совести». А шестнадцатилетняя гимназистка Лидочка теряет последние силы. Девочка – всего на три года старше меня – терпит сильнейшую боль, страх, стыд, полнейшую неизвестность о себе дальнейшей. А потом едет в инвалидной коляске сдавать экзамены. Зачем?! Ведь врачи уже поставили диагноз, спаси и сохрани нас всех, Господи, от такого! Я лезу в интернет, читаю статью в Википедии о страшных зверях – болезни Паркинсона и энцефалите вместе с ревматизмом и подагрой, после пробую представить себя, а то и всех наших девчонок из класса в такой ситуации и зажмуриваюсь, у меня даже представить не получается.

«Дорогая наша мать Мария! Я, когда думаю о том, каково тебе было в то время, у меня сердце будто сжимается. И какая же ты терпеливица была! Как маленькая искорка, светлый огонечек, который поместили в холодный мокрый сосуд и стеснили со всех сторон, а он знай себе теплится! Помолись за нас, научи быть такими же стойкими и кроткими, как испросить себе хотя бы немножечко такой же живой веры...»

Я читаю житие святой Марии Гатчинской. Отца не стало совсем рано, она, наверное, и не помнила его совсем. Когда заболела, родные боролись за нее до последнего, перевезли ее в Гатчину, и сами все вместе переехали, были рядом, а позже, когда и мама с братьями отошли, осталась с больной Лидой младшая сестренка Юля. Я думаю. Наверное, Юля была красивая девушка, такая молоденькая столичная «штучка», как сказали бы сейчас, из достойной и не бедной семьи. Ведь могла бы жить своей личной жизнью, ну, заболела сестра, а она-то причем... А что, разве так не бывает? Могла бы, да не смогла. И значит это, что с самого начала было в этой семье, как в благодатной почве, заложено то самое малюсенькое зернышко, что проросло и расцвело удивительной верой и заструилось животельной влагой, залучилось мягким нежным светом не только для них самих, но и для стольких жаждущих, бедных и несчастных нас.

«Матушка Мария, вот ты уже монахиня! Ты потрясающе красивая! В черном величественном монашеском одеянии, на груди блестят четки, ты лежишь неподвижно и очень прямо, и тебе больно, очень-очень больно, всегда. А за дверью – мы. У нас есть руки и ноги, но мы не двигаемся, а все больше суетимся, все чего-то горбимся, дергаемся, плачемся. Все-то нам не то, и все-то нам не так. И нам очень-очень надо к святой Марии. Мы мало думаем о том, каково тебе вот так лежать и терпеть. Мы все время думаем о себе. А ты ждешь нас и терпишь. Тебе так жалко нас, глупеньких. Так хочется тебе обнять нас крепко-крепко, прижать к самому сердцу, погладить по головке, утешить, изгнать всякий мрак, залить светом все вокруг. И ты обнимаешь, и гладишь по головке, не руками – словом, идущим прямо из сердца, чистым, лучи-

стым, теплым и удивительно добрым, для каждого – своим. И мы выпрямляемся. И все вокруг вдруг становится ярким, живым и понятным. Это Господь наш Иисус Христос только что явил нам свою велию милость! Мать Мария, это так выглядит Любовь?...»

«С преподобным преподобен будеши» (Пс. 17:26), – говорит святой пророк и царь Давид, ибо, по слову святителя Афанасия Великого, «Господь справедлив и сподобляет благодеяния Своего, потому что Он праведен, с преподобным умеет быть преподобным». ¹ Так при земной жизни святой Марии Гатчинской Господь укрепляет ее, так промыслительно устраивает, что вокруг нее собираются люди такой же искренней веры и твердого намерения до конца стоять за «истину Христову и Церковь». На старых фотографиях священномученик митрополит Вениамин Петроградский и священномученик митрополит Иосиф Петроградский, архиепископ Димитрий (Любимов), священномученик протоиерей Викторин Добронравов, священник Алексей Кибардин, м. Варсонофий, служивший в Федоровском соборе Царского Села, архимандрит Лев (Егоров), его брат Гурий (будущий митрополит) и другие. Эти святые мужи тоже приезжали к Марии Гатчинской, общались с ней, оставляли с великой благодарностью смиренные слова о том, как утешила их «Глубокочтимая страдалица матушка Мария, среди многих скорбящих, и меня грешного» (Владыка Вениамин). Именно митрополит Вениамин благословил рабу Божию Лидию на постриг в монахини с именем Мария, в честь равноапостольной Марии Магдалины. Постриг проходил торжественно на Покровском подворье Пятогорского монастыря в Гатчине. И «было много приезжих из Санкт-Петербурга архиереев, священников, диаконов, и было очень торжественно, и огромный монастырский храм был полон народу» (Анна Алексеевна Епанчина).

«Дорогая мать Мария, я совсем не святой муж, и скорбей-то вроде бы у меня нет, но очень хочется почему-то сказать точно так же. Среди многих, утешь и меня, грешную. И всех моих родных, и всех ребят, с кем я учусь, и их пап и мам, и всех учителей, и всех сердитых несчастных – руки в боки, и бедных бабушек в худых платочках, и всех бабюшек, которые так стараются для всех нас и устают, а мы все равно не так делаем, а больше всего этих деловых дядек и тетек, которые вот уж точно скорбящие, потому что они думают, что за деньги могут купить все, представляешь, даже утешение. Мне их всегда очень жалко. Всех жалко. Помолись за нас...»

¹ Святитель Афанасий Великий. Толкование на псалмы. (https://azbyka.ru/otechnik/Afanasij_Velikij/tolkovanie-na-psalmy/).

В 20-е годы вокруг матери Марии «образуется православное сестричество, занимающееся молитвой, чтением и изучением Священного Писания и помощи ближним. Сестричество это называлось кружком почитания о. Иоанна Кронштадтского. Почитать память святого пастыря в то лютое время было большим дерзновением, но небесное заступничество святого хранило и укрепляло сестер в их благом делании».

Зачем собирались и чего хотели эти люди?

«В конце царствования Императора Александра III Россия достигла неслыханного внешнего могущества, при полном внутреннем порядке и спокойствии. Экономическое благосостояние было очень велико и быстро росло, и весьма многие жили в богатстве. На рубеже 19-20 веков богатство страны продолжало увеличиваться, но нравственность стала падать с головокружительной быстротой. Про Бога забыли, говорили: «Бога нет, мы и без Бога хорошо проживем».

От бывшего в России благочестия, когда в каждой избе читали «Четьи Минеи», не осталось и следа»¹.

Святой праведный отец Иоанн Кронштадский писал: «Перестали понимать русские люди, что такое Русь: она есть подножие Престола Господня! Русский человек должен понять это и благодарить Бога за то, что он русский»².

Для того, чтобы вспомнили люди «коего духа есте» (Лк. 9, 55), чтобы крепились и держались, и не забывали, что надо молиться за Россию и всех бедных и заблудших, чтобы был дом, в котором всегда горит огонь веры, и в котором, наконец, всегда можно было бы найти реальную помощь – вот для чего давал Господь таких, как святая Мария Гатчинская и тех добрых девушек возле нее.

«18 февраля 1932 г. повсеместно прошли массовые аресты монашествующих. В Гатчине были арестованы сестры закрытого Нежадовского монастыря и сестры Покровского подворья Пятогорского Вохоновского женского монастыря. А на следующий день, в пятницу 19 февраля арестовали и мать Марию с сестрой Юлией Александровной». Мать Мария испытывала невообразимые мучения, но на допросах подтвердила, что является истинною православною, имен людей, которые приходили к ней, не назвала, отвечала на вопросы безбоязненно и с такой силой Духа, что новой власти немедленно хотелось избавиться от этой монахини-инвалида, сияющей странным светом и вызывающей у не-

¹ И. К. Сурский. Отец Иоанн Кронштадский. Том 2, Отдел 3. Глава 76. Как произошло то, что Святая Русь забыла Бога.

² Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Самодержавие Духа. Глава 1. Но избави нас от лукавого.

честивцев неподдельные страх и отторжение. Слова «сила бо моя въ нёмощи совершаётся. Сладць ўбо похвалюся паче въ нёмощехъ моихъ, да вселится въ мя сила Христова» (2 Кор. 12:9) исполнились на ней в полной мере.

Мать Марию должны были отправить в ссылку. «Дело мудрого – знать меру, на сколько положить в огонь золото и когда его вынуть оттуда»¹. Тем паче премудр Господь: Он избавил свою верную дочь от мучений и забрал 17 апреля 1932 года.

«Дорогая мать Мария! Вот, читаю о том, что творилось в России при твоей земной жизни и понимаю, как ты была необходима людям. Но еще больше ты нужна сейчас нам. Бог видит, сколько неправильно и нехорошего делаем мы – люди. Как мы забываем Господа своего. Сколько боли приносим своим близким, как мы слабы, как быстро мы теряемся среди постоянного потока всяких ненужностей и излишеств. Как скоры мы на осуждение других и на жаление себя. Но Господь видит и то, как мы стараемся, как мы надеемся и верим! Как мы учимся любить Бога, свою Родину, людей, что рядом с нами! И что у нас это даже получается!»

Святая преподобномученице мати Марие, не остави нас, грешных, своими молитвами, моли Бога о нас!

Да хранит Господь страну нашу!

Боже Милостивый, слава Тебе за всё!

И когда Он снял пятую печать, я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели. И возопили они громким голосом, говоря: доколе, Владыка Святый и Истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу? ...и сказано им, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число (Откр. 6, 9–10, 11).

«Могла ли Русская Церковь миновать общий всем христианам путь, начертанный Христом? “...Возложат на вас руки и будут гнать вас, предавая... в темницы, и поведут пред... правителей за имя Мое...” (Лк. 21, 12). Это Божие определение о Церкви открылось со всей очевидностью еще с апостольских времен. А для России час испытания ее веры, час подвига за Христа пришел в XX веке, ибо не без России Вселенская Церковь должна была достигнуть полноты духовного возраста и совершенства. Почти через тысячелетие после принятия христианства с небывалой силой на Русскую Православную Церковь обрушилось гоне-

ние, движимое активным богоборчеством, целью которого было стереть Церковь с лица земли и изгладить само воспоминание о Боге в сердцах россиян. И цель оправдывала средства. В относительно короткий период – за семьдесят лет – земная Русская Церковь пополнила Небесное Отечество множеством русских святых мучеников и исповедников. Против христианства, вооруженного лишь крестом и молитвой, ополчились власть и вся сила зла в безумном порыве уничтожить, растоптать в нем Христа. И Россия во главе со своим Патриархом вступила на свою Голгофу. Ожидая исполнения своей участи, митрополит Вениамин оставляет своим ученикам и сопастырям заповедь – бессмертные слова возвышенной силы. “Тяжело страдать, но по мере наших страданий избыточествует и утешение от Бога. Трудно переступить этот рубикон, границу, всецело предаться воле Божией. Когда это совершится, тогда человек избыточествует утешением, не чувствует самых тяжелых страданий”. “Страдания достигли своего апогея, но увеличилось и утешение, – пишет он. – Я радостен и покоен... Христос – наша жизнь, свет и покой. С Ним всегда и везде хорошо. За судьбу Церкви Божией я не боюсь. Веры надо больше, больше ее надо иметь нам...”

Русские новомученики – это те, ожидаемые Вселенской Церковью жертвы, кои дополнили число убиенных за Слово Божие. “Новые страстотерпцы Российстии, исповеднически поприще земное претекшии, страданьми дерзновение приимшии, молитесь Христу, вас укрепившему, да и мы, егда найдет на ны испытания час, мужества дар Божий восприимем. Образ бо есте лобызающим подвиг ваш, яко ни скорбь, ни теснота, ни смерть от любве Божия разлучити вас не возмогоша”. А мы, взирая на сияние славы сих Российских мучеников с надеждой на возрождение нашей Церкви, нашей Родины – многострадальной России, – из глубины своих верующих сердец взываем ныне: “Святии новомученики и исповедники Российстии, молитесь Бога о нас!” Аминь».

Так сказал Архимандрит Иоанн Крестьянкин 13 февраля 1994 года о Новомучениках и Исповедниках Церкви Российской.

Что могу я сказать после таких слов? Только еще и еще раз просить:

Святая преподобномученице мати Марие, моли Бога о нас!

Святии новомученики и исповедники Российские,

молите Бога о нас!

Слава Тебе, Боже наш, Слава Тебе!

*Победитель детско-юношеского конкурса сочинений,
посвященного подвигу новомучеников и исповедников
Санкт-Петербургской епархии*

«МОТЫЛЬКИ В ТИШИНЕ»

Тихо. Сыро и тихо. Только изредка капает с деревьев после ночного дождя. Солнце, едва проснувшись, обнимает озябшую землю. Лучи его скользят по веткам и листьям, играя солнечными зайчиками в каплях. Солнце сумело уже проникнуть даже в самые темные уголки леса, и теперь тишина наполнилась золотым блеском утренней зари. Там, где больше всего света, неслышно порхают нежно-голубые мотыльки.

Внезапно раздается глухой механический стук и сейчас же отзывается тугими хлопками издали. На миг становится тихо, но тут же тишину рвет оглушающий рокот взрыва. Комья багрового дыма скрывают солнце, и из-под земли вырывается огненный смерч. Сквозь грохот слышны крики и равномерный треск, частый и протяжный. Стволы деревьев поминутно вспарывает автоматная очередь. Куски черной почвы, пыль и щепки вперемешку с огнем взмывают в розовеющее небо. Тут же все звуки неожиданно стихают.

Из-за деревьев, бесшумно ступая, выходит с десятков мужчин в серо-зеленой военной форме, один из них тащит на спине своего мертвого товарища. Оглядываясь и прижимаясь к земле, они пересекают поляну с курящимися воронками взрывов. Сквозь деревья в задымленном воздухе просматриваются очертания огромной боевой машины, корпус которой оплавлен и смещен вправо. Группа подходит к ней, внимательно и осторожно осматривает тлеющую обшивку. Не производя ни звука, солдаты обходят поле боя, снимают с убитых в черных балахонах оружие, после чего, прислушиваясь и осматриваясь по сторонам, скрываются в лесу.

Наскоро разбитый военный лагерь в лесной низине. Палатки, пара костерков в окопах, часовые, расставленные по периметру, в центре два легких «Паука» – самоходные орудия. Из-за листвы, друг за другом, по-

казалась, тяжело ступая, группа военных. От нее отделились двое (они несут мертвого), направляются к палаткам, остальные разбредаются по лагерю.

Молодой парень, бережно уложив тело товарища на подстилку, устало отходит к дереву и сел, вытягивая ноги в тяжелых армейских ботинках. Он снимает шлем, обнажая угловатые черты лица, большие грустные глаза и гладко выбритый череп. Появляется командир группы с русой бородкой и сломанным недавно и оттого кривым носом – Ленья. Он внимательно смотрит на парня и спрашивает:

– Ну, как ты, Серый?

Тот долго не отвечает, но потом, мотнув головой в сторону палатки, цедит сквозь зубы:

– За что? За что мы тут умираем? Не наша это земля, не за родину ведь гибнем! Какое нам дело до этой войны?

Ленья положил руку ему на плечо:

– Сереж, мы должны защитить этот народ! У нас одни корни, они нам как братья! А главное – вера одна! Вот ты хочешь что бы «эти» пришли к нам, разрушили храмы, втоптали в грязь нашу веру общую? Это уже повод встать на защиту этого народа! Брат за брата, помнишь?

Парень сплюнул:

– За веру мы должны это терпеть?

– Да знаешь, сколько людей за веру и умирали, и терпели? Когда я жил в Питере, еще давно, до этой войны, у нас был храм Андрея Критского, туда бабушка моя ходила, и у нее знакомая была – Валентина Васильевна. Так вот она рассказывала, что с детства знала хорошо одного священника, он в храме нашем служил – монах Сергей, – так же, как и тебя, его звали, кстати. До того, как он стал монахом – Иваном крестили, так вот он за веру-то как раз после революции пострадал!

Сережа присвистнул:

– Ууууу, когда было-то?!.. И что у него за терки с Советами были?

– Монархист был, защитник веры, как получается, и мы с тобой... долго рассказывать...

Сережа устроился у дерева поудобнее и пристроил автомат на коленях:

– Валяй...

– Я потом заинтересовался, посмотрел историю его жизни – он родился в крестьянской семье. Когда подрос, стал посещать монастыри, в восемнадцать поступил послушником в Валаамский монастырь, где провёл несколько лет. Условия послушания в этом монастыре были очень тяжёлые и ему были не под силу.

По совету настоятеля монастыря, Иван решил перейти в Сергиеву пустынь, около поселка Стрельна. Это как раз рядом с моими домом. – Леня невольно улыбнулся, вспоминая о доме, но продолжил рассказ:

– Иван был принят и, согласно порядку, два года прожил в обители, как мирянин, посещая богослужения и исполняя монастырские послушания. Потом был пострижен в монашество с именем Сергей в честь Сергия Радонежского, кажется...

Сережа встрепенулся:

– Слушай, а меня ведь предки тоже в честь него назвали!

– Ну, вот, видишь, вы совсем тезки...

– А еще отец Сергей был духовником великих князей Константина Константиновича и Дмитрия Константиновича. Их дворец рядом с пустынью – тоже в Стрельне – Константиновский, слышал, наверное. Там теперь резиденция Президента нашего? Потому, наверно, был иеромонах Сергей монархистом убежденным, что близок был ко двору. Спустия много лет, на допросе в ОГПУ говорил, что «факт отречения Государя от престола... встретил с огромным сожалением, скорбел за помазанника Божьего, так как... лично был самым тесным образом связан с интересами династии и был всем обязан царскому строю». Октябрьскую революцию «воспринял как тягчайшее бедствие для страны, означающее безвозвратную гибель прежней России», впрочем, так оно и есть...

Сережа пожал плечами в ответ и принялся начищать автомат карманной щеткой.

– И что дальше было?

– В 1919 году стал служить в Володарке, в 2х километрах от пустыни, в эти послереволюционные годы туда на службы и ходила девочкой знакомая моей бабушки Валентина, мать ее для о. Сергия пироги с капустой пекла – он любил. А в 1924-ом стал епископом. В те поры случилась у Валентины беда – бабушка при смерти, о. Сергей соборовал ее перед смертью, а она просит его отпеть ее, когда умрет. Он пообещал, а тут распоряжение приходит – ему во епископы рукополагаться. Так он обещание все-таки выполнил – уже в епископском сане приехал отпевать ее. И продолжал епископом служить в храме Андрея Критского, но вскоре был арестован и постановлением ОГПУ приговорен к пяти годам тюрьмы. На допросах не скрывал монархических убеждений, мужественно вёл себя на следствии. Заявил: «За все, что большевики совершили и продолжают совершать, за расстрелы духовенства и преданных церкви Христовой, за разрушение церкви, за тысячи погубленных сынов отечества большевики ответят, и русский православный народ им не простит. Я считаю, что у власти в настоящее время собрались со всего мира гонители веры Христовой. Русский православный

народ изнывает под тяжестью и гонениями этой власти...». Понимаешь, Серый? Он не боялся сказать им в лицо все, что думал, хотя знал, что потом будет страдать, но был готов к этому!

– Да... это реально круто, а мужика этого убьют за подобное?

– Вот, слушай. Отбыв срок в Ярославской тюрьме, отправился в ссылку на три года в Йошкар-Олу, там служил тайно, а местное население чтит его как святого даже...

– А разве живых святыми считают?

– Официально нет, но народ праведников всегда почитает. А вот для «истинно-народной власти» НКВД он враг – приговорили нашего Владыку к высшей мере наказания и расстреляли в подвале Йошкар-Олинской тюрьмы в 1937 году.... Вот так ...он умер, но веру не предал и был против ее хулителей до самого конца!

Сереза отложил автомат, бережно прислонив его к дереву:

– Что ж, смело, конечно. Но, Лень, ты сам подумай, что ему терять? Семьи нет, страна, которую он знал и любил, тоже уже перестала существовать...

– А он верил, что власть безбожная долго не удержится, и на допросах даже об этом говорил! Да ведь не один он такой! Расстрелянных за веру тысячи тогда были, все добровольно на муки шли, но от веры не отреклись. Дети и женщины в их числе... сколько их погибло! А царская семья?! Да, и Константиновичи были расстреляны большевиками – Игорь, Иван и Константин (младший, не К. Р.) – в Алапаевске вместе с Великой княгиней Елизаветой Федоровной, а Дмитрий, который был особенно близок Владыке – в Петропавловской крепости в 1919г. Все за Родину свою православную, за отеческие гробы, за веру во Христа умирать готовы были, ради высшей цели! Не отреклись от Христа даже до смерти. Веру защитить и корни свои, братьев своих единокровных – дело же правое?

В мире еще осталось хорошее и доброе. За это, поверь, стоит сражаться и умирать!

Сереза довольно потряс головой и почесал бритый затылок:

– Выходит, так... а за идею умирать страшно?

– Умирать всегда страшно, но лучше ведь умереть ради высшей цели. Знаешь, в Священном Писании есть слова такие: «Нет больше той любви, чем положить душу за други Своя» (Ев. Ин 15:13).

Военный обернулся на убитого товарища, и лицо его снова приобрело угловатость и отпечаток грусти.

– А Макар? Он, типа, тоже за веру умер? Он в рай попадет?

Командир пригладил бороду и закусил нижнюю губу, призадумавшись, но вскоре улыбнулся и утвердительно кивнул:

- Да, обязательно!
- Слушай, а если я здесь умру... и я тоже туда... в рай?..
- И ты тоже ... все мы, как и епископ Сергей, за идею, за веру головы сложим, ежели тут погибнем...

Леня поднялся, опершись на свою винтовку, и распрямился.

На лагерь опускались клочья тумана, становилось холодно. Солнце заваливалось за холмы и последние его лучи прощально блеснули на обшивке «паука». Небо стало темно-синим, а на западе тусклым светом зажглась первая звездочка. Костры тихо потрескивали ветками, слышался глухой гул голосов – солдаты начинали ужинать. А Сережа все сидел, привалившись спиной к стволу огромного дерева.

Еще засветло, в боевой амуниции и с полным боезапасом, десять человек во главе с Леонидом друг за другом растворились в предзвездной мгле. Лес снова был тихим, как и в прошлую атаку. Все вокруг было синее: деревья, кусты, небо, молчаливые военные. Все сливалось в тихий, угрюмый комок. Солдаты шли долго и остановились, только дойдя до края леса. Деревья стали реже, и приходилось вжиматься в высокие и мокрые от росы траву и кусты, чтобы не маячить на открытом пространстве. Вскоре утренний туман растаял, и на краю леса стала видна широкая дорога. Группа, отыскав наиболее удобные и незаметные со стороны дороги позиции, притаилась, прижимаясь к земле. Прошел час, второй, сейчас должна была выдвинуться основная группа из лагеря. Время тянулось медленно. Поднявшееся солнце сделало и без того напряженный воздух душным. И в тот самый момент, когда ожидание боя стало невыносимым, откуда-то справа послышался далекий рокот моторов. Он становился все громче, и совсем скоро земля мягко закачалась под солдатами. По дороге, рыча и шипя, двигалась колонна длинных боевых машин попеременно с закутанными в черное вооруженными группами.

– Ну, с Богом! – выдохнул Леонид.

Сережа одобрительно кивнул:

– За веру!.. как Сергей...

Пропустив пару машин мимо, Леня медленно поднял автомат и, шумно вдохнув носом, выпустил очередь по колесам машины. Сергей выдернул чеку гранаты и бросил ее в орудие противника. Послышался глухой звон, машина забуксовала и остановилась, перегородив дорогу остальным. Тут же из-под гусениц вырвались снопы огня, вмиг охватив весь корпус. Черные балахоны засуетились у пылающего орудия. Группа медленно, перебежками, наступала. «Балахоны» палили наугад сквозь тугую дымовую завесу, вспарывая стволы деревьев и срезая тол-

стые трубчатые стебли борщевика пулеметными очередями. Теперь Леня заманивал врагов ближе к лесу, отводя группу на расстояние и обливая колонну машин шквальным огнем. Но машины оставались неподвижны, а к лесу стягивались десятки закутанных в черное бойцов. Нужно было загнать хотя бы несколько гусеничных орудий в лес, где удобнее всего справиться с ними – неповоротливыми среди деревьев.

Никто не рещался на дерзкую атаку, ведь это означает верную смерть атакующего.

Но не боятся смерти те, кому есть, за что умирать и сражаться!

Сергей, пригнувшись к земле, бежал навстречу врагам, руки его сжимали связки взрывчаток. Глаза были полны решимости, и только одними губами он шептал: «Бог, помоги мне!» Под ногами кипела земля от пуль, но он продолжал бежать – знал, товарищи прикроют. Колонна рассыпалась и боевые машины одна за другой съезжали с дороги, не переставая прижимать остатки группы пулеметами. Сергей с размаху запустил взрывчатку под гусеницы одной из них, сейчас же машина вспыхнула, как спичка. В этот миг парня что-то сильно ткнуло в плечо, затем толчки пробежали по животу и ногам, жар разливался по телу и повсюду начала проступать жгучая боль.

Леня отбросил в траву последний опустевший рожок и достал большой черный нож, в другой руке зажал пистолет. Прислонившись к изрешеченному от пуль стволу дерева, прошептал: «Серый, все там будем». Встал в полный рост, оглядел бездыханную группу, и зашагал, набирая скорость, к толпе черных балахонов, выставив вперед руку с пистолетом.

Он знал, что наши уже выиграли – основной группе нужно было бы еще всего каких-то пять минут, и он, Леня надеялся им их предоставить...

«Со святыми упокой»... – приглушенно звучал голос священника, кафельный дым растворялся в утреннем тумане и возносился к встающему солнцу вместе с молитвой о новопреставленных воинах Сергии и Леониде, и о приснопоминаемом епископе Сергии, и о рабе Божией Валентине – «...но-о жи-изнь бесконечная»...

Тихо. Сыро и тихо. Только изредка капает с деревьев после ночного дождя. Солнце, едва проснувшись, обнимает озябшую землю. Лучи его скользят по веткам и листьям, играя солнечными зайчиками в каплях. Солнце сумело уже проникнуть даже в самые темные уголки леса, и теперь тишина наполнилась золотым блеском утренней зари. Там, где было больше всего света, неслышно порхают нежно-голубые мотыльки...

Священник Игорь Иванов

«Марсово поле» или романтический иллюзион революции

Кому незнакомо петербургское Марсово поле? Рядом с ним Летний и Михайловский сады, Михайловский замок и Русский музей, храм Спасна-Крови, Мраморный дворец, памятник Суворову и Троицкий мост.

Гуляя по центру, так или иначе выходишь на это открытое пространство, где в летнее время можно увидеть, как на газонах разнообразная публика отдыхает от своих забот: тут можно повстречать и группки, медитирующие вокруг своего гуру, и упражняющихся спортсменов, и молодежь, играющую в различные игры с мячом, и просто мирно лежащих и сидящих на траве обывателей. И, конечно, вечные влюбленные парочки встречаются здесь и там на дорожках Марсова поля. И может показаться, что мало кто заходит внутрь революционного мемориала, где горит «вечный огонь». Но так ли это?

Или же сотни людей, ежедневно проходя мимо выбитых в камне надписей, останавливаются, читая их, и волей-неволей размышляют над произошедшими сто лет назад событиями, отвергают или впитывают в себя революционный речитатив. Какая мотивация может невзначай сформироваться в сознании? Не тлеет ли синее пламя романтических революционных иллюзий в сердце каждого из нас, и не возгорается ли оно при чтении этих псевдо-сакральных, но тем не менее архетипических эпитафий? Не ждем ли мы от мрачного духа Революции некоего «чуда» преображения нашего бытия? Раскрепощения, свободы и... безответственности? А что, если для революционного сознания жизнь и смерть (своя и чужая) – это игра, иллюзион? Что же им придает смысл?..

...Когда-то, в XVIII веке, это место называлось «Потешное поле», затем «Царицын луг». В XIX веке оно стало именоваться «Марсовым полем», по аналогии с марсовыми полями в Риме и Париже, а также поскольку здесь проходили военные парады... С 1918 по 1940 г. оно получило пафосный титул: «площадь Жертв революции». Красноречивое и двусмысленное название! Ведь «жертвами революции» могут быть названы не только те, кто погибли, сражаясь за лозунги о «свободе, равен-

стве и братстве»¹, но и все те, кто были именно этими борцами принесены в жертву самой Революции, кто были закланы, как агнцы, ради осуществления социального рая на Земле. И, можно сказать, что здесь же были похоронены иллюзии старого русского мира. Здесь зародилась новая квази-религиозность – культ Революции. На фотографиях с Марсова поля в июне 1917 года мы видим надписи на транспарантах: «Вечная память мученикам Революции!» Вот такой переворот в сознании (для) «традиционно крещеных», вот такая подмена смыслов...

Об этом в 1918 году написал русский философ Николай Александрович Бердяев (1874-1948): «Русская революция в своем роковом и фатальном развитии означает гибель русских иллюзий, – славянофильских, народнических, толстовских, анархических, революционно-утопических и революционно-мессианских»². Жестко и безапелляционно судит Бердяев прекраснодушный мечтательный утопизм дореволюционной (мы уже знаем, что по сравнению с XX веком – сытой и спокойной) эпохи³: «Величайшую ответственность за торжествующее в жизни зло несут те, которые зачали его в идее, те первые, немногие, которые в извращенном духовном опыте поддались обманчивым и лживым призракам. Русская идейная интеллигенция, принадлежащая к разным лагерям, жила иллюзиями, вдохновлялась ложной верой и призрачными идеями. И вот наступил час расплаты. Настало время, когда это нужно сознать под принудительным давлением жизненного опыта»⁴.

Именно о февральском революционном прекраснодушии напоминает нам тот факт, что мемориал на Марсовом поле был создан весной 1917 года и носил название «Героям-борцам за свободу России, павшим жертвою в этой борьбе», то есть он первоначально был посвящен жертвам собственно Февральской революции, которая сперва казалась плодом обольстительных иллюзий о демократии без самодержавия, а после оказалась мертворожденным выкидышем истории. Но “Der Mohr hat seine Arbeit getan, der Mohr kann gehen”⁵ Отметим, что и Н. А. Бердяев был обольщен чарами иллюзионистической свободы Февраля: «Великая русская революция», «всенародный порыв», «общенациональный сдвиг» – такими определениями наделял Бердяев февральско-мартовские события 1917 г. в России. «Русская революция самая национальная, самая патриотическая, самая всенародная из всех революций, наименее классовая по своему характеру, не «буржуазная» и не «пролетарская»»⁶. Но направить революционный порыв в созидательное, а не в разрушительное русло было не так-то просто. А возможно ли это в принципе? – хочется спросить у всех революционеров в истории человечества, которые с легкостью ломали сложнейший организм государственного и общественного устройства, но с величайшим тру-

дом нескольких поколений его потом восстанавливали (если вообще им на это отводился исторический ресурс времени).

Вот, что пишет по этому поводу исследователь В. П. Кошарный: «Все лето и осень 1917 г. вплоть до Октябрьского переворота Струве, Бердяев, Булгаков, Изгоев, Лосский, Франк и другие авторы журналов «Русская мысль», «Русская свобода», «Народоправство», «Накануне», «Вестник партии народной свободы» выступали против революционного, классового социализма, отстаивали идею примата высших ценностей (религии, философии, науки, культуры, нравственности) по отношению к ценностям «относительным», писали о культурном призвании демократии и жизненной необходимости патриотического объединения, обличали «народничество» и экстремизм большевиков, защищали свободу и достоинство слова, но их выступления уже ничего не могли изменить. Не помогли и спешно созданные организации и общества типа «Лиги русской культуры», основанной Струве в мае 1917 г., Союза эволюционного социализма – организации, созданной некими руководящими деятелями кадетской партии по образцу Фабианского общества, особой секции Петербургского философского общества, основавшей Союз духовной революции, на митингах и заседаниях которого говорили о необходимости «углубления» революции, но посредством «революции со вести», таящей «религиозный смысл». Но было уже слишком поздно. Революционный вал уже нельзя было остановить»⁷.

Взращенный в умах обывателей миф о Революции – окропленный кровью жертв со всех сторон противостояния – требовал себе оправдания, обоснования, культа и служения. На Марсовом поле это обоснование было высечено на гранитных плитах в виде чеканных (в античной стилистике) фраз, посвященных жертвам борьбы за свободу. Тексты были написаны наркомом просвещения А. В. Луначарским. По сути – это общие места, возведенные в ранг абсолютной социальной истины и преподнесенные как поминальная, надгробная речь (своего рода «революционная лития»).

С другой стороны эти тексты воспроизводят установки известной листовки Петербургского комитета РСДРП, распространенной после 14 февраля 1917 года. В ней говорится, в частности: «Мы хотим вести войну до конца, и мы должны ее кончить нашей победой! Но не ту войну, какая уже третий год разоряет и терзает народы. Мы хотим вести войну против этой войны. И первым оружием у нас должно быть ясное сознание того, где наши враги, кто наш друг».

Предложена незамысловатая схема: есть только две категории людей – «угнетенные» и «угнетатели». Угнетать – плохо! Кто с этим поспо-

рит? Встать на сторону «угнетенных» – честно и справедливо! Образ врага найден – это все мировые «угнетатели», а на тот момент (февраль 1917): российское самодержавное государство.

Теперь рассмотрим эти восемь текстов:

1

К сонму великих / ушедших от жизни / во имя жизни расцвета / героев восстаний / разных времен к толпам якобинцев / борцов 48 / к толпам коммунаров / ныне примкнули / сыны Петербурга;

Здесь прославляются все герои восстаний. Примкнуть к ним – стать великим. Позиционируется некое «общее дело» всех времен и народов.

2

Не жертвы – герои / лежат под этой могилой / не горе а зависть / рождает судьба ваша / в сердцах / всех благодарных / потомков / в красивые страшные дни / славно вы жили и умирали прекрасно;

Здесь также происходит поэтизация героев революции – «славная жизнь» и «прекрасная смерть». Утверждается некая лучшая участь, которая даже рождает зависть.

В этих двух текстах видна идеализация героев восстаний.

3

По воле тиранов / друг друга терзали / народы / Ты встал трудовой / Петербург / и первый начал войну / всех угнетенных / против всех угнетателей / чтоб тем убить самое семя войны;

Здесь показана суть борьбы в контексте бинарной оппозиции: «угнетенные» vs «угнетатели». Но ведь всякому понятно, что это пассивный и активный залогом глагола «угнетать». Актором обоих действий может стать любой человек в зависимости от конкретной ситуации⁸. Типичная софистика. С точки зрения христианской аскетике «семя войны» – помыслы гнева и раздражения, зависти и тщеславия, гордости и сребролюбия, смуты и ненависти, которые «убиваются» разумом (просвещенным благодатью Логоса) как царем в голове.

4

Против богатства / власти и знанья / для горсти / вы войну повели / и с честью пали / за то чтоб богатство / власть и познание / стали бы / жребием общим;

Здесь постулируются как бы «главные ценности для человечества»: богатство, власть и знание. Или, как сказали бы сейчас: достаток,

управление, информация. Кто спорит, что хорошо иметь доступ ко всем этим вещам? Но вопрос: все ли в равной степени могут этим воспользоваться?

Конечно, кто не согласится с тем, что при возможности желательно выйти из нужды?! Но вопрос – как: честным трудом или грабежом?

Конечно, кто не согласится с тем, что при возможности желательно нести бремя ответственности за социальную жизнь («власть»)?! Но вопрос – как: самому служа всем своей заботой об общем благе или заставляя других служить себе?

Конечно, кто не согласится с тем, что при возможности желательно избавиться от собственного невежества и научить этому других?! Но вопрос – как: постоянной вдумчивостью и исследованием сути вещей или информированностью, нахватанностью и индокриной себя и окружающих?

И, конечно, кто будет сомневаться в том, что богатство – всего лишь средство, но не цель. Более того, в наше время очевидно, что если капитал не работает, то есть не используется для инвестиций, то это «мертвый груз».

И еще: насколько лишены были петроградские рабочие возможности иметь достаток, участвовать в самоуправлении и самообразовываться?

Зарплаты были достойные, профсоюзы действовали активно; что касается образования, ясли, детские сады и школы при заводах были устроены.

Иначе, как демагогической ложью этот четвертый текст А. В. Луначарского назвать нельзя.

5

1917–1918 / вписали в анналы / России / великую славу / скорбные светлые годы / посев ваш / жатвой созреет / для всех населяющих / землю;

Очередные штампы: «великая слава», «светлые годы», а жатва для всей земли – мировой пожар революции. Кстати, в 2017 году уже очевидно, что мировой пожар революции – это сценарий, который в XX – начале XXI вв. активно осуществлялся в виде цепочки «красных», «оранжевых» и прочих цветных революций разными заинтересованными в этом государствами или общественными трансгосударственными и транснациональными силами. А сами большевики были всего лишь слепым орудием по уничтожению (точнее, выводу из игры и разграблению) крупнейших европейских экономик и крупнейших европейских империй на начало XX века. Но разве рабочий, крестьянин и

интеллигент в 1917 году думал об элементарной геополитике и об интересах России, как независимого государства? Вряд ли. Многие пребывали в угаре *революционного гуманистического романтизма*: осчастливить весь мир одним разом.

Но как говорится, если хочешь изменить мир, начни исправлять себя.

6

Не зная имен / всех героев борьбы / за свободу / кто кровь свою отдал / род человеческий / чтит безыменных / всем им в память / и честь / этот камень / на долгие годы / поставлен;

Опять используются те же кванторы всеобщности: всех, всем. Универсализм идейной борьбы. Память и честь? Да, помнить об этой кровавой трагедии мы обязаны, чтобы вновь не допустить ничего подобного. И честь своей Родины тоже беречь желательно, расставляя по своим местам события, имена, идеи; и честно называя вещи своими именами.

7

Бессмертен / павший за великое / дело / в народе жив / вечно кто для народа / жизнь положил / трудился боролся и умер / за общее благо;

Здесь обещается секулярный и гуманистический идеал бессмертия – в памяти народа. При этом важно отметить, что «общее благо» – мощнейший архетип европейской культуры. Сознательная активация его на всех уровнях общества способна вывести страну и государство из кризиса. Сознательное или бессознательное игнорирование его может привести к атомизации общества, расслоению и коллапсу государственности в виду отсутствия горизонтальных связей и безответственности вертикали власти за реализацию этого идеала в обществе. Демагогическая спекуляция на этом концептуальном мотиваторе может лишит его внутренней силы, в силу чего атрофируется всякая возможность к солидарности как у самого народа, так и в спайке народа и элиты.

8

Со дна угнетенья / нужды и невежества / поднялся / ты пролетарий / себе добывая / свободу и счастье / все человечество / ты осчастливишь / и вырвешь / из рабства.

Здесь мы видим как бы квинтэссенцию «пролетарского» кредо, сформированного из общих мест и штампов. Конечно, кто не согласится с тем, что при возможности желательно избавиться от рабства и стать свободным и счастливым, обеспеченным и образованным?!

Но возникает вопрос: о каком рабстве идет речь, когда в России не было реального рабства (даже если под ним иметь в виду «крепостни-

чество») в 1917 году? Что это за агитационный пережиток? На кого он рассчитан? Или это просто очередная мифологема, фиксирующая иллюзионистскую «правду» революционеров, «зонтичный термин», оправдывающий в их же собственных глазах их преступления против общества и государства? Сознательное самообольщение? Наивный романтизм? Коварный обман? А может быть, *ре-волюция* – это, в самом деле, движение вспять, к пережиткам прошлого, к давно изжитым мифам, нежелание видеть, как изменяется к лучшему окружающая действительность, развиваясь без потрясений и насилия? Ре-волюция как истерика перед стабильным постепенным ходом жизни? «Разруха» или «застой» – вот антиномичная спекуляция революционного невроза.

Итак, ярлыки навешены, мифы созданы. Осталось только правильно канализировать разрушительную энергию исполнителей (тогда – петроградских рабочих; сейчас в качестве таковых используются фанаты футбольных команд). Кстати, «миф об угнетенных» можно эффективно эксплуатировать, опираясь именно на христианские добродетели, такие, как любовь к ближнему, милосердие, сострадание, совесть и т.д. Или на естественные добродетели – правду и справедливость. И вопрос здесь может ставиться так: как долго возможен приток романтиков, воспитанных на идеалах христианской культуры, в ряды революционеров? Их можно использовать бесплатно. Остальным приходится щедро платить или иначе компенсировать вовлеченность в хаос революции. Ибо всякий человек понимает, что в хаосе жить невозможно. «Светлое будущее» должно быть хоть как-то реализуемо. Хотя бы, как в кино. Романтический иллюзион революции – как бы существование в двух реальностях: борьбы с внешним врагом (с тем, кто лишает возможности всеобщего приобщения к богатству, власти и знанию) и мечты о внешнем благополучии (приобщение «всех и каждого» к богатству, власти и знанию). По сути, это тот же буржуазный «идеал» потребителя: в усеченной версии – для избранных, для элиты (капитализм), а в расширенной – для «всех», для народа (коммунизм). Возможен ли баланс сил в противостоянии этих двух лагерей? На примере истории СССР мы можем сделать вывод, что миф о единстве «элиты» и «народа», то есть «правлящей партии» и «трудовых масс» в контексте российской ментальности оказался двусмысленным, если не сказать двуликим, в итоге уже не вдохновляющим. История синтеза конфуцианского и коммунистического идеалов говорит о другом варианте актуализации этого мифа в Китае. Тысячелетняя Византия знала свой идеал «народной монархии», основанный на идеях римской республики, греческой демократии и христианской соборности, с учением о симфонии духовной и светской власти...

Так или иначе, но в XX веке Россия дважды претерпела разрушение своей государственности и социальный кризис. В эпоху революций и гражданской войны был уничтожен прежний уклад жизни, основанный на Уваровском принципе: православие, самодержавие, народность. В 1991 году – без революций и гражданской войны (но с множеством военных конфликтов на религиозно-этнической почве) – сошел на нет проект (антипод-ремейк предыдущего): атеизм, КПСС, социализм. Может показаться, что романтический иллюзион революции больше не работает. Но пришло ли время народного единения на основе здравого смысла⁹ и внятной социальной ответственности?

Какие еще интерпретации скрывает в себе «Марсово поле» российской истории?

Литература:

Бердяев Н. А. Собрание сочинений. Т. 4. Париж: YMCA-Press, 1990.

Кошарный В. П. Февральская революция 1917 г. в религиозно-философской публицистике (философско-социологический анализ) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Вып.1/201. – 2012. С. 32-39.

Ижевско-Воткинское восстание / под. ред. Ж. В. Цветкова. М.: Посев. 2000.

Примечания

¹ 23 марта (5 апреля) 1917 в центре Марсова поля в четырёх братских могилах похоронены 180 человек, павших в вооружённой борьбе во время Февральской революции. 18 апреля (1 мая) на Марсовом поле выступал В. И. Ленин с речью о значении 1-го Мая и задачах русской революции. Марсово поле стало центром Июньской демонстрации. В 1918 на Марсовом поле похоронены В. Володарский и М. С. Урицкий, а также жертвы белогвардейско-эсеровского мятежа в Ярославле, в 1919 – погибшие участники обороны Петрограда против войск Юденича и др. Среди похороненных на Марсовом поле: С. М. Нахимсон, группа бойцов и командиров Тукумского латышского полка – Г. Я. Дайбус, К. Липинь, Э. П. Петерсон и др., Р. Ф. Сиверс, Н. Г. Толмачёв, А. С. Раков, П. П. Таврин, А. И. Купше, В. И. Гагрин, В. О. Лихтенштадт, Н. С. Григорьев, С. П. Волков, П. А. Солодухин, 7 финских коммунистов (в т. ч. И. А. Рахья), убитых 31 августа 1920 при нападении контрреволюционеров. В 1922 похоронен Д. Н. Авров. В 1928-1933 на Марсовом поле захоронены видные партийные и советские работники Ленинграда – Л. М. Михайлов-Политикус, И. Е. Котляков, К. С. Еремеев, Г. В. Цыперович, И. И. Газа.

В 1917-1919 в центре Марсова поля сооружён памятник борцам революции (архитектор Л. В. Руднев). Автор надписей на надгробиях А. В. Луначарский. (См.: статья «Марсово поле» / Энциклопедия «Великая Октябрьская Социалистическая Революция», издание третье, дополненное, М.: «Советская энциклопедия». – 1987. – С. 286-287). 6 ноября 1957 г. на Марсовом поле был зажжен первый в стране Вечный огонь, пламя которого перенесено от мартена «Кировского завода». Частицы этого

огня перенесены к Пискаревскому мемориальному ансамблю и к Могиле Неизвестного Солдата у стен Московского Кремля. (url: <http://www.encspb.ru/object/2805470579?lc=ru> Дата обращения: 1.12.2016).

² Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. // Бердяев Н. А. Собрание сочинений. Т. 4. Париж: YMCA-Press, 1990. С. 114.

³ В 1914 году население Российской империи составляло 182 миллиона человек, причем за время царствования императора Николая II оно увеличилось на 60 миллионов. В России законом 1896 года была введена золотая валюта. До Первой мировой войны налоги в России были весьма низкими. В период между 1890 и 1913 гг. русская промышленность увеличила свою производительность в четыре раза. В 1914 году в Государственной Сберегательной кассе было вкладов на 2.236.000.000 рублей, т.е. в 1,9 раза больше, чем в 1908 г. Эти показатели чрезвычайно важны для понимания того, что население России было отнюдь не бедное и значительную часть своего дохода сберегало. В царствование императора Николая II Россия была главной кормилицей Западной Европы. Накануне Первой мировой войны Россия производила 80 % мировой добычи льна. В 1916 году, т.е., в самый разгар войны, было построено более 2.000 верст железных дорог, которые соединили Северный Ледовитый Океан (порт Романовск) с центром России. Великий Сибирский Путь (8.536 км) был самым длинным в мире. Надо добавить, что русские железные дороги, по сравнению с другими, для пассажиров были самыми дешевыми и самыми комфортабельными в мире. Начальное обучение было бесплатным по закону, а с 1908 г. оно сделалось обязательным. С этого года ежегодно открывалось около 10.000 школ. В 1913 г. число их превысило 130.000. По количеству женщин, обучавшихся в высших учебных заведениях, Россия занимала в начале XX века первое место в Европе, если не во всем мире. За период 1886-1913 гг. экспорт России составил 23,5 млрд. руб., импорт – 17,7 млрд. руб. Иностранские инвестиции в период с 1887 г. по 1913 г. увеличились с 177 млн. руб. до 1,9 млрд. руб., т.е. увеличились в 10,7 раза. Причем эти инвестиции направлялись в капиталоемкое производство и создавали новые рабочие места. Однако, что очень важно, российская промышленность не была зависима от иностранцев. Предприятия с иностранными инвестициями занимали всего 14% от общего объема капиталов русских предприятий. Социальное страхование и рабочее законодательство России к 1912 году было лучшим в мире. К 1914 году уже практически все «бюджетники» (говоря нынешним языком) имели право на государственную «пенсию по старости». Вот такой «царский социализм». Спрашивается, чего же не доставало тогдашнему обывателю? За какими романтическими иллюзиями он погнался в революционную смуту?

⁴ Там же. С. 113.

⁵ Цитата из драмы Ф. Шиллера «Заговор Фиеско в Генуе» (1783). Эту фразу: «Мавр сделал своё дело, мавр может уйти» произносит мавр, оказавшийся ненужным после того, как он помог графу Фиеско организовать восстание республиканцев против тирана Генуи дожа Дориа.

⁶ См.: Русская мысль. 1917. Кн. II. С. XI.

⁷ Кошарный В. П. Февральская революция 1917 г. в религиозно-философской публицистике (философско-социологический анализ) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Вып.1/201. 2012. С. 38.

⁸ Здесь можно упомянуть о мощном восстании Ижевских рабочих (в 1918 году) против антинародной и антирабочей большевистской власти. При этом «ижевцы» были социалистами и «февралистами» и даже, когда их отряды позднее влились в армию Колчака, они ходили в бой под красным знаменем. Фактически, они предложили альтернативный вариант народной власти. См. подробнее: Ижевско-Воткинское восстание / под. ред. Ж. В. Цветкова. М.: Посев. 2000.

⁹ Христианское трезвомыслие и духовный реализм на основе святоотеческого предания во многом могут помочь в деле становления адекватной и сознательной личности.

Русская революция – 100 лет

События конца февраля – начала марта 1917 года, когда в период жесточайшей Мировой войны пала монархическая власть и началось всемерное крушение Православной России, навсегда остались эпохальным тёмным рубежом в Отечественной истории. В нижеследующем изложении речь пойдёт не об эмпирической стороне того судьбоносного перелома, а об онтологическом смысле явления в общем контексте Русской истории.

О гибели Монархии так много написано и сказано, что, казалось бы, никакое умозаключение ничего нового добавить уже не может. Однако так может казаться только на первый взгляд.

Большинство, подавляющее большинство выводов и констатаций касательно причин падения Монархии, вращается вокруг давно набивших оскомину сюжетов: «о недееспособности царского правительства», о нежелании власти призвать к управлению «общественных деятелей», о «нарастании экономического кризиса», об «отсутствии надлежащего военного руководства». Чрезвычайно востребованной в кругах русской монархической эмиграции оказалась и тема анти-царского «заговора», участниками которого объявлялся высший генералитет и представители политического бомонда – почти все, как утверждалось, из «кругов масонов».

Каждый из указанных выводов – перечислены только базовые, наряду с которыми существует масса вариаций и комбинаций – имеет право на существование. В бурной событийной эмпирике предреволюционной и революционной поры можно отыскать какие-то элементы и факты, подтверждающие ту или иную точку зрения.

Однако главный, системный вопрос: почему пала не просто монархическая власть, а исчезло Православное Царство – подобные умозаключения не проясняют.

В Русской истории различных периодов можно отыскать немало примеров, когда и «политика была не та», и высшие должностные лица являлись «слабыми», и экономическая ситуация оказывалась невероятно сложной, и даже монархи явно не соответствовали своему высокому духовному предназначению (например, Александр I).

Практически всегда наличествовали и разномастные ненавистники царского режима, постоянно инспирировавшие заговоры, желав-

шие посеять смуту и мечтавшие о ниспровержении коронной власти. При этом Царство стояло нерушимо, выдерживая натиск разнообразных врагов, как извне, так и изнутри.

Почему же именно в 1917 году Царство пало?

По следам горячих событий ярче всех недоумение от грандиозного крушения выразил в 1918 году парадоксальный Василий Розанов. «Русь слиняла в два дня. Самое большее – в три... Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частностей... Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса... Ну что же: пришла смерть, и, значит, пришло время смерти... Печаль не в смерти... Если нет смерти человека «без воли Божией», то как мы могли допустить, могли бы подумать, что может настать смерть народная, царственная «без воли Божией»? Значит Бог не захотел более быть Руси... Значит, мы не нужны в подсолнечной и уходим в какую-то ночь. Ночь. Небытие. Могила».

Крушение «антинародного режима» в 1917 году и последующие затем страшные события протрезвили некоторых из недавних идеологов «освобожденчества», тех «властителей дум передовой интеллигенции», имена которых у многих были на слуху все предреволюционные годы.

В 1923 году известный общественный деятель П. Б. Струве восклицал на страницах парижской «Русской мысли»: «Я понимаю, что иностранцы, даже самые благожелательные к русскому народу, могут верить в легенду о «царизме» как злом гении русского народа. Но ни один русский человек, если он знает факты и способен их оценивать, не может уже верить в эту легенду. Русская революция её окончательно опровергла. При зловещем свете пожара русской революции русские люди вновь пережили, перечувствовали и передумали тысячелетнюю историю своего народа и государства».

Новым пониманием истории и русского исторического опыта при «зловещем свете пожара» революции «озарился» в ту переломную эпоху не только П. Б. Струве, ставший «монархистом из русского патриотизма». Первым удивительным актом «коллективного прозрения» оказался сборник «Из глубины», который был составлен летом 1918 года. В него вошли статьи двенадцати авторов, пятеро из которых – Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, А. С. Изгоев, П. Б. Струве, С. Л. Франк – являлись авторами статей сборника «Вехи», появившегося за девять лет до того, ещё в эпоху «царизма». Фактически «Из глубины» и стал как бы вторым изданием «Вех», где почти через десять лет подводились итоги тех предсказаний и предчувствий, которые владели «духовно обеспокоенными» умами ещё в «эпоху самовластья».

Итоги оказались удручающими.

Погребальные вердикты и чуть ли не проклятия неслись по адресу интеллигенции, политических деятелей либерально-демократического направления, по адресу их тактических приёмов и идеологических установок. За крушение России на лидеров «прогрессивной общественности» авторы сборника «Из глубины» возлагали не меньше вины, чем на деятелей павшей монархии. Правда, особых сожалений в 1918 году по поводу падения самодержавной системы интеллектуалы ещё не выражали. «Озарения» в этой области наступят позже, уже после поражения всего «Белого дела». Именно тогда началась коренная переоценка представлений, заставившая, например, П. Б. Струве на страницах парижской газеты «Возрождение» посылать свои извинения во след погибшему Царю Николаю II за те оскорбительные выпады против Него, которые он допускал на страницах антимонархического журнала «Освобождение» в 1904-1905 годах.

Все статьи в сборнике «Из глубины» несут печать начавшейся глубочайшей переоценки деятельности всех оппозиционных власти сил, взращенных в той атмосфере «идеологии государственного отщепенства», опасность которой для государства и народа предвидел ещё Ф. М. Достоевский. По горячим следам революции 1905-1907 годов о том же на страницах сборника «Вехи» в 1909 году впервые заговорили и русские интеллектуалы «либеральной» и даже «социал-демократической» ориентации, «семь смиренных», как со злой иронией назвал авторов «Вех» Д. С. Мережковский.

Узловую причину радикализма русской интеллигенции Н. А. Бердяев как раз и узрел в безрелигиозности её. «Как всякая среда вырабатывает свои привычки, свои верования, так и традиционный атеизм русской интеллигенции сделался как бы самой собою разумеющейся её особенностью, о которой даже не говорят, признаком хорошего тона».

В свою очередь литературовед и публицист М. О. Гершензон (1869-1925) откровенно констатировал враждебность народа к интеллигенции, к её образу жизни и строю мыслей и почти истерически восклицал: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами ещё ограждает нас от ярости народной».

В статье «Интеллигенция и революция» П. Б. Струве заключал, что «в безрелигиозном отщепенстве от государства русской интеллигенции – ключ к пониманию пережитой и переживаемой нами революции». Данный тезис в тот период и вызвал особенно злобные нападки со стороны недавних соратников П. Б. Струве по «освободительной борьбе».

Однако в 1918 году, уже в период политического господства шайки коммунистов-интеллигентов, сказанное в «Вехах» представлялось сбывшимся пророчеством. Сборник «Из глубины» и можно воспринимать как коллективный и публичный акт покаяния известных представителей русской интеллигенции. Правда, калялись они не за себя и от себя, а от имени как бы «ордена интеллигенции».

В статье «Духи русской революции» недавний «марксист», а затем «розовый идеалист» Н. А. Бердяев (1874-1948) переоценивал собственные взгляды и был вынужден делать немислимые ранее для него признания. По его словам, «слишком многое привыкли у нас относить на счет Самодержавия, всё зло и тьму нашей жизни хотели им объяснить. Но этим только сбрасывали с себя русские люди бремя ответственности и приучали себя к безответственности. Нет уже Самодержавия, а русская тьма и русское зло остались». И далее, предлагая своеобразную инверсию довода Достоевского о «тёмных глубинах души человеческой», Бердяев заключал: «Тьма и зло заложены глубже, не в социальных оболочках народа, а в духовном его ядре».

Здесь уместна небольшая ремарка. Что имел в виду в данном случае интеллигент под понятием «духовного ядра», не ясно. Если же Бердяев разумел Православие, о чём он и написал позднее, то можно только поразиться степени духовного варварства, в которой пребывал человек, ставший позднее одним из известнейших русских философов. Ведь именно Вера Христова созидала нравственный облик Русского народа и выпестовала мощнейшее Русское Государство, державшие, сдерживающие и удерживающие сатанинские силы много веков. «Тьма и зло» заключены были не «духовном ядре», а в тех духовных силах, политических направлениях и цивилизационных искушениях, которые многие века атаковали то самое «духовное ядро» народа, составлявшее основу всего русского миропорядка...

Интеллигенты в 1918 году оглашали такие суждения о недееспособности «прогрессивных сил», которые совсем недавно в их среде квалифицировали бы как «реакционные». Теперь же, лишённые защиты и покровительства так страстно ненавидимого «царизма» и оказавшиеся перед лицом озверелой народной толпы, «русские европейцы» содрогнулись, ужаснулись и начали бичевать всех и вся. «Монархия рухнула с поразительной быстротой. Русская интеллигенция в лице её политических партий вынуждена немедленно из оппозиции перестроиться в органы власти. Тут-то её и постигло банкротство, заставившее забыть даже провал монархии», – заключал один из «отцов-основателей» Конституционно-демократической (кадетской) партии, «непримиримый либерал» А. С. Изгоев (1872-1935).

Ему вторил именитый «борец за свободу» профессор-либерал С. А. Котляревский (1873-1939). «На наших глазах произошло величайшее потрясение всех нравственных устоев русского народа, и если вообще мы способны что-нибудь понимать в наших испытаниях, мы должны понять, что эти устои держались сами на более глубоком основании народной веры. Когда она разрушалась, и на месте её насаждался чудовищный культ своеволия и классовой ненависти, этим предопределялась и великая грядущая катастрофа».

В свою очередь либеральный публицист и начальник одного из отделов МИДа при Временном правительстве В. Н. Муравьев (1885-1932) вообще поставил под сомнение правильность традиционно-интеллигентского, западнического восприятия Русской истории, которая нередко изображалась как «бессмыслица». По постреволюционным наблюдениям автора, если вдумчиво относиться к явлениям исторической действительности, то «мы увидим, что там, где для нас нет смысла, в том значении, какое мы сейчас ищем, был все же другой смысл, сокрытый от нас нашей неспособностью его уловить. Мы увидим, что все не связанные и как будто не согласованные проявления обладали на самом деле великой действенностью, что указывает на их внутреннюю слиянность. Мы поймем, что там, где не было мысли, в европейском смысле, было, быть может, больше, чем мысль – было цельное ощущение действительности».

Здесь уже вырисовывается совершенно иной гносеологический приём в постижении Русской истории, уже явно различимы признаки провиденциализма и релятивизма, характерные для христианской историософии, но которым никогда ранее не находилось места в багаже секулярного знания. Конечно до признания Высшего Промысла, как главного творца истории, тут ещё далеко, но поворот к признанию Воли Божией как очевидного исторического фактора в подобных рассуждениях уже явно наличествует.

В русле указанной мировоззренческой трансформации совершенно по-другому зазвучала и тема власти. «Старая русская власть была гораздо ближе к народу, чем интеллигенция. Она не только механически опиралась на народ. Она была со всем, что ее окружало и ею питалось, частью русского образованного общества, сохранившей связь со своей историей. При всех ошибках старой власти надо признать, что она до последнего дня оставалась на своем посту и сделала всё возможное, со своей точки зрения, чтобы спасти остатки завещанного ей прошлым духовного наследия», – констатировал В. Н. Муравьев.

Не менее радикальные переоценки былых мировоззренческих страстей демонстрировал и «свободный философ» С. Л. Франк (1877-

1950). Революцию он рассматривал как «Божью кару», ниспосланную России и русскому народу. Разнузданную революционную стихию он воспринял как проявление тёмных инстинктов, коренившихся в потаенных глубинах народной среды, в той подпольной, «человеческой метафизике», с такой силой и душевным содроганием описанной Ф. М. Достоевским.

В аналитическом эссе, опубликованном в сборнике «Из глубины», Франк поставил исторический диагноз: революция была «не убийством» России, как гласил популярный уже в 1918 году штамп, а «самоубийством великого народа». Здесь Франк как бы вторил В. В. Розанову (1856-1919), который чуть раньше в своем «Апокалипсисе нашего времени» задавался вопросом: «Собственно, отчего мы умираем?». И далее, без тени сомнения, отвечал: «Мы умираем от единственной и основной причины: неуважения себя. Мы, собственно, самоубиваемся».

Оценка всех политических «поводырей», всех фракций руководящего меньшинства у Франка откровенно нелицеприятная. Монархический консерватизм, «хоть и создал великое государство», но потерял со временем свой творческий потенциал и был обречен на поражение. Либерализм же, «проникнутый антигосударственным, чисто отрицательным духом», не имел ни навыков, ни желания считаться с национально-государственными задачами, не смог осознать национальную проблематику в качестве положительной идеи. Особо же беспощадна у Франка характеристика «этуалей Февраля», этих, как он их называл, «слабонервных и слабоумных интеллигентов-социалистов», вся деятельность которых была направлена «на разрушение государственной и гражданской дисциплины народа, на затаптывание в грязь самой патриотической идеи, на разнуздание, под именем рабочего и аграрного движения, корыстолюбивых инстинктов и классовой ненависти в народных массах».

Падение великого историко-культурного феномена под названием «Российская Империя» чрезвычайно интересовало и волновало С. Л. Франка и в эмиграции. Старые секулярные схемы «исторического процесса» ему представлялись теперь не только не убедительными, но и фальшивыми. И он открывает то, что давно до него было открыто православной мыслью, но что для светского, нерелигиозного и внецерковного ума представлялось «тайной за семью печатями». Теперь философ усматривает первопричину «Катастрофы 1917 года» не в текущих обстоятельствах политической реальности недавнего прошлого, а старается понять и осмыслить органические социальные корни грандиозного «эсхатологического акта». На страницах парижской «Русской мысли» в 1923 году он сделал исторически адекватный анализ «Русского Апокалипсиса», и из этого заключения уместно привести пространную выдержку.

«Подлинным фундаментом русской государственности был не общественно-сословный строй и не господствовавшая бытовая культура, а была её политическая форма – монархия. Замечательный, в сущности общеизвестный, но во всем своем значении не оцененной особенностью русского общественно-государственного строя было то, что в народном сознании и в народной вере была непосредственно укреплена только сама верховная власть – власть царя; всё остальное – сословные отношения, местное самоуправление, суд, администрация, крупная промышленность, банки, вся утонченная культура образованных классов, литература и искусство, университеты, консерватории, академии, всё это в том или ином отношении держалось лишь косвенно, силою царской власти, и не имело непосредственных корней в народном сознании. Глубоко в недрах исторической почвы, в последних религиозных глубинах народной души было укреплено корнями – казалось незбылемо – могучее древо монархии; всё остальное, что было в России, – вся правовая, общественная, бытовая и духовная культура произрастала из её ствола и держалась только им; как листья, цветы и плоды – произведения этой культуры висели над почвой, непосредственно с ней не соприкасаясь, и не имея в ней собственных корней. Это трагическое положение всегда беспокоило русское образованное общество; но оно сознавалось им лишь смутно – иначе как объяснить то роковое историческое заблуждение, которое позволило носителям русской культуры – в том числе и величайшим её гениям – в течение более 100 лет систематически подрубать единственную её опору? Неудивительно, что с крушением монархии рухнуло сразу и всё остальное – вся русская общественность и культура, – ибо мужицкой России она была непонятна, чужда и – по его сознанию – не нужна».

ИСТИНА Русской истории, открывшаяся такому тонкому интеллектуально-аналитику как С. Л. Франк в эмиграции, не являлась импульсом политического действия для его современников, именовавших себя «русскими патриотами». Вооруженная борьба против большевиков не мотивировалась идеей «Святой Руси», не стала знаменем в жестокой гражданской войне, протекавшей под девизами защиты «порядка», «законности», «собственности», «учредительного собрания». Фактически и идеологически боролись, (надо признать: мужественно боролись!), за возрождение модернизированной Петровской империи, рухнувшей в 1917 году, не ощущая и не понимая, что внутренней силой Петровской Империи являлось именно Православное Царство.

По исторически обусловленному заключению Митрополита Иоанна (Снычёва), «растление сердец и умов «либерально-демократической» западной заразой зашло столь далеко, что подавляющее большинство

вождей Белого движения пуще большевизма боялись обвинений в «черносотенстве», «реакционности» и симпатиях к «гнилому царизму».

Если отбросить частности и второстепенные детали, то с горькой очевидностью можно констатировать главное: Русская элита – родовая, финансовая, военная и интеллектуальная – совершила дважды великое самоуничтожение России.

Первый раз, когда в конце февраля – начале марта 1917 года представители «высших» отрекались, предавали и проклинали Царя Николая II.

Второй раз то произошло в годы Гражданской войны (1918-1920) и первые годы эмиграции, когда отреклись уже и от самой Царской Идеи.

Философ И. А Ильин (1883-1954) поставил точный диагноз: «Надо уметь иметь царя». Разучились иметь.

Отчего так произошло? Почему в критический момент истории, у исторической власти, у власти, осененной священным преданием, Православной Верой и исторической традицией, не нашлось самоотверженных защитников?

Этот вопрос вопросов, который уж скоро сто лет волнует всех тех, для кого Россия родной дом навсегда. Потому что без выяснения причин падения невозможно понять жуткую последующую реальность, когда на просторах бывшей Российской Империи на многие десятилетия утвердился не просто аморальный, а, грубо говоря, просто людоедский коммунистический режим.

Самый близкий к существу трагедии ответ дал один из известных русских монархистов-традиционалистов Н. Е. Марков (1866-1945). Выступая на съезде русских монархистов-эмигрантов в Рейхенгалле (Бавария) в мае 1921 года, непримиримый враг революционного во всех его формах, заключал. «Монархия пала не потому, что слишком сильны были её враги, а потому, что слишком слабы были её защитники. Падению Монархии предшествовало численное и качественное оскудение монархистов, падение монархического духа, расслабление монархической воли».

Куда же подевались Менины, Пожарские, Сусанины, как и множество других безымянных героев Русской истории, на протяжении веков грудью встававшие на защиту Царя и Отечества, являвшихся в русском сознании понятиями синонимическими?

Явилось бы архаичным идеологическим примитивизмом утверждать, как эта традиционно делалось в марксистско-ленинской, а шире – во всей позитивистской историографии, что Россия «изжила царистские иллюзии», и чуть не вся, целиком, сделалась антимонархической. Конечно, этого не было. В толще народного сознания, как справедливо отмечал С. Л. Франк, идея Царя была животворной. Однако на аванс-

цене политического действия, там, где творилась событийная история, где лицедействовали главные фигуранты политической сцены, идея Царя и Царства, действительно, была дискредитирована настолько, что после февраля – марта 1917 года о реставрации не только Династии Романовых, но вообще о возрождении Царского института никто не смел публично и заикнуться. А если бы и посмел, то такого ослушника немедленно бы публично ошкаркали и морально уничтожили, навесив ярлык «врага народа».

Вся финальная фабула монархической драмы свидетельствовала о том, что русский монархизм, который олицетворяли представители «образованных классов», измельчал, выродился и почти сошел на нет как активная политическая сила. Тут Н. Е. Марков был совершенно прав. Среди родовитых и именитых никто не только не хотел «умирать за Царя», но даже не желал выразить человеческую симпатии Царю и Его Семье, после того как Они оказались в заточении.

Эта была неизбежная расплата за секуляризацию и вестернизацию, которые широким потоком хлынули в Россию со времени Петра Первого. Сознание элиты чем больше становилось «европейским», тем менее оно оставалось русско-православным. К началу XX века понятие «Царь» не воспринималось больше сакральным символом, в «обществе» никто и не вспоминал, что «Царь – устройство Божие». В Миропомазаннике видели только властителя, наделённого, как немалому числу людей казалось, слишком широкими властными полномочиями. И всё. Общественное сознание постепенно становилось не только просто нерелигиозным, но и активно антицерковным, а потому и анти-царским.

В этой связи уместно сослаться на выводы авторитетного стороннего наблюдателя, который никоим образом не был связан с Россией, а потому не был ангажирован какими-то личными, родовыми, поведенческими или мировоззренческими интересами, симпатии и антипатиями. Итак, предоставим слово крупнейшему английскому мыслителю XX века Арнольду Тойнби (1889-1975).

В середине 50-х годов XX века знаменитый английский историко-соф, размышляя об исторических судьбах стран, народов и культур, написал о России следующее. «Западный мир, к которому Россия во времена Петра пошла в ученики, был уже миром нерелигиозным; и наиболее просвещённое меньшинство русских, ставшее проводником вестернизации в России, последовали примеру своих западных современников и стали холодно относиться в православной форме Христианства, не приняв, однако, и западной веры».

Английский мыслитель точно обозначил первопричину – расцерковление, дехристианизация русской элиты. Благодаря этому события

развивались так, как развивались, что через два века неминуемо и привело к крушению 1917 года. Эту катастрофу – Февральскую революцию – с истерической радостью приветствовали не только толпы маргиналов на улицах Петербурга-Петрограда и политические авантюристы, оказавшиеся во главе «освобождения».

Самое поразительное, что восторженно-экстатические чувства демонстрировали и многие представители высших кругов Царской России, вплоть до некоторых членов Династии Романовых, которые своим благополучием и процветанием были обязаны исключительно монархической власти. У них в тот переломный момент истории не обнаружилось не только исторической прозорливости; у них атрофировался даже инстинкт самосохранения, что подчеркивало обреченность монархического истеблишмента.

То был исторический феномен, невиданный ещё в истории монархических систем. Арнольд Тойнби отмечал, что для западного сознания было просто удивительным и непостижимым явление, когда офицерский корпус, во все времена – опора существующего строя, в России оказался рассадником революционных настроений. «Типичный жизненный путь русского революционного пропагандиста или лидера XIX века, констатировал Тойнби, – был таков: родиться в семье состоятельного помещика, поступить на военную или государственную службу. Публиковать философские статьи в литературном журнале, рано уйти в отставку с императорской службы и провести остаток жизни как рантье, служа делу политических и социальных реформ в России по западному образцу».

Здесь невольно всплывают имена и участников безумной революционной авантюры в декабре 1825 года из числа гвардейского офицерства («декабристы»), и пресловутого «русского барина из Лондона» А. И. Герцена (1812-1870), и теоретика анархизма и народничества П. А. Бакунина (1814-1876), и представителя древнего княжеского рода, ставшего «певцом анархии», князя П. А. Кропоткина (1842-1921). Можно указать и на другие фигуры, калибром поменьше. Однако дело совсем не в перечне имён, а в зловещей тенденции нарастания в общественном сознании русоненавистничества, которое в Русской истории последних десятилетий перед 1917 годом невозможно не заметить.

Безнадёжный же ужас русской действительности состоял в том, что в начале XX века в «оппозиции» к Царю и Его правительству находились не только разномастные «жрецы» и «жрицы» анархических, социалистических и либеральных фракций, партий и течений. К ней принадлежало и немалое число представителей сановно-чиновного мира, включая и целый ряд министров! И высший генералитет в массе

своей был тоже «оппозиционным» и вредил, как только мог. Этот круг отступников, а точнее говоря – клятвопреступников, включал даже начальника штаба (1915-1917) Верховного Главнокомандующего, генерала-от-инфантерии (пехоты), генерал-адъютанта М. В. Алексева (1857-1918).

Данный факт давно известен, исходя из чего, многократно и делались заключения о наличии «заговора» в среде высших офицерских чинов и политических деятелей, причислявших себя к разряду «монархистов». С обескураживающим цинизмом переворотные настроения потом некоторые признавали. Так, генерал А. И. Деникин (1872-1947), один из главных поводырей «белого дела», в своих мемуарах признавал, что в ноябре 1916 года (!) «представители думских и общественных кругов», встречаясь с главнокомандующими фронтами генералами Брусиловым и Рузским, договорилось об остановке Царского поезда во время его движения из Ставки в Петроград. «Далее должно было последовать предложение Государю отречься от Престола, а в случае несогласия физическое Его устранение».

Подобные генералы являлись не просто мелкими предателями, а именно клятвопреступниками, отступниками от Бога, так как верно-сти Царю должностные лица, в том числе и военные, клялись на Евангелии, перед святыми образами, т.е. перед Лицом Господа! По сути дела все «февралисты» восставали против Бога, так как инсинуировали и выступали против «Божьего пристава» – Царя Православного.

Фактически данные деятели – соучастники разрушения России, вне зависимости от того, какие дела они вершили после падения Монархии. И это были люди, которые считались «цветом» русского офицерства!

Собственно в точном смысле слова, «заговора» – как некоей тайной организации, «секретного союза единомышленников», скрепленного программой и планом действий, не существовало. Однако определённ **наличествовал сговор высших должностных лиц**, преследовавших лишь одну цель: «убрать» Самодержца и Верховного Главнокомандующего Николая II, т.е. совершить государственный переворот. И 2 марта 1917 года противники, в том числе и «свободолюбивые» генералы, добились своего. Государь, под невероятным натиском измен и предательства со сторон элиты, сложил властные prerogatives.

Произошло то в период жесточайшей войны, за несколько недель до начала решительного удара по вражеской Германии! Ведь свержение Самодержавия привело к продлению мировой войны и новым многотысячным человеческим жертвам. Военная кампания должна была завершиться разгромом Германии и Австрии летом 1917 года, и об этом господ генералы прекрасно знали.

Получилось же совсем наоборот. Позже заместитель начальника Германского генерального штаба генерал-полковник Эрик Людендорф (1865-1937) в мемуарах не скрывал своего восторга. «Как часто я мечтал о русской революции, которая существенно облегчила бы нам жизнь; и вот она случилась совершенно внезапно, и у меня с души свалился тяжелый камень, сразу стало легче дышать... Наше общее положение заметно улучшилось, и я с уверенностью смотрел навстречу предстоящим сражениям на Западе».

То были откровенно изменнические помыслы русских генералов, достойные самого сурового наказания не только во время войны, но и в мирное время. Кара Царской Власти их не настигла, но в итоге – все получили своё.

Генерал Н. В. Рузский, один из главных фигурантов в деле отрешения Императора Николая II от власти, осенью 1918 года был зарублен красной солдатней саблями на кладбище Пятигорска.

Другой «свободолюб» – генерал А. А. Брусилов (1853-1926), спасая свою жизнь, предал всех и вся, и пошёл в услужение к большевикам, став «любимцем» красного палача Л. Д. Троцкого (1879-1940) – «наркома по военным и морским делам и председателя Революционного военного совета».

Те же, кто успел сбежать за границу, например, тот же генерал А. И. Деникин (1872-1947), влачили там жалкое существование, при котором смерть казалась слаще жизни...

Почему же так произошло – почему люди, обязанные клятвой перед Богом служить Царю «до последнего вздоха», отреклись и предали Его. И опять этот роковой и судьбоносный вопрос: почему пало Царство?

Уцелевшие участники февральской преступной антрепризы потом давали ответы на страницах своих «мемуаров» и «записок». Ответ простой, незамысловатый и почти единогласный: «Царь был не тот». А каким же Он должен был быть? Данную сторону трагедии краснобаи-февралисты, как из числа военных, так и гражданских лиц или, если использовать лексику С. Л. Франка, эти «слабонервные и слабоумные» деятели так до конца и не прояснили. Некоторым требуемый правитель виделся в образе Петра Первого, который в лучах имперской славы «навверняка» привёл бы Россию к победе. Может быть, и привёл бы, да вопрос этот весьма спорный.

Но вот о чём можно говорить наверняка, без всякого сослагательного наклонения, так это о том, что «слуги Государя», ведшие в период войны предосудительные разговоры и злоумышлявшие против Царской Особы, очень быстро бы окончили свои дни – кто в казематах, кто в далёкой ссылке, а кто и на плахе. Всем этим Родзянко-Гучковым-

Алексеевым-Брусиловым и иже с ними не пришлось бы долго злоумышлять и интриговать. «Пётр Великий» был скор на суровую и бессудную расправу.

НИКОЛАЙ II был человеком совершенно другого нравственного масштаба, иного душевно-духовного строя личности. По словам Святителя Иоанна (Максимовича, 1896-1966), «Царь Николай II был слуга Божий по внутреннему своему мировоззрению, по убеждению, по своим действиям». Как написал современный священник-богослов, «для последнего нашего Святого Царя не было разницы между долгом христианина, исполняющего заповеди Божии, и долгом Государя».

Самодержец знал о многих неллицеприятных делах и уничижительных словах, как родственников, так и высших должностных лиц, но до конца был уверен, что люди одумаются, отбросят распри и соединятся под сенью Престола для окончательной победы над врагом.

Именно подобное высокое побуждение явилось для Николая II определяющим аргументом при сложении с себя властных полномочий. Главное – долгожданная **Победа России**, оплаченная русской кровью. Эти стремление, надежда, упование все долгие месяцы войны – в общей сложности 31 месяц или без малого 1000 дней – являлись для Него жизненной путеводной звездой. Всё остальное, в том числе и собственная судьба, не имело первостепенного значения. Об этом со всей определённостью говорилось в письме начальнику штаба Верховного Главнокомандующего, которое Император подписал 2 марта, и которое потом стали произвольно именовать «Манифестом об отречении».

«Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, всё будущее дорогого нашего Отечества требует доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России, почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думою, призвали Мы за благо отречься от Престола Государства Российского».

Данный великий акт самопожертвования во имя Отечества, ради великой победы – результат не текущего настроения или мимолетной эмоции. Этот серьезный, глубоко продуманный шаг стал результатом длительных раздумий, разнообразных переговоров и многочасовых молений. Что открылось Государю в те часы, когда Он обращался с мольбой к Господу, никто не знает и никогда не узнает. Это навсегда

осталось тайной общения Христопреданной души и Всевышнего. Однако невозможно не согласиться с утверждением, что Государь перешел в последние часы в вагоне Царского поезда «поистине Гефсиманскую ночь».

Вместе с тем хорошо известно то, что практически все, с кем Он обсуждал ситуацию, как из числа военных, так и гражданских лиц, «умоляли», «просили», «советовали», «заклинали»: «Государь, отрекись во имя России». И Он подписал выше процитированный документ.

Как написал впоследствии Митрополит Анастасий (Грибановский, 1873-1965), «С истинным христианским самоотречением Он, подобно пророку Ионе, решил принести Себя в жертву для успокоения поднявшейся бури, которая могла опрокинуть и разбить наш государственный корабль, и, если великое крушение всё же свершилось, Государь оказался неповинным в нём. Пожертвовав Собою, он не предотвратил этого великого исторического народного бедствия, но зато спас и сохранил незапятнанной для последующих времён высокую идею Православного Царя, Помазанника Божия, для которого власть есть бескорыстное подвижническое служение Богу и людям для утверждения добра, правды и мира на земле».

По точному наблюдению архиепископа Нафанаила (Львова, 1906-1985), «Государь отверг Себя, взяв крест Свой, и последовал за Христом... И как Он был одинок! В этом ведь тоже глубокая Христоподрожательность Его подвига». А кругом поверженных Венценосцев бесновалась опьяненная революцией толпа, вопившая «распни Их»...

Невозможно не согласиться с мнением, что «в судьбе последнего Русского Императора мы можем видеть события апокалиптического значения вследствие не только того особого места, которое занимает Россия в мире, но и вследствие раскрытия на последней глубине процессов, происходящих в мире на протяжении веков».

Падение Царства – эсхатологический акт мировой драмы того мира, который обычно именуют «христианским». Рухнул последний мировой государственный бастион, провозглашавший и отстаивавший Завет Спасителя как эталон для государственной политики. Мир человекобожеский одолел (временно одолел!) ценности и ориентиры мира Богочеловеческого. В «передовой Европе» то произошло значительно раньше; в России же это случилось в 1917 году.

Потому ***Февраль 1917 года – это, в первую очередь, в основополагающей степени – Духовная Катастрофа. Все остальные причинные факторы: соотношение политических сил, неудачные административные решения, экономические неурядицы, затянувшаяся война – всё это только внешние контуры вторичного и тре-***

тичного порядка, сами по себе не раскрывающие сути происшедшей трагедии.

Россия в последний раз явила свой вселенский государственно-духовный лик в начале Первой мировой войны. Летом 1914 года Царская Империя поднялась на защиту маленькой и далёкой Сербии, выступила за своих братьев во Христе – сербов. Но подобными образом это судьбоносное решение воспринимал только Николай II и небольшие группы монархистов-традиционалистов. «Общество» же в массе своей видело только «геополитические интересы», «империалистическую политику», «глупость», «авантюру» и т.п. – в зависимости от мировоззренческих пристрастий.

Надо прямо и ясно говорить о том, что русская элита, русский «монархический истеблишмент» к 1917 году настолько были дехристианизированы, настолько духовно деградировали, что ничего не понимали и ничего не чувствовали за пределами мелко-суетного человеческого «разумения». Процессы секуляризации столь глубоко поразили высшие социальные слои России, что они потеряли способность не только православно чувствовать течение событий, но и вообще адекватно воспринимать положение вещей.

Нельзя сказать, чтобы открытые атеисты в высших кругах преобладали, хотя тут и не существует какой-либо надёжной статистики. Как уже отмечалось выше, немалое число родовитых, именитых и высокопоставленных соблюдали обряд: молились, крестились, исповедовались и причащались.

У некоторых даже при исполнении патетического национального гимна «Боже, Царя храни» на глазах навёртывались слёзы. Об этом тоже сохранилось немало свидетельств. Однако как только замолкали последние аккорды патетического гимна, как только заканчивалось церковное священнодействие, элита, т.е. «публика», устремлялась в обычное времяпрепровождение, наполненное страстями и страстишками, далекими от православного мировосприятия. Иными словами, в высших слоях России обрядоверие заменило Веру Христову.

«Публика», в первую очередь столичная, не чувствовала, а следовательно – и не понимала, что основой благополучия всех и каждого является тот самый «царский режим», который «в хорошем обществе» принято было поносить, изоцряясь в клеветах по адресу Венценосцев. Подобные общественные настроения создавали благодатную почву для ниспровержения не только «царского режима», но всего русского миропорядка. Ведь в *сакрально ориентированных системах такие понятия как «престиж власти» и «сила власти» – вещи неразрывные. Когда же умалется путём дискредитаций пре-*

стиж, то неизбежно ослабевает и сила власти. Именно так и произошло в России.

Поразительно, насколько аристократически-сановный мир даже накануне крушения не воспринимал надвигающую катастрофу, которую люди этого мира своими анти-царскими сплетнями, инсинуациями против власти, своим краснбайством, бездельем и лицемерием приближали.

Все были заняты жалкими текущими заботами, карьерными и «имиджевыми» приращениями, наивно полагая, что когда они добьются ухода «плохого Царя», то в их жизни ничего не изменится. Они-то останутся на сцене, когда Миропомазанника уберут за кулисы! Из этой очевидности может следовать только один вывод: *высшее общество России, где, собственно, и вызрели все оправдательные аргументы переворота, где популяризовались теории о «династической рокировке», находилось в состоянии шизофрении.*

Тетка Царя Николая II, княгиня О. В. Палей (1865-1929), находясь в эмиграции, с обескураживающей для «бывших» простотой признавала то, то стало «очевидным» только в изгнании. «То, что рассорило Царя и общество, не стоило выеденного яйца. Сегодня любой из нас отдал бы всё, чтобы этого не случилось, чтобы Государь с Государыней жили и царили нам на радость и чтобы красный террор, который сегодня давит и душит Россию, рассеялся, наконец, как кошмарный сон». Однако роли все уже были сыграны, отдавать уже было нечего...

Чего стоила одна только история с Распутиным, в раскручивании которой свой вклад внесла и княгиня О. В. Палей! Почти десять лет (!) Царская Семья служила мишенью самых разнузданных инсинуаций, в производстве которых как раз и проявили себя не только такие политические деятели как, например, «камергер Двора Его Величества», председатель Государственной Думы в 1911-1917 годах М. В. Родзянко (1859-1917), известный «общественный деятель», председатель Третьей Государственной Думы (1910-1911) А. И. Гучков (1862-1936), Московский губернатор, а с 1913 года – товарищ министра внутренних дел генерал В. Ф. Джунковский (1865-1938), но и люди из круга близких царских родственников!

Сколько грязного белья было перемыто, сколько непотребных сплетен было озвучено, например, в «блестящем салоне» тётки Николая II Великой княгини Марии Павловны (1854-1920). В своём великолепном мраморном дворце на Дворцовой набережной в Петербурге-Петрограде неутомимая «тетя Михень», как её звали в романовском кругу, принимала различных лиц, в том числе и иностранных дипломатов, и, без стеснения, прилюдно обсуждала «необходимость» дворцо-

вого переворота, давая Венценосцам самые нелестные и даже оскорбительные характеристики.

Замечательно точно это раздвоение между реальностью и вымыслом, при котором злобные видения в общественном сознании затемняли и заменяли подлинный мир, передала в своём дневнике старшая медсестра из Царскосельского госпиталя В. И. Чеботарёва, которая много месяцев работала в лазарете вместе с Императрицей Александрой Фёдоровной и Её старшими Дочерьми – Великим княжнами Ольгой и Татьяной. В феврале 1917 года, за несколько дней до падения Монархии, Чеботарёва записала в дневнике: «Что-то жуткое творится за кулисами политики. Молва все неудачи, все перемены в назначениях приписывает Государыне. Волосы дыбом встают: в чём Её только не обвиняют, каждый слой общества со своей точки зрения, но общий, дружный порыв – нелюбовь и недоверие...Роковая, несчастная женщина, всё складывается против Неё, а стоит посмотреть в Её чистые, умные глаза и поймёшь, что на низкий поступок Она неспособна – такая прямая, ясная».

Трагическая безысходность ситуации состоял в том, что даже большинство из тех, кто близко стоял к Трону, в глаза Императрице Александре Фёдоровне не глядели. Да и не могли тёмные души видеть природную душевную чистоту и Нетварный Свет...

ВСЯ «РАСПУТИНСКАЯ ИСТОРИЯ» в том виде, в каком её сочинили в петербургских гостиных, и в том виде, в каком она циркулировала по всей России – не просто лживый, но злонамеренный вымысел от начала и до конца. И даже теперь, по прошествии почти ста лет, старые сплетни всё ещё чрезвычайно востребованы невзыскательной публикой, хотя в специальных исследовательских работах аргументировано доказана полная абсурдность всех «краеугольных камней» «Распутииады».

Ничего непристойного, ничего низкого никогда в отношениях Царской Семьи с Распутиным не наблюдалось, Это была форма традиционного духовного общения, когда и простые, и именитые соединялись у алтаря, в молитвенном устремлении ко Всевышнему. На бесконечно возникающий пошлый вопрос: что «могло быть общего» у Самодержца всея Руси и «какого-то» простого мужика, есть один бесспорный ответ, который не хотят замечать и признавать хулители Царской Семьи: Иисус ХристоС.

Духовное общение людей, вне зависимости от социального ранга, было широко распространено ранее на Руси, но в период послепетровской «европеизации» постепенно вышло из употребления.

Высшие слои общества теперь руководствовались «европейскими нормами» аристократического политеса, когда для общения и бесед

приглашались люди не духовно одарённые, подобные Григорию Распутину, а представители «своего круга», персоны, имевшие «хорошие манеры», «высокое родословие», «государственные должности» или «творческие заслуги».

Простым смертным – т.е. людям, не имеющим статусного положения, доступ к особам высокого ранга, в их салоны и апартаменты, был раз и навсегда закрыт. То был неписанный, но непререкаемый «кодекс поведения» высшего общества. Поэтому, когда по столичным гостиным разнеслась весть, что Царская Семья встречается с каким-то «необразованным» и «невоспитанным» крестьянином Тобольской губернии, т.е. «с простым мужиком», то эта новость родовую чиновно-дворянскую спесь задела смертельно.

О Распутине в столичном свете «было известно всё», когда там ничего о нём известно не было. Но подлинная фактура не имела значения. Потрясал сам факт, противоречивший кодексу поведения в среде «образованных» и «благородных». И высший свет начал мстительную борьбу с Царём методом клеветнических измышлений, которая способствовала десакрализации Царского института. Даже не конкретные примеры клеветы, а сам факт подобных разговоров свидетельствовал о распаде традиционного православного миропредставления, основу которого выражала формула: «сердце Царёво в руце Божией».

Антираспутинская истерика фактически подрывала духоносную основу Самодержавной Монархии. К этой разрушительной деятельности собственно «профессиональные революционеры» прямого отношения не имели; здесь главные партии исполняли люди с «хорошей генеалогией». *Русское дворянство, особенно его высший слой – аристократия, повинна в падении Монархии совсем не меньше, чем различные фракции и партии «общественности», до большевиков-ленинцев включительно.* Об этот надо говорить ясно и недвусмысленно, не заслоняя исторически обусловленный ответ разговорами о каком-то заговоре «группы лиц». Не заговор сам по себе, а обмирщённое мировоззрение элитарного социума, секулярное сознание стали базовой причиной крушения монархического миропорядка,

Общеизвестно, что революции начинаются в головах и душах людей, а уж потом это всё перерастает в уличное политическое действие. Царя, практически, предали все, кто обязан был стоять на Его защите. И незабвенные слова Николая II, занесенные Им в дневник рокового 2 марта 1917 года: «Кругом измена и трусость, и обман!» – остались вечным приговором жалкому калибру монархистов, окружавших Трон и творивших политическое действие.

Только тот факт, что целый ряд лет внутренний уклад жизни Царской Семьи служил темой пересудов, свидетельствовал со всей очевидностью, что в высшем свете, а именно там – это излюбленная тема перед Февралём 1917 года – вызрело «отречение от Царя», которое и стало фактом 2 марта того вечно приснопамятного года. Фактически получилось, что не Царь отрёкся от власти и России, а именно монархический истеблишмент предал и отрёкся от Царя, Николай II же этот факт только удостоверил своей подписью на документе о сложении с себя высшей властной прерогативы.

Через несколько лет после тех событий удивительно точно драматическую фабулу обозначил человек, который никогда не был монархистом, но, насмотревшись в эмиграции на лицемерие «бывших», не смог смолчать и напомнил самую суть событий 1917 года, которую немалое число лиц хотело бы в эмиграции забыть. Речь идёт о русском писателе «левых убеждений» М. П. Арцыбашеве (1878-1927).

«Но если мы враги бывшего Императора, – восклицал писатель, – имеем хоть какое-нибудь оправдание именно в том, что мы были врагами, то никакого оправдания нет для тех, кто «с гордостью носил вензеля Государя моего». Кто покорно склонялся к подножию Трона, кто тщеславился своей рабской преданностью «обожаемому Монарху и кто в решительную минуту предал Его. Эти люди с умилением произносят теперь имя Государя, приходя в ярость, если кто-то осмеливается прибавить к Его титулу слово «бывший», но это не мешало им тихо отойти в сторону, когда «настоящего» свергали с Престола. Жалкие люди! Где были вы, когда несчастный Император судорожно метался между Псковом и Дно? Где были вы тогда, когда судьбе угодно было предоставить вам случай не на словах, а на деле доказать свою преданность? Преданность! Его предали все без исключения, без оговорок и без промедления. Это был единственный случай за всю историю Февральской революции, когда не было никаких колебаний!.. И в час гибели Династии у несчастного Последнего Царя не оказалось защитников, но зато в изобилии нашлись тюремщики и палачи».

Горькие, страшные по своей правдивости слова, которые невозможно документально опровергнуть, хотя в эмиграции была сочинена масса произведений, где уцелевшие осколки «того мира» и их потомки на все лады и в разных вариациях пытались снять с себя ответственность за революционную катастрофу. Сочиняли сказания о том, как «пытались спасти Царя», как готовились «освободить Его», находившегося в узилище, но в «последний момент» всё срывалось «по независимым от преданных монархистов» причинам.

Если же опираться не на тенденциозные разговоры, а на проверенные свидетельства и документы, то можно сделать только один непрекаемый вывод: не было предпринято ни одной сколько-нибудь серьезной попытки освободить Их. Всё свелось к сочувственным разговорам некоторых лиц и пересылкам в Тобольск сладостей и сувениров. И всё.

Некоторые эмигранты в пылу самооправдательного угара, например, упомянутый выше М. В. Родзянко, договорились до полного абсурда. По их утверждениям выходило, что дело Монархии «погубил сам Государь», приближавший «не тех людей» и не слушавший таких «умных советчиков» как пустослов Родзянко! Все эти древние и ветхие эзерциции теперь мало интересны; важно же совсем другое.

До сих пор в исторических исследованиях отсутствует ясное понимание религиозной природы Царской Власти, что, как уже упоминалось, и фокусировал титул «Самодержавие».

Духовную природу русского государствоустроения замечательно выразил Митрополит Иоанн (Снычѳв). «История Православной Руси в её высшем, духовном проявлении служит как бы органическим продолжением священной Истории Нового Завета. Фигура Помазанника Божия, Русского Православного Царя есть с этой точки зрения видимый символ признания русским обществом своего промыслительного предназначения, живая печать Завета, олицетворение главенства в русской жизни Заповедей Божиих над законами человеческими. Потому Русь-Россия и являлась Государством-Церковью, в силу чего Цареубийство в духовном понимании есть бунт против Бога, вызов Его Промыслу, богоборческий порыв сатанинских, тѳмных сил».

Данный, подтверждѳнный историей вывод, относится не только к самому акту Цареубийства, которое было совершено в июле 1918 года в Екатеринбургѳ, но и вообще к злоумышлениям против Царя. Как уже отмечалось, задолго до злодеяния большевиков различные фракции российской элиты «стреляли» по Царю из револьверов, винтовок и орудий клеветы, лжи и дискредитаций. Необходимо снова подчеркнуть, что это было восстанием человеческого своеволия не собственно против Царя, а именно против Бога.

Не все понимали подобную органическую и неразрывную взаимозависимость, но русские провидцы понимали. Святой Иоанн Кронштадтский в 1908 году выразил это ясной формулой: «Неверующий в Бога не может быть верен Царю и Отечеству. От неверия нашего и все наши беды». Именно отход от Бога, от Церкви привел к эрозии духовно-нравственного климата в России; именно расцерковление стало глубинной причиной того, что в феврале – марте 1917 года вокруг Помазанника Божия образовалась вопиющая пустота.

Все клеветники, трусы и предатели, злоумышляющие словом или делом против особы Православного Царя, подпадали под анафему, т.е. извергались из Церкви, озвучиваемую в Неделю торжества Православия, отмечаемую в начале Великого поста. Анафема возглашается отвергающим тот или другой догмат Церкви, и подобный богослужебный чин возник в Империи Константина ещё в IX веке. Он совершался всегда в кафедральном соборе перед литургией, по прочтении часов, или перед окончанием литургии.

Одиннадцатое анафематствование, включённое в чин в 1766 году, гласило: «Помышляющим, яко Православнии Государи возводятся на Престолы не по особливому о них Божию благоволению, и при помазании дарования Святого Духа к прохождению великого сего звания в них не изливаются: и таки дерзающим противу их на бунт и измену, анафема».

Это отлучение от Церкви цареворцев последний раз возглашалась за одиннадцать дней до рокового 2 марта 1917 года. Однако подобные отлучения от Церкви давно не производили «на публику» никакого воздействия!

Русское общество оказалось не готовым к встрече с новым историческим испытанием, так как уже было лишено духовной первоосновы. В своих миропредставлениях оно больше не опиралось на традицию и святое предание, оно теперь в подобные «средневековые предрассудки» не верило. Потому и крах Государства-Церкви стал неизбежным и предопределённым. ***Ресурс «русского монархизма», который по природе своей только и мог быть православным, был исчерпан, а Россия провалилась в ту дьявольскую бездну, куда и должна была провалиться.***

Прошло всего несколько месяцев после Февраля 1917 года, как это стало очевидным для всех истинно православных людей. В январе 1918 года Святой Патриарх Тихон (Белавин, 1865-1925) в своём обращении к пастве заявил: «Без Бога строится ныне Русское Государство. Разве слышали мы из уст наших правителей святое имя Господне в наших многочисленных советах, парламентах, предпарламентах? Нет. Они полагаются только на свои силы, желают сделать имя себе. А не так, как наши благочестивые предки, которые не себе, а имени Господню воздавали хвалу... Забыли мы Господа!».

А где же в момент тяжелейшего испытания оказалась Православная Церковь, взрастившая, выпестовавшая и духовно охранявшая и идею, и институт Самодержавия на протяжении веков?

Ведь Самодержавие – не политическая или социальная, а именно – религиозная идея!

По словам известного проповедника, священномученика протоиерея Иоанна Восторгова (1864-1918), «только слепой не видит, что рус-

ское государство родилось и развилось в недрах Православия, Православной Церкви, в ней черпает свою силу, жизнь, мудрость, и разъединение с нею было бы смертью народа и государства, разделением одного живого тела на две части». Однако в предреволюционные годы подобных «слепцов» или «незрячих» расплодилось во множестве не только среди «публики», но и в рядах священства.

На протяжении веков священство и монашество играли в Русской истории действительную, а порой и определяющую роль. Так было и при утверждении Древнерусского государства, и в период освобождения от татаро-монгольского ига, и в эпоху Смуты начала XVII века, когда, например, монахи Троице-Сергиевой лавры, умирая от голода, с оружием в руках, до последнего земного вздоха на стенах обители боролись с польско-католическими захватчиками. Они защищали Святую Русь и знали, что погибшие за святое дело удостоятся Царствия Небесного.

Да и потом, когда Церковь якобы «захирела», как гласит расхожий секулярный штамп – в период Синодального правления, – и тогда государственная сила Её проявлялась во своей традиционной красе. Когда в 1812 году всеевропейская военная армада под главенством Наполеона вторглась в Россию, то простые сельские священники, без всяких «инструкций» со стороны Синода, организовывали дружины и благословляли прихожан – простых крестьян – на партизанскую войну с захватчиками! Куда весь этот героизм и подвижничество подевались в 1917 году?

Поражает, насколько в событиях Февральского переворота священство вообще, а высшая церковная иерархия в особенности, оказались вдалеке от судьбоносного перелома. И определяющую роль тут сыграла, если использовать лексику протоиерея Георгия Флоровского, «обмирщённая религиозность», столь характерная для «образованной» священнической среды. Выразительно эту сторону дела обрисовал Павел Флоренский. «Вся Русская правящая Церковь никуда не годна. Все принадлежат к нецерковной культуре. В существе все, даже церковные люди, у нас позитивисты (не в отдельности), а как общество, и не по индивидуальным грехам, а потому, что они принадлежат к двойственной культуре, – и рационалисты».

Следует без прикрас говорить об этом, хотя подобное неприятно слышать нынешним церковным публицистам, штатным богословам и некоторым представителям священноначалия, но что соответствует историческим реалиям: церковная иерархия предала Мировозмания!

И в наше время, люди, называвшие себя «православными», публично, без всякого стеснения всё ещё инсинуируют по адресу Последнего Царя. До настоящего дня в церковной среде, на страницах журналов и

газет, на православных сайтах в Интернете всё ещё в ходу умопомрачительный тезис, рождённый такими политическими фиглярами как Родзянко и Керенский: Распутин стал «могильщиком Империи», а «Государь виновен» в подобном исходе!

Какая удобная самооправдательная позиция для всех участников и восхвалителей Февраля! Хочется только спросить: причём здесь Распутин, в конце февраля 1917 года давно пребывавший в мире ином? Почему же иерархия не выступила на защиту исторических основ, когда на улицах Петрограда почти десять дней разворачивалось сначала стихийное, а потом и целенаправленное движение за свержение Богоустановленной власти? Ведь не только ни одного умиряющего голоса не прозвучало со стороны священноначалия, но и ни одного «батюшки» не появилось среди бесновавшихся толп! Церковь в лице клира по факту как бы «отделилась от политики», т.е. от государства, предав все заветы и духовные подвиги своих предшественников!

Убийственный по своей прозаичности эпизод зафиксировал в воспоминаниях товарищ обер-прокурора Святейшего Синода князь Н. Д. Жевахов (1876-1947). Он описал заседание Святейшего Синода, происходившее 26 февраля 1916 года, когда на улицах столицы бушевал уже революционный хаос. Князь обратился к собравшимся (на заседание Синода прибыли не все иерархи) с предложением выпустить воззвание к населению, которое следует зачитать во всех Церквях, призвав верных чад Церкви не принимать участия в беспорядках. И что же собравшиеся? Ничего. Большинство промолчало, а первоприсутствующий Митрополит Киевский Владимир (Богоявленский, 1848-1918) язвительно заметил: «Когда мы нужны, тогда нас не замечают; а в момент опасности к нам первым обращаются за помощью».

Владыка сводил свои мелкие счета с властью, не желая понимать, что речь шла не о личностях, а о судьбе России. Воззвание составлено не было. В то же время Католическая Церковь подобного рода обращение выпустила, и, как заметил Н. Д. Жевахов, ни один католик «не принимал участия в процессиях с красными флагами».

Революция развивалась вне священства и помимо священства, многие представители которого старались укрыться от событий. Они боялись не Суда Божия, а суда толпы! Даже последний духовник Царской Семьи протоиерей Александр Васильев (1867-1918), сославшись на «болезнь», за несколько дней до переворота покинул Семью и больше к Ней не вернулся...

Желание оказаться в стороне от событий показывало, насколько сознание священства являлось обмирщённым, насколько земное превалировало над Небесным. Пронзительную сцену, имевшую место 2

марта 1917 года, описал очевидец события, в то время архидиакон, а позже Митрополит Вениамин (Федченков, 1880-1961). Дело происходило в Твери, где Вениамин исполнял обязанности ректора Тверской духовной семинарии. Вместе с другими пастырями и служащими епархиального управления он наблюдал из окон управления мерзкое зрелище, которое разворачивалось в самом центре города – на Соборной площади.

Бесновавшаяся толпа выволокла на площадь Тверского губернатора генерала Н. Г. фон Бюнтинга (1861-1917), исполнявшего эту должность с 1906 года и немало сделавшего полезного в области благоустройства, просвещения и борьбы с пьянством. Теперь всё это не имело значения. Толпа лютовала, избивая немолодого уже человека, лишь повторявшего: «Что я вам плохого сделал?». Дальнейшее по Вениамину.

«Масса не позволяла его арестовать, а требовала убить тут же. Напрасны были уговоры... Кто-то ... выстрелил из револьвера губернатору в голову... Его труп извлекли на главную улицу... Шинель сняли с него и бросили на круглую верхушку небольшого дерева около дороги, красной подкладкой вверх. А бывшего губернатора толпа стала топтать ногами... Наконец... всё опустело. Лишь на середине улицы лежало растерзанное тело. Никто не смел подойти к нему»...

О Февральской революции много написано, опубликована масса материалов и документов, но, думается, что одним из самых пронзительных является свидетельство Владыки Вениамина.

Оно особо примечательно и ещё в одном отношении. Вениамин откровенно писал о том, что он вместе со всеми остальными пребывал в каком-то страшном параличе; никто не выказал порыва прийти на помощь страдающему и погибающему! «С той поры я всегда чувствовал, что мы, духовенство, оказались не на высоте... Несущественно было, к какой политической группировке относился человек. Спаситель похвалил и самарянина, милосердно перевязавшего израненного разбойниками иудея, врага по вере... Думаю, в тот момент мы, представители благостного Евангелия, экзамена не выдержали, ни старый протоиерей, ни молодые монахи», – подытоживал размышления Вениамин. Горькие и жестокие в своей правоте слова...

Вспоминая бурно-сумасшедшие месяцы 1917 года, Сергей Булгаков потом написал, что о поверженном Самодержце мало поступало известий. «Государь был арестован и отвезён в Царское Село, там соединён с Семейей. Стали доходить только отрывочные сведения о Нём, хотя поражало, что во всём этом море лжи, клеветы и ругани, Он выходил прекрасным и чистым. Ни единого неверного, неблагородного, нецарственного жеста, такое достоинство, такая покорность и смирение».

Это было действительно так. Правдой было и то, что Царь и Царский образ Третьего Рима были очень быстро преданы забвению даже теми, кто заседал на Поместном соборе. Как вспоминал Владыка Вениамин, «Ни у кого из нас, соборян, и мысли о Царе не было».

Находясь долгие шестнадцать месяцев в заточении, сначала в Царском, потом в Тобольске, а в конце в Екатеринбурге, подвергаясь почти каждодневным унижениям и оскорблениям, Царь и Его Близкие явили пример несравненного мужества, стойкости, незлобивости и смирения. Если ничего другого и не знать о Николае II, то изучение только этого периода неизбежно приведёт к мысли, что Сам Николай Александрович и все Члены Семьи были Людьми исключительными. Они из той же поры, что и первохристиане, кровь которых омыла грехи человеческие и созидала нерушимый фундамент Церкви Христовой.

В первые месяцы после переворота 1917 года, до самого избрания на Поместном Соборе 5 ноября 1917 года Патриарха Тихона (Белавина, 1865-1925), Царь Николай II и Его Близкие олицетворяли Православную Веру и Церковь Христову, выступая неколебимыми хранителями Завета Спасителя – Любви, Милосердия, Непротивления.

В дни петербургского мятежа и в последующие недели после 2 марта многие представители священноначалия находились в панике и какой-то прострации, а само церковное управление под руководством «революционного» обер-прокурора Синода, политического авантюриста В. Н. Львова (1872-1930), фактически было разрушено.

Царственные же Узники никого и ничего не предавали, ни от чего и ни от кого не отрекались. В этот трагический, богоборческий период Они явили в сияющем монументальном величии подвиг Христопреданности, за что Господь и прославил Их. Теперь члены Царской Семьи – Угодники Божии. Их Лики вознесены на икону, и никакое славословие добавить признания уже не может.

И ещё один очень важный момент. Царь почти повсеместно изображается на иконах со знаками Царского Достоинства, в короне, со скипетром и державой. Он является людям в облике Царя-Страстотерпца, что лишь подчёркивает, что он остался Царём навсегда. Благодать Божия дарована ему была на веки веков. При короновании в мае 1896 года первенствующий иерей Церкви Митрополит Санкт-Петербургский Палладий (Раев, 1827-1898) напутствовал Миропомазанника: «О, Богом Венчанный, и Богом Дарованный и Богом Преукрашенный, Благочестивейший, Самодержавнейший, Великий Государь Император Всероссийский! Прими скипетр и державу еже есть видимый образ данного Тебе от Всевышнего над людьми Своими Самодержавия к управлению их и к укреплению и к устроению всякого желаемого им благополучия».

И по факту Николай II, лишенный власти и заключённый под арест, оставался Царём, так как являлся Миропомазанником. Царское же Миропомазание, как небесная инсигния, не упраздняется и не отменяется, вне зависимости от каких-то бумаг и решения земных установлений. «Он пострадал, не как обычный человек, а как Помазанник Божий – за всех нас. Первенствующий из Новомучеников российских и наибольший из Них – заступник наш перед Престолом Святой Троицы». Для Него Мономахов венец стал терновым венцом. После 2 марта 1917 года Он не мог служить людям во властной должности, но он служил России и людям её молитвой, которой Он предавался денно и ночью. Лично для Себя ничего не просил, только молил о милости к любимой стране.

Замечательное по своей правоте и глубине мнение выразил о Семье Царя совсем не священник, и даже не православный, но человек, который почти десять лет был вхож в Царский Дом – воспитатель Царских Детей, выпускник Лозаннского университета, швейцарец Пьер Жильяр (1879-1962), сохранивший верность Им до самого конца.

«Император и Императрица, – писал Жильяр, – думали, что Они умирают за Отчизну. Они умерли за всё человечество. Их истинное величие не в Императорском достоинстве, но в достижении высших человеческих добродетелей, до которых Они постепенно возвысились. Они стали духовно совершенными; это дало им не земную, преходящую силу, но чудесную твёрдость и ясность души древнехристианских светочей, против которых бессильна людская злоба и которые торжествуют в самой смерти».

Хотя Император Николай II и сложил свои властные полномочия, но оставался один принципиальный пункт, который не имел исторического прецедента, но который, по законам революционного времени, требовал разрешения. Николай Александрович оставался Миропомазанным Царём, а миропомазание не отменяется и не упраздняется, если человек не совершил преступления против Бога, не предан анафеме, т.е. отлучён от Церкви.

Извечный постулат православного верноподданничества замечательно точно выразил в 1916 году в то время Архиепископ Харьковский и Ахтырский, а с мая 1818 года Митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий, 1863-1936): «От верности Царю меня может освободить только Его неверность Христу». Кстати сказать, Владыка Антоний оставался одним из немногих иерархов, кто сохранял верность и Царю и Царской идее, за что и был изгнан из Синода вскоре после Февральского переворота и отправлен на Валаам.

«Новый Синод», куда входили «прогрессивные» иерархи, 6-ого марта опубликовал «определение», которым предписывалось повсе-

местно «возглашать многолетие Богохранимой Державе Российской и Благоверному (?!) временному правительству». Великая ектеня, при которой возносилось многолетие Царствующему Монарху и Членам Царствующего Дома была изуродована: теперь надлежало поминать Временное правительство, сплошь состоявшее из краснобаев, авантюристов и изменников. Как написал позже С. Н. Булгаков, *«Россия вступила на свой крестный путь в день, когда перестала открыто молиться за Царя»*.

«Новый Синод» навсегда обессмертил себя ещё одним особо позорным действием. 9 марта 1917 года появилось просто похабное, иначе и назвать нельзя, обращение Синода ко всем «чадам Православной Церкви». В нем синодальные кликуши заявляли: «Свершилась Воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на её новом пути... Доверьтесь Временному правительству; все вместе и каждый в отдельности приложите усилия, чтобы трудами и подвигами, молитвою и повиновением облегчить ему великое дело водворения новых начал государственной жизни и общим разумом выведи Россию на путь истинной свободы, счастья и славы».

Господин В. Н. Львов и подвластные ему клирики позволяли себе витийствовать от Имени Всевышнего, Который, по их мнению, должен был «благословить» пустые слова «временных», а на самом деле – трусость, измену и обман! Кредо нового главы Синода было простым, незатейливым, но отвечающим «требованиям момента». «Я боюсь равнодушия, а всякий бунт приветствую; я исполняю волю народа, я гоню архиереев, ибо народ этого требует».

Что вкладывал самозванный управитель Синода в понятие «народ», не ясно, но ясно другое. Никакого отношения в духу Православия подобная бунтарская психология не имела.

Здесь уместна важная историческая констатация: В. Н. Львов и те из клириков, кто «радостно приветствовал» отречение от «старого мира – все получили своё. Никто не умер в тиши и покое. Многих расстреляли, а некоторых, например, того же В. Н. Львова, красная «народная» власть умучила обысками, арестами близких, морила голодом. Он и умер в полном забвении в тюремной больнице в Томске. В этом невозможно не узреть кары Господней отступникам и богохульникам!

Подавляющее большинство из тех, кто морально готовил, осуществлял и радостно приветствовал Февральский переворот, духовную природу Царской власти не чувствовали и не осознавали. Здесь, действительно, преобладали «слабоумные» персонажи.

Однако находились и такие, кто неразрывную мистическую связь между Россией и Помазанником Божиим понимал.

Ведь в глазах основной массы православного населения Царь оставался Царём даже после Его отречения от власти.

Потому в кругу «светских богословов» и созрела идея «снять», «отменить» миропомазание. Инициаторами этого безумного, не имевшего исторического прецедента начинания, выступили лица, «формировавшие взгляды» и «оттачивавшие аргументы» по «обновлению Церкви» на петербургских религиозно-философских собраниях, а затем в Религиозно-философском обществе или в модном салоне антицерковных «богоискателей» З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского.

Помимо упоминавшегося В. Н. Львова, к числу главных инициаторов подобного антиканонического действия относился завсегдагатай этих собраний, ставший в 1909 году председателем Религиозно-философского общества в Петербурге, А. В. Карташев (1875-1960). В марте 1917-ого года он – товарищ обер-прокурора Синода, а в июле сменил Львова на этом посту. Затем, после ликвидации Святейшего Синода, он оказался первым «министром исповеданий» Временного Правительства и в качестве такового открывал 16 (29) августа 1917 года в храме Христа Спасителя в Москве «Всероссийский церковный собор». Позже, уже в период эмиграции, А. В. Карташев составил себе имя в качестве церковного историка, написав ряд серьезных работ. Но эта сторона в данном случае не представляет интереса. Важно только оттенить роль «светского богослова» А. В. Карташева в проведении в жизнь вопиюще антиканонического, но с революционной, безбожной точки зрения вполне логичного действия – снятия миропомазания с Николая II.

В результате «обсуждений» совет Религиозно-Философского общества 11 марта 1917 года обратился к Временному правительству с заявлением. «Принятие Синодом акта отречения Царя от Престола по обычной канцелярской форме, – заявляли богословы-модернисты, – «к сведению и исполнению» совершенно не соответствует тому огромной религиозной важности акту, которым Церковь признала Царя в священнодействии коронования Помазанником Божиим. Необходимо издать для раскрепощения народной совести и предотвращения возможности реставрации соответствующий акт от лица церковной иерархии, упраздняющий силу Таинства Брака и Священства».

Да, видимо творческие посиделки в салоне Зинаиды Гиппиус и в ресторане «Донон» не прошли даром. Светские «богословы» настолько «развились» и «просветились», что просто отбросили весь церковный опыт, всю многовековую историю церковностроения. Они совершенно не хотели с этим считаться, их только пугала перспектива «реставра-

ции!»! Однако для того, чтобы «отменить» царское миропомазание, должна быть провозглашена «анафема» корононосителю, он должен быть отлучён от Церкви и не каким-то клириком, группой их или отдельным учреждением, а только соборным волеизъявлением, т.е. голосом всей Церкви. Только тогда подобный осуждённый мог бы стать «бывшим Царём».

В летописи православных государств подобного никогда не случилось. Однако революционный воздух «свободы» так пьянил, так возбуждал воображение, что авантюристы во власти просто потеряли способность мыслить адекватно, полагая, что решением государственного органа, ставшего инструментом «новой власти» – Синода – можно так легко, «по-революционному», решить вопрос, для Церкви имеющих первостепенное значение.

Отменять общецерковные таинства или их видоизменять – подобных прав не имеют ни правители, ни церковные иерархи, даже самого высокого ранга. Только соборы, в первую очередь вселенские, обладают данной компетенцией. Вопиющее антиканоническое действие не получило своего завершения. Инициатива «новых богословов» не нашла поддержки по той простой причине, что благочестие Царя Николая II было настолько очевидным и бесспорным, что революционные ниспровергатели не нашли поддержки даже у насмерть перепуганного клира.

Потому в июле 1918 года в Екатеринбурге убивали «не бывшего Царя», а именно Помазанника Божия. Об этом следует говорить прямо и громко, не оставляя места превратным толкованиям. Рассуждения же о том, что отход от власти Императора «автоматически» лишает его и Царского Миропомазания иначе как исторически глупыми и духовно невежественными и назвать нельзя.

Когда весть об убийстве Царя (о смерти других почти никто в тот момент не знал) дошла до Москвы, Святейший Патриарх Тихон произнес в московском Казанском соборе проповедь, где сказал: «Мы должны, повинувшись учению Слова Божия, осудить это дело, иначе кровь Расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его. Не будем здесь оценивать и судить дела бывшего Государя: беспристрастный суд над Ним принадлежит истории, а Он теперь предстоит перед нелицеприятным судом Божиим. Но мы знаем, что Он отрекся от престола, делал это, имея в виду благо России и из любви к ней... Он ничего не предпринял для улучшения Своего положения, безропотно покорился судьбе... И вдруг Он приговаривается к расстрелу где-то в глубине России, небольшой кучкой людей, не за какую-то вину, а за то только, что Его будто бы кто-то хотел похитить. Приказ этот приводят в

исполнение, и это деяние, уже после расстрела, одобряется высшей властью. Наша совесть примириться с этим не может, и мы должны во всеуслышание заявить об этом как христиане, как сыны Церкви. Пусть за это насказывают контрреволюционерами, пусть заточат в тюрьму, пусть нас расстреливают». Это был честный, мощный, страстный, но – единичный голос. В тот смутный момент истории Святой Патриарх спас честь Церкви...

В общем и целом Судьба Царя в тот момент мало кого занимала. На арене политической жизни, в так называемой «интеллигентной среде», она не интересовала практически никого. Летом 1918 года никакого общественного осуждения гибели Царя в стране не наблюдалось. Пронзительную зарисовку общественного отупения оставила Марина Цветаева – великий русский поэт (1892-1941): «Стоим, ждем трамвая. Дождь. И мерзкий мальчишеский петушинный выкрик: «Расстрел Николая Романова!.. Николай Романов расстрелян рабочим Белобородовым!». Смотрю на людей, тоже ждущих трамвая и тоже (тоже!) слышащих. Рабочие, рваная интеллигенция, солдаты, женщины с детьми. Ничего! Хоть бы что! Покупают газету, проглядывают мельком, снова отворачивают глаза – куда? Да так, в пустоту».

Историческая жизнь России завершилась, начиналось время жалкого исторического существования. Впереди – пустота и тлен. «И дым мучения их будет восходить во веки веков, и не будут иметь покоя ни днем, ни ночью поклоняющиеся зверю и образу его и принимающие начертание имени его» (Откровение. 14.11).

Список источников и литературы

- Архиепископ Иоанн.* Святая Русь – Русская Земля. М., 1997. С. 74.
- Арцыбашев М.* Записки писателя//Литература русского зарубежья, Антология. М., 1991. С. 445-447.
- Богословские труды. Т., 34. М., 1998. С. 337-338.
- Боханов А. Н.* Николай II. М., 2008. С. 410.
- Боханов А. Н.* Российская империя: образ и смысл. М.: изд. ФИВ, 2012, 591 С.
- Вострышев М.* Патриарх Тихон. М., 1995. С. 120.
- Дневники Императора Николая II. М., 1991. С. 625.
- Ильин И. А.* Собрание сочинений. М., 2001. С. 144.
- Марков Н. Е.* Войны тёмных сил. М., 2002. С. 385.
- Митрополит Вениамин (Федченков).* На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 150-152.
- Митрополит Иоанн.* Русская Симфония. Очерки русской историософии. СПб., 2009. С. 347, 457.
- Лопухин П. С.* Преподобный Серафим Саровский и монархическая идея// Православная жизнь. Джорданвилл (США). 1992. N 10. С. 15.
- Людендорф Эрик.* Мои воспоминания о войне. М., 2007. С. 188,189.

О канонизации Государя Императора Николая II. Сборник статей и документов научно-богословской конференции, состоявшейся в Москве 29. 04. 1999 года. М., 1999. С. 5.

Половцов П. А. Дни затмения. Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П. А. Половцова в 1917 году. Париж. 1937. (Репринт: Москва 1990).

Протоиерей Александр Шаргунов. Православная Монархия и новый мировой порядок. М., 1999. С. 29.

Протоиерей Владислав Цыпин. История Русской Церкви. 1917-1997. М., 1997. С. 12.

Протоиерей Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Париж. 1937. С. 389.

Протоиерей Иоанн Восторгов. Полное собрание сочинений в 5-ти томах. СПб., 1995. Т. 4. С. 250.

Протоиерей Никольский К. Т. Пособие к изучению устава богослужения Православной Церкви. СПб., 1907. С. 35.

Протоиерей Сергей Булгаков. Автобиографические заметки. Париж. 1991. С. 303.

Пьер Жильяр. Трагическая судьба Русской Императорской Фамилии//Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999. С. 591.

Россия перед Вторым Пришествием. Материалы к очерку Русской эсхатологии. Составители С. и Т. Фомины. Т.1-2. М., 1998, 2002. Т. 2. С. 147.

Российский Императорский Дом. Дневники. Письма. Фотографии. М., 1992. С. 117.

Сергей Булгаков. Из «Дневника»// Вестник Русского христианского движения. N 130. Париж. 1979. С. 256.

Сказание о венчании на Царство Русских Царей и Императоров. Составил П. П. Пятницкий. М., 1896. С. 95.

Товарищ обер-прокурора Святейшего Синода князь Н. Д Жевахов. Воспоминания. Т. 1-2. М., 1993. Т. 1. С. 288.

Франк С. Л. Из размышлений о русской революции//Новый мир. М., 1990. N 4. С. 213.

Церковные ведомости. Петроград, 1917, N 9-15. С. 57.

Души и думы революции. Люди и эпоха. Книги и мысли.

Записки на листах сценария

В конце 2016 года мы, студия «Шесть крыльев», совместно с Отделом образования и катехизации Санкт-Петербургской митрополии, с благословения владыки Амвросия, ректора СПбДА – работали над фильмом «Жизнь за Веру». Студенты СПбДА проживали-рассказывали истории жизни двух удивительных людей, двух первых Петроградских мучеников 20 века – протоиереев Иоанна Кочурова и Петра Скипетрова. Мы снимали семинаристов в те самые дни, когда 99 лет назад в Царском селе и Петербурге «назревала революционная ситуация». Еще скажу, что нас очень интересовала атмосфера, мысли, побуждения, идеалы людей того времени. Людей, которые окружали наших героев – священномученика Иоанна Царскосельского и священномученика Петра Скипетрова.

Великая октябрьская социалистическая революция, Русская революция, Великая русская революция, Октябрьский переворот, смена власти в России 1917-1918 гг. Что это? Почему?

Начало фильма. Из сценария: Церковь наша – Русская православная церковь – пережила в 20 веке страшные испытания. Каждый день, открывая православный календарь, мы встречаем имена Новомучеников и Исповедников Российских. Для Церкви их святость – непреложный факт. Однако в обществе существует точка зрения, согласно которой эти люди пострадали не за веру, а за антисоветские убеждения. А Вера? Для тех людей, кто считает, что это «просто красивая формулировка» – так и есть. Но мы-то с вами знаем, что такое Вера для людей 20 века. Теперь уже знаем. Благодаря подвигу новомучеников и исповедников российских – Церковь окрепла и будет крепнуть. Важно понимать это. Силу их заступничества мы еще не оценили.

Мысли вслух: А сейчас... Сейчас 2017 год. Санкт-Петербург. Как нам понять, ЧТО занимало умы горожан сто лет назад? И – кого из них? Рабочего Путиловского завода? Преподавателя женской гимназии? Члена Государственной думы? Студента духовной семинарии? Дух свободы, мечты о новом мире – о которых мы так часто читали в воспомин-

нениях-письмах-дневниках людей того времени – о чем они мечтали? И как встретили они новый 1917 год?

Из сценария: Уже уже который год идет Война, которую позже назовут Первой мировой. Еще на престоле Российской империи – царь. Николай Второй. Имя Александра Керенского еще не на слуху. А имена Ленина-Ульянова и Троцкого – еще известны небольшому кругу лиц. Еще много планов на предстоящий год. А летом – нужно непременно опять поехать в Финляндию – на дачу... Художники планируют новые выставки. Студенты вместо университета теперь каждый день могут ходить на революционные митинги. Мысли о предстоящих переменах захватили все «слои общества» – как писали тогда газеты. Жизнь в столице – кипит! Все – о революции. Но не о Душе. И не о Душе.

Иван Александрович Кочуров (13 (25) июля 1871, село Бигильдино (Сурки), Данковский уезд, Рязанская губерния – 31 октября (13 ноября) 1917, Царское Село).

Петр Иванович Скипетров (4 июля 1863, село Станки, Вязниковский уезд, Владимирская губерния – 19 января 1918, Петроград).

31 октября 1917 года. Не стало священника Иоанна Кочурова. Такая страшная смерть. Сын рядом...

Первые дни революции. Столько воодушевления. И вдруг смерть. Революционная толпа. А они что – не люди? Родившиеся в конце 19 века. И все – все! Крещенные. Как они могли поднять руку на Того, кто совершил таинство? Почему эти люди, священники, вдруг попали в разряд «классового врага».

Вопрос вопросов: Сами эти люди – матросы, солдаты, бывшие крестьяне... Создали себе такое «мировоззрение». Или кто-то другой – более образованный, умный, тонкий... приложил к этому усилия, участие?

Три книги, которые работали вместе с режиссерской группой, во время работы над фильмом:

Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году / В. П. Лапшин. – Москва: Сов. художник, 1983.

Лев Толстой. «Пророк без чести»: хроника катастрофы/Протоиерей Георгий Ореханов. – Москва: Эксмо, 2016.

Курсив мой/Нина Берберова. Москва: Согласие. 1996.

Первая – уже антиквариат, была случайно приобретена 6 лет назад на букинистическом развале. Это монография. Серьезная и подробная. По дням, весь год: люди и события. Сколько известных имен. Сколько

переживаний, страхов. Но и сколько веры, надежд и ожиданий «светлого будущего». Цитируем: «А между тем культурная жизнь в Москве и Петрограде в послеоктябрьские, сложнейшие по обстановке и тяжелейшие по условиям дни не только не замерла, но и приобрела необычайную интенсивность. Доказательством тому могут служить и премьеры спектаклей в театрах обоих городов, следовавшие одна за другой с конца ноября; и многочисленные вернисажи выставок изобразительного искусства; и появление в прессе обильных материалов, посвященных изобразительному искусству, среди которых выделим ряд статей, посвященных памяти выдающихся французских художников Родена и Дега (в числе авторов статей можно было встретить А. Эфроса, Н. Радлова, Сергея Глаголя, И. Гинцбурга); и те немногие лекции и общедоступные беседы об искусстве, которые были прочитаны в Петрограде («Искусство и социализм», «Художественные сокровища Гатчинского дворца», «Архитектура Петрограда» и др.); и литературно-художественные вечера, среди которых крупнейшим был вечер, посвященный чествованию И. Репина в связи с 45-летием его творческой деятельности (в чествовании принимали участие представители различных творческих объединений: передвижники, «Мир искусства», Общество им. А. И. Куинджи, Общество акварелистов и др.); и создание театра «Габима», в судьбе которого принимали участие К. Станиславский, Е. Вахтангов, С. Глаголь».

«Курсив мой» – самая знаменитая книга Нины Берберовой (1901-1993), смелая, жесткая автобиография. После 1922 года российская история Берберовой заканчивается: Европа и США. Читаю в очередной раз: «Всё или почти всё было ново для меня, как и для большинства, ново и радостно, потому что рушилось то, что не только вызывало ненависть и презрение, но и стыд, стыд за подлость и глупость старого режима, стыд за гниение его на глазах у всего мира: Цусима, «Потёмкин», Восточная Пруссия, Распутин, царица, виселицы и сам он, тот, кому нет и не может быть прощенья, пока на земле останется хотя бы один русский. Он думал, что он второй царь Алексей Михайлович и что Россия – та самая допетровская Русь, которой нужны помазанники, синоды и жандармы, когда России нужны были быстрые шаги сквозь парламентский строй и капитализм к планированию, новым налогам, свободному слову и технологии двадцатого века, к цивилизации для всех, к грамотности для всех, к человеческому достоинству для каждого». Читая Нину Николаевну Берберову, начинаешь понимать – кто и как относился к России, какие идеалы были в цене: «Наташа Шкловская записалась в партию левых эсеров (была арестована после смерти Мирбаха), Надя Оцуп – в партию большевиков (погибла как троцкистка),

Соня Р. – в партию правых эсеров (покончила с собой), Люся М. – в кадетскую партию (была застрелена при бегстве за границу)…»

Личное: Читала ее, слушала аудиозапись книги.. и вдруг, поняла: при всем уме, мастерстве, чудесном слоге – жизненный опыт Берберовой неприменим. Сейчас я говорю про себя: мне не нужен опыт и выводы взрослой неглупой женщины – не пришедшей к Христу.

Книга третья, только что вышедшая. Лев Толстой. «Пророк без чести»: хроника катастрофы. И на обложке – смело: автор – протоиерей. Как бы не спугнуть светскую публику? – послышалось мне. Автору – отцу Георгию Ореханову удалось многое: Умным, легким, научным способом рассказать то, что не удавалось до него многим. Весь 19 век, начало 20 – религиозный кризис русского общества. Философы, богословы, писатели, властители дум (и дел) большой до-революционной эпохи – если подходить к этому вопросу с точки зрения духа-мыслей. Замечательный труд, который нужно прочитать не один раз.

Мысли вслух (уже не вошедшие в сценарий): Толстой... завладел мыслями... не его «предали анафеме» а он сам отошел, ушел в мир своей гордыни... своего личного бога, навязывая этот мир всем. Атеизм 19 века. Как он многолик! Как «красив» – мечты о свободе, свержении тирании (Романовых и Церкви)! Скольких сбили с прямого жизненного курса – статьи Льва Толстого. Мысли Толстого поселились в душах и голове такого количества людей: священников, учителей, врачей, столичной профессуры. Легко разделавшись с Русской церковью – под давлением авторитета Льва Николаевича – сделать первые шаги против людей церкви было уже проще.

Выводы: А при чем тут Новомученики и Толстой? А вот при чем: с какой радостью я нашла ответы на свои вопросы и поддержку мыслей у протоирея Георгия Ореханова: «Синодальный акт 1901 года был первым церковным ответом. Второй – в подвиге новомучеников, которые своими страданиями свидетельствовали не только верность Христу, но и дали великий ответ на вопрос Толстого: «Может ли в это верить современный человек?» Третий ответ должен дать своей жизнью каждый христианин».

Мы с Вами. Ведь отец Иоанн Кочуров и отец Петр Скипетров – уже дали свой ответ. Сделали свой выбор.

Иерей Илия Макаров

К 300-летию начала «Кикинского» и «Суздальского» розысков при Петре Великом

Политический процесс 1718 года получил в истории название «Дело царевича Алексея». Н. М. Карамзин писал: «Окончательный суд по делу о царевиче Алексее может произнести только потомство».¹

Уже 300 лет как потомки окончательно еще не высказались по этому вопросу. Необходимо отметить, что до революции этой темой активно интересовались. Возобновились исследования по делу царевича Алексея в постсоветское время. Некоторые авторы (Полевой, Крекшин) видели в суде над царевичем выражение любви Петра Великого к своему отечеству, так как он был готов пожертвовать сыном для блага отечества. Другие (Голиков, Щербатов) считали, что царь не прав в этом деле, однако извиняли его духом того времени и неблагоприятными обстоятельствами, и все это искупалось государственными благодеяниями Петра.² Особый интерес вызывал факт привлечение к этим делам представителей духовенства.

Общий ход событий тех лет достаточно известен. Царевич, родившийся 18 февраля 1690 года, получил обычное тогда воспитание и обучение. А. Брикнер отмечал, что Алексей интересовался больше духовной литературой.³ Это не совсем так. Г. Есипов сообщал, что царевич любил читать исторические книги и литературные произведения.⁴

Сначала царь Петр хотел, чтобы сын последовал примеру отца, заставлял его учиться разным наукам, звал его с собой в походы. Но царевич лучше прикидывался больным или наносил себе увечья, чтобы

¹ Цит. по: Терновский Ф. А. Император Петр I в его отношениях к Царевичу Алексею. Киев, 1911. С. 1.

² Там же. С. 2.

³ Брикнер А. Г. История Петра Великого. СПб., 1882. Т.I-II.

⁴ Документы, собранные Г. В. Есиповым.// ЧОИДР. Кн. 3. Отд.II. М., 1861. С. XIX.

не ехать к отцу. Постепенно их отношения ухудшались. Петр считал, что на сына сильное влияние оказывают попы. И действительно, оппозиционно настроенные круги русского общества возлагали свои надежды на то, что с царевичем все опять возвратится к старине.¹ К тому же двух таких разных по характеру личностей некому было примирить, так как к моменту разрыва отношений между ними единственный примиритель – мать царевича и жена Петра I, находилась далеко от них обоих, в монастыре.

Петру надоело терпеть поведение Алексея. Царевич не менялся. Даже женитьба на принцессе Шарлоте Вольфенбюттельской не изменила его нравов и характера. В 1715 году царь объявил Алексею, что он или пойдет по стопам отца, или отречется от престола и уйдет в монахи. Царевич согласился на монашество, ссылаясь на свою неспособность к государственным делам, но надеясь, что потом, после смерти отца, он скинет клобук и займет престол.² Петр I хорошо понимал, что может произойти после его смерти при таком раскладе дел. Поэтому, протянув 10 месяцев, после многочисленных уговоров и споров в переписке с сыном, император велел царевичу приехать к нему в Копенгаген. В октябре 1716 года Алексей, по совету своих приближенных, якобы едет к отцу за границу, но сам сворачивает с пути и убегает в Австрию к цесарю. Царевича сначала скрывали в Тирольской крепости Эренберг, а затем его отправили в Неаполь в крепость Сент-Эльмо, где он прожил 5 месяцев (с мая по октябрь 1717 года).³ Несмотря на тщательную конспирацию, Толстой и Румянцев смогли отыскать царевича и привезти в Россию.

Прежде чем говорить о Кикинском розыске, уместно отметить некоторые черты личности царевича. Мнений об этом в историографии высказано предостаточно. Одни превозносили Алексея как благочестивого и богобоязненного человека, другие ниспровергали его до пьянства и распутства. Приведу здесь некоторые сведения на этот счет.

Камердинер царевича Иван Большой-Афанасьев во время допросов 1718 года собственноручно написал: «А он царевич великое имел горячество к попам и попы к нему, и почитает их как Бога, а они его все святым почитают, и в народе он тем всегда блажим был».⁴ В августе 1717 года П. Толстой побывал у герцогини Вольфенбюттельской, матери

¹ Терновский Ф. А. Указ. соч. С. 14.

² Там же. С. 13.

³ Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 6: Царевич Алексей Петрович. Приложение. СПб., 1859. С. 93.

⁴ Там же. С. 190-191.

покойной тогда уже кронпринцессы, жены царевича Алексея (умерла в 1715 г.). Герцогиня сказала Толстому: «Я натуру царевичеву знаю. Отец напрасно трудится и принуждает его к воинским делам, он лучше желает иметь в руках своих четки, нежели пистолы; только то мне безмерно печально, чтобы немилость Государя на внука моего не пала».¹

Теперь приведу противоположные мнения о царевиче. Есипов общал, что царевич Алексей со своими друзьями часто пребывал в пьянстве.² В своем письме из Данцига 1 января 1718 года царевич обращался к некому Петру Михайловичу и просил его забавлять свою любовницу Евфросинью, которая ехала в Россию и остановилась для своих родов в Берлине. Но при этом Алексей называет его скверными словами,³ которые по известным соображениям не цитируются здесь.

Имперский вице-канцлер граф Шенборн писал о своем разговоре с царевичем Алексеем, в котором тот говорил вице-канцлеру, что заключиться в монастырь для него означает потерять тело и душу.⁴ Не слишком ли странные слова в устах православного богобоязненного человека? Относительно пьянства и крепких слов – сам царь отличался этим же. Но обвинения царевичу на суде не были беспочвенными. Алексей, по некоторым свидетельствам, признавался своему духовнику, что желает смерти своему отцу. На это духовник успокаивал его, говоря, что они все этого желают.

3 февраля 1718 года Петр I манифестом лишает царевича престола. Но перед этим (тоже 3 февраля в понедельник) в аудиенц-залу Кремлевского дворца привели царевича, как арестанта, без шпаги в присутствии высших духовных и светских чинов, где Петр велел Алексею отречься от престола и назвать своих сообщников. В этот же день царевич в Соборной церкви перед Евангелием отрекся от престола;⁵ затем начался знаменитый Кикинский розыск, названный так по имени Александра Кикина, приближенного к Алексею. Начались аресты, допросы, жестокие пытки, очные ставки. По делу царевича было привлечено 157 человек.⁶ Алексей признал свою вину и назвал сообщников: Александр Кикин, Никифор Вяземский, князь Василий Владимирович Долгорукий, Сибирский царевич Василий, Семен Нарышкин и многие другие.⁷

¹ Там же. С. 106.

² Документы, собранные Г. В. Есиповым... С. XVI.

³ Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 35.

⁴ Там же. С. 67.

⁵ Там же. С. 143-144.

⁶ Терновский Ф. А. Указ. соч. С. 21.

⁷ Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 169.

Затем к делу было привлечено окружение царицы Евдокии – это уже начало Суздальского розыска, о котором скажем позже. Суд над царевичем Алексеем Петровичем состоял из 127 человек. Царь велел летом 1718 года высшим светским и духовным чинам вынести царевичу приговор. Духовные лица отговорились от этого, однако дали царю «на размышление» несколько выписок из Ветхого и Нового Заветов,¹ а светские чины осудили Алексея на смертную казнь. Но через два дня (26 июня 1718г.) царевич умер в двадцативосьмилетнем возрасте. О его смерти ходили разные слухи: умер от апоплексического удара, отрублена голова, умер от растворения жил, задушен подушкой и т. п.²

Нас же интересует участие в этом деле в качестве обвиняемого Ростовского епископа Досифея Глебова. Позволим себе, согласно историографической традиции, говорить об иерархе в контексте розыска по делу царевича Алексея, тем более что этот архиерей имел контакты с самим царевичем. Такое положение еще оправдано и тем, что, как пишет С. В. Ефимов, фигура Досифея была нужна царю для подкрепления его версии о связи Алексея с «бородачами».³ Но если подходить к вопросу формально, то Досифея обвиняли больше по делу царицы Евдокии.

Игуменом Досифей стал в 1701 году. Происходил он из дворовых людей Лопухиных, т. е. рода царицы Евдокии Федоровны.⁴ Отсюда понятно его расположение к Евдокии Федоровне – инокине Елене. В бытность игуменом Сновицкого монастыря Досифей считался богоугодным человеком и предсказателем. Говорили, что ему бывают видения и гласы от образов.⁵ Когда он стал в 1709 году архимандритом Спаса-Евфимиева монастыря в Суздале, к нему писал находившийся под следствием светлейший князь А. Д. Меншиков. Князь просил помолиться, и спросил, будет ли он освобожден от несчастья и царского гнева. Досифей отвечал, что он освободится Богом. Когда пророчество оправдалось, и князь Меншиков был прощен, то княгиня Меншикова прислала Досифею 100 червонцев и 100 рублей деньгами, чтобы раздать нищим и в богадельни.⁶ В 1714 году Досифей, тогда уже епископ, освятил придел в Меншиковой башне.⁷ Этот архиерей являлся родственни-

¹ Там же. С. 264,519-523.(Приложение).

² Там же. С. 293.

³ *Ефимов С. В.* Евдокия Лопухина – последняя русская царица XVII века.// Русские биографические словари. Т. 6. СПб., 1905. С. 606.

⁴ *Ефимов С. В.* Царица Евдокия Федоровна с ее портретом.// Русские Достопамятности. Вып. 6. М., 1863. С. 6.

⁵ Там же. С. 6.

⁶ *Розанов Н. П.* Церковь Архангела Гавриила... или Меншикова башня. // Русские достопамятности. М., 1877. Т. 2. С. 9.

ком Якова Игнатъева – духовника царевича Алексея (осужден и приговорен к смертной казни в 1718 году). Едва ли не по рекомендации этого духовника¹ и по ходатайству князя Меншикова² Досифей был хиротонисан в епископа на Ростовскую кафедру. Епископ был близок к царице Евдокии – инокине Елене, когда она находилась в Покровском Девицьем монастыре в Суздале. В 1718 году он обвинялся параллельно и по Кикинскому и по Суздальскому розыскам, так как имел сношения и с царевичем, и с царицей. Главная вина епископа заключалась в крамольных речах с царицей. Досифей пророчествовал ей и сказал, якобы ему было видение, что она [царица] снова вернется на трон и будет правительницей либо с царем Петром, либо одна. Будет это через год. Но год прошел, а пророчество не исполнялось. Тогда Досифей сказал, что этого не происходит за грехи отца Евдокии. Царица-инокиня стала много о том молиться, но предсказание так и не осуществилось. Епископ же успокаивал Евдокию, говоря, что в очередном видении ему был явлен ее отец Федор Лопухин, уже выходящий по пояс из адского пекла, потом, в другом видении, выходящим по колени и т. д. Еще Досифея обвиняли в том, что он желал смерти царю и воцарения царевича, но сам епископ признал это за собой после двух жесточайших пыток,³ поэтому в справедливости таких обвинений можно усомниться. Однако первая часть его пророчества действительно сбылась – Евдокия вновь стала царицей, хотя уже не правительницей, при своем внуке Петре II.

Если с царицей епископ Досифей имел переписку и личные встречи, то его контакты с царевичем были слишком незначительными. Тем не менее, епископ был арестован. Началось грандиозное следствие. Допрашивали очевидцев из Покровского монастыря (старицу Каптелину, Михаила Босого) и из окружения царицы, проводили очные ставки, после которых выяснилось, что Досифей выдумал видения и гласы святых ему от икон.⁴ В архиве сохранился список с письменного показания Досифея. Он говорил о видениях, чтобы утешить Евдокию, так как боялся, что она может отпасть от Бога. В то время царица-инокиня много молилась и сетовала, что Бог ее не слышит. Досифей узнал о постриге Евдокии от иеромонаха Иллариона в Спасо-Ефимиевом монастыре, когда был там архимандритом (этот иеромонах и постригал царицу). Епископ свидетельствовал, что Степан Глебов был у Евдокии, они оба ужинали в келье Досифея. Когда Петр I женился на Екатерине, то Глебов упрекал архиереев в лице Досифея за то, что они молчат, а Досифей отвечал, что

¹ См.: Титов А. Ростовская иерархия. М., 1890.

² Есинов Г. В. Царица Евдокия Федоровна с ее портретом... С. 6.

³ Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 214-215.

⁴ РГАДА. Ф. 6. Д. 109. Л. 1-5.

это не его дело. Архиерей возил письма от Евдокии к царевне Марии Алексеевне и к Аврааму Лопухину. Еще Досифей поведал о дружбе Степана Глебова с Симоновским архимандритом Петром, но сам он (Досифей) не имел с ними никаких тайных речей. Когда он был еще архимандритом, то Афанасий Сурмин говорил ему, чтобы он вразумлял Евдокию не пускать к себе Глебова, но царица-инокиня не слушала этих замечаний. Этот допрос датирован 18 февраля 1718 года.¹

В заключение следствия Петр Толстой сделал выписку о преступлениях епископа Досифея. На этой выписке было поставлено решение «собора» архиереев от 27 февраля 1718 года: «Сию выписку слушали соборно преосвященные архиереи Российские и Греческие и по своему рассуждению судили повинна быти Ростовского епископа Досифея и достойна извержения от архиерейского сана».² Устрялов сообщил, что подписали это заключение 6 архиереев, но согласно подписям в архивном деле их было 9 человек.³ Таким образом, осуждение Досифею вынесли только 9 иерархов всей Русской Церкви, мнения остальных не спрашивали. С того момента во всех актах епископ Досифей упоминался как расстрига Демид. Во всеулышание на соборном заседании архиереев Досифей сказал: «Только я один в сем деле попался. Посмотрите, и у всех что на сердцах? Извольте пустить уши в народ, что в народе говорят; а на имя не скажу».⁴ После пыток и допросов расстрига Демид был казнен 17 марта на Красной площади «для показания всем, чтоб другие впредь, смотря на такую казнь, так никто на святых не гнали и на Государеву здоровье не злодействовали и лживо не пророчествовали».⁵

В своих последних словах Досифей оказался прав – действительно, не только он один был против царя и желал его смещения. Долго еще после казни Досифея ходили разговоры о нем и о недовольстве действиями царя. В фонде Преображенского Приказа сохранилось следственное дело, происходившее три года спустя после описываемых событий.

17 октября 1721 года в Преображенский приказ из Нижнего Новгорода были присланы колодники расстрига Яков Иванов и иеромонах Феодорит, а с ними послана отписка обер-ландрихтера Михайлова. В отписке сказано, что 4 сентября того года расстрига Яков был прислан

¹ Там же. Л. 6-10.

² Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 213.

³ РГАДА. Ф. 6. Д. 109. Л. 5об.

⁴ Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 213.

⁵ Там же. С. 219.

от Нижегородского епископа к розыску в воровстве. Он винулся в убийстве, и приговорен к смертной казни. После исповеди и Причастия расстрига прислал ландрихтеру духовника с просьбой прийти к нему в камеру для некоей нужды. Когда те пришли, расстрига поведал им, что на исповеди духовник говорил ему о епископе Досифее, а также непристойности о царе и других персонах. После этого ландрихтер решил отослать их в Преображенский приказ.¹ На допросах и в очных ставках расстрига Яков говорил, что после исповеди Феодорит говорил ему, рассуждая о том, как был он [расстрига Яков] в чести монах и учинил в пьянстве убийство, того не надо было делать. На что Яков ответил, что ему Бог велел так умереть, а вот бывший Ростовский епископ Досифей и не пил, но погрешил и казнен был. Феодорит ответил: «Ты что к нему епископу равняешься, он казнен безвинно за то, что приезжал в Суздаль с царевичем на совет к царице обличать царя, что он неистинный царь, только его и вины».² Яков спросил, от кого тот это слышал. Феодорит ответил, что был после казни Досифея той зимой Великим постом в Нижнем Новгороде у архиерея Сильвестра. Один архимандрит спросил Сильвестра о вине Досифея. Тот отвечал, что вина его невеликая, приезжал в Суздаль с царевичем к царице на совет, хотели обличать царя в его неистинности, потому что захотелось тому Ростовскому архиерею патриаршество; да молод он еще, продолжал Нижегородский владыка, дано ему теперь патриаршество на коле. Сильвестр добавил, что он сам дольше его [Досифея] живет и больше знает, и, когда был Юрьевским архимандритом в Новгороде, знал, что Петр неистинный царь, но не его дело обличать, пусть другие делают, как о том хотят.³ Таким словам архиерея воспротивился его иеродиакон Феогност, который хотел донести на Сильвестра, за что и был Нижегородским владыкой собственноручно бит и с увечьями отослан в Зеленогорскую пустынь, где вскоре и умер.⁴

История мало похожая на правду, однако слишком хорошо и гладко изложена расстригой. В ходе розыска выяснилось, что Яков оболгал своего духовника. Дело в том, что раньше он покаялся ему в своей краже из храма, а духовник донес об этом Нижегородскому епископу Птитириму. Архиерей в свою очередь донес ландрихтеру, после чего Якова взяли под стражу.⁵ К сожалению, архивное дело обрывается на полови-

¹ РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Д. 14406. Л. 1-1 об.

² Там же. Л. 2 об.

³ Там же. Л. 3-3 об.

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ Там же. Л. 7-7 об.

не, и неизвестно, чем оно закончилось, и кого признали виновным. Но возникает много вопросов. Во-первых, расстрига Яков Иванов после трех пыток и огня говорил то же, что и первоначально в допросе, и только после четвертой пытки повинулся. Даже если предположить, что он был настолько стойким и долго не сознавался, желая избежать законной казни, все же трудно было сходу придумать такую подробнейшую и похожую на правду версию. Признав свою вину и сознавшись во лжи, Яков сказал, что слышал о митрополите Сильвестре и иеродиаконе Феогносте от монахов, будучи в монастырях.¹ В этом деле, вероятно, смешаны и перепутаны высказывания разных людей. Трудно поверить в то, что митрополит Сильвестр мог считать Петра Великого неистинным царем. Наоборот, он был с ним в хороших отношениях, имел с ним переписку. Если же Сильвестр и держал обиду на Петра, то только после 1723 года, когда был указом царя, по наветам Феодосия Яновского, лишен митрополичьего сана и переведен епископом на другую кафедру.² Хотя известно, что Сильвестр несочувственно относился к некоторым мероприятиям правительства, не любил Феодосия Яновского и Феофана Прокоповича.³ Вопрос о личной неприязни Сильвестра к Петру остается открытым. Падение архиерея началось при Анне Иоанновне, когда он был осужден и лишен архиерейского сана за сочувствие сосланному Игнатию Смоле, о котором речь пойдет в дальнейшем.⁴ Для нас приведенное выше дело и история с митрополитом Сильвестром важны тем, что дают представление о настроениях в церковных кругах. Еще очень свежи были воспоминания об участии епископа Досифея. Именно к этому 1721 году относится продолжение Суздальского розыска, связанного теперь с именем митрополита Игнатия Смолы, имевшего, как и Досифей, личное общение с царицей Евдокией.

Дело царевича Алексея по отношению к архиереям не ограничилось осуждением одного Досифея. Еще один иерарх косвенно пострадал в ходе Кикинского розыска. Все началось, когда на допросе 16 мая 1718 года царевич сказал: «... то б там [на Украине] князь Дмитрий и архимандрит Печерский, который мне и ему отец духовный и друг. А в Печерского архимандрита и монастырь верит вся Украина, как в Бога.

¹ Там же. Л. 9-9об.

² *Воздвиженский*. История Рязанской иерархии. М., 1820. С. 236-237.

³ *Рункевич С. Г.* Архиереи петровской эпохи в их переписке с Петром Великим. СПб., 1906 Вып. 1. С. 136-139.

⁴ Там же.

Также и архиерей Киевский мне знаем: то б все ко мне прислали».¹ К делу привлекли Киевского митрополита Иоасафа Кроковского и Киево-Печерского архимандрита Иоанникия Сенютовича. Митрополит Иоасаф в свое время был ректором Киевской Духовной Академии, известный богослов, автор трудов по догматическому богословию.² В 1707 году он собором киевского духовенства избран в митрополиты, и посвящен в Москве Стефаном Яворским в 1708 году. Иоасаф по приказу Петра I торжественно анафематствовал Мазепу 6 ноября 1708 года.³ Архиерей имел переписку со многими лицами, причем в письмах к нему обращались не иначе как «ясне в Боге Господине, милостиве отче, архиепископе митрополите Киевский, Галицкий и всея России [без слова «Малыя» – автор.], мне в Духе Святом милостивый отче, пане, пастырю и милостивый добродетелю...»⁴. Писала к митрополиту царевна Наталья Алексеевна и благодарила за то, что он присылал к ней певчих, в благодарность она послала ему ткань на рясу.⁵ Архимандрит Иоанникий тоже был довольно известным и уважаемым лицом в Русской Церкви. С ним имели переписку Стефан Яворский⁶ и Феофан Прокопович,⁷ причем писали они на латыни. Большая переписка была у архимандрита с царевичем Алексеем. Сохранились несколько писем царевича к Иоанникию, где Алексей благодарит «отца духовного» за присылку ему Креста со святыми мощами и икон,⁸ за книги, которые он просил.⁹ 25 февраля 1715 года царевич посылал ему поздравления с наречением в архимандрита Киево-Печерской Лавры.¹⁰

В ходе Кикинского розыска выяснилось, что царевич писал Киевскому митрополиту о том, как он уехал от принуждения постричься в монахи, и просил, чтобы Иоасаф принял его, когда он будет возвращаться в Россию. После этого было велено капитану Богдану Скорнякову-Писареву привезти в Санкт-Петербург митрополита Иоасафа

¹ *Погодин М. П.* Царевич Алексей Петрович по свидетельствам вновь открытым.// ЧОИДР. Кн. 3. Отд. II. М., 1861. С. 190. [подчеркнуто мною].

² Об этом см.: *Архангельский А. С.* Духовное образование и духовная литература в России при Петре Великом. Казань., 1883.

³ *Русский Биографический словарь.* Т. 8. Спб., 1897. С. 189-190.

⁴ См. РГАДА. Ф. 6. Д. 75. Ч. II. [здесь письма и бумаги митрополита Иоасафа].

⁵ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 37.

⁶ Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 7.

⁷ Там же. Д. 11.

⁸ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 35. Л. 6, 12.

⁹ Там же. Л. 14.

¹⁰ Там же. Л. 8.

Кроковского и Печерского архимандрита Иоанникия Сенютовича.¹ Семидесятилетний архиерей тогда был тяжело болен и с опухолью в ногах даже не выходил в церковь. Но Скорняков-Писарев не сжалился над ним и повез болящего митрополита² и его заместителя, архимандрита Печерского, в столицу. Болезнь Иоасафа в пути настолько обострилась, что пришлось остановиться и вызвать врачей для освидетельствования физической невозможности митрополита продолжать путь. «Посланец» из Тайной Канцелярии не забыл захватить с собой также и все бумаги митрополита.³ По другой версии Иоасафа Кроковского вывезли в 1718 году в Петербург по подозрению в сочувствии Мазепе и в тайном противодействии отбиранию церковной недвижимости.⁴ Архиерей не доехал до столицы. От тяжелой дороги его болезнь ухудшилась. Известный иерарх и богослов умер 1 июля 1718 года в Твери.⁵ Несколько дней спустя, Петр I велел отправить митрополита обратно в Киев, так как, по сообщению Скопякова-Писарева, в его бумагах ничего крамольного не нашлось, и вины за ним не оказалось. Но было уже слишком поздно. В Киев вернулся архимандрит Иоанникий со свитой митрополита, но без своего архипастыря.⁶ На мой взгляд, о митрополите Иоасафе следует говорить, как о пострадавшем по делу царевича, потому что больного архиерея повезли в столицу, прекрасно понимая, что он может не выдержать тяжести пути. Что и произошло в конечном итоге. Все оказалось напрасно, так как иерарха не в чем было обвинить, он был чист перед царем.

По некоторым сведениям в деле царевича Алексея был замешан еще Астраханский архиерей Иоаким,⁷ но точных данных об этом нет. Этот иерарх был наказан царем «за некоторые Его Величеству известные причины» в 1723 году переводом из правящих в викарные архиереи. Но так и неизвестно, почему Иоаким впал в немилость Петра I.

Дело царевича Алексея закончилось жестокими казнями и вынесением различных суровых приговоров. Все внимание Тайной Канцелярии было обращено к Суздальскому розыску. Отмечу здесь, что Канцелярия Тайных Розыскных дел была учреждена в феврале 1718 года спе-

¹ Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 255. (сноска №39).

² Погодин М. П. Указ. соч. С. 191.

³ Там же. С. 196.

⁴ Русский Биографический словарь. Т. 8. СПб., 1897. С. 289-290.

⁵ Там же.

⁶ Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 255; Русский Биографический словарь. Т. 8. СПб., 1897. С. 289-290.

⁷ Шульгин В. С. Религия и Церковь. // Очерки русской культуры XVIII века. / Под ред. Б. А. Рыбакова. Ч. 2. М., 1987. С. 358.

циально для расследования по делу царицы Евдокии и царевича Алексея. Присутствующими в ней являлись Петр Андреевич Толстой, Андрей Иванович Ушаков, Иван Иванович Бутурлин, Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев. Деньги Канцелярия получала от продажи конфискованных у осужденных лиц пожитков. Первые деньги получены из имения А. В. Кикина, князя В. В. Долгорукова и других. После Суздальского и Кикинского розысков в августе 1718 года Канцелярия переехала из Москвы в Петербург.¹ Но она носила временный характер. Преображенский приказ все еще существовал. Потом дела из Тайной Канцелярии переданы в Преображенский приказ в 1722 году, а сама Канцелярия ликвидирована.²

Позволим себе сделать предположение. Если бы Новгородский митрополит Иов в 1718 году был еще жив, возможно, его тоже привлекли по делу царевича Алексея. Обычно этот архиерей был вне подозрений, по делу царевича его имя осталось в тени. У современников и у потомков всегда было очень хорошее мнение об иерархе. Обычно вспоминается учреждение им в Новгороде греко-латино-славянского училища, его деятельность на ниве образования (открыл в епархии 14 школ), постройку больницы и дома для воспитания незаконнорожденных детей. Он активно боролся с расколом. В 1704 году владыка освятил церковь Петра и Павла в Петербурге.³ Однако то, что митрополит Иов «пользовался неизменным расположением Петра Великого»,⁴ не мешало ему иметь довольно серьезное общение с его неприятелями.⁵ Митрополит переписывался с царевичем Алексеем. Архиерей благословлял его, поздравлял с законным браком,⁶ писал ему толкование молитв и объяснение церковного богослужения. Рассказывал ему политические новости,⁷ ходатайствовал перед ним за других людей.⁸ Интересно то, что митрополит Иов писал и А. В. Кикину, причем его обращение к нему было, как к довольно близкому человеку. Митрополит даже благословил его женитьбу.⁹ Иерарх просил Кикина ходатайства перед вы-

¹ Документы, собранные Г. В. Есиповым... С. 105.

² Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I. М., 1957. Указ. соч. С. 33.

³ Русский Биографический словарь. Т. 8. СПб., 1897. С. 310.

⁴ Христианство: Энциклопедический словарь: В 3 т. Т. 1. М., 1993. С. 636.

⁵ См. публикацию части писем митрополита Иова: Чистович И. А. Новгородский митрополит Иов. // Странник. 1861. Февраль. С. 61-145.

⁶ Российская Национальная библиотека, Отдел рукописей (далее ОР РНБ). Ф. 728. Д. 1426. Л. 146-147 об.

⁷ Там же. Л. 330-330 об.

⁸ Там же. Л. 347-347 об.

⁹ Там же. Л. 49-50.

сокими особами.¹ Иов писал так же Аврааму Федоровичу Лопухину, Федору Петровичу Дубровскому, княгине Анастасии Петровне Голицыной,² проходившим по Кикинскому и Суздальскому розыскам, и духовнику царевича в Петербурге – протопресвитеру Георгию.³ Митрополит никогда не выражал своего негативного отношения к Петру I и его политике, но, вероятно, он также был близок к кругу людей, недовольных мероприятиями царя. Вполне возможно, он был бы привлечен так же, как привлекли к делу царевича Киевского митрополита Иоасафа за то, что он имел близкую переписку с Алексеем. Но Иов не дождался этих событий. Он умер в 1716 году.

Непосредственно Суздальский розыск проходил в два этапа: в 1718 году и в 1720-1721 годах. Его можно также разделить по месту проведения самого следствия (территориально): Суздальско-Владимирский (о нем написал Ф. А. Витберг в 1909г.),⁴ Суздальско-Ярославский (о нем в 1995г. вышла статья С. В. Ефимова)⁵ и сам Суздальский розыск (по материалам Государственного архива и архива Синода)⁶. Эти подразделения условны, они предложены здесь в целях систематического повествования.

Следует несколько слов сказать о судьбе Евдокии Федоровны. Родившаяся в 1669 году, она была из незнатного, но старинного боярского рода Лопухиных. Свою юность Евдокия провела в вотчине своего отца Иллариона Абрамовича. В 1689 году она стала супругой Петра Алексеевича. Венчались они не в Благовещенском соборе Московского Кремля, где обычно происходило венчание царских особ, а в придворной церкви святых Апостолов Петра и Павла. Их венчал духовник Петра протопоп Меркурий. Отец Евдокии, по традиции, сменил имя и стал Федором, как сделал это отец супруги Иоанна Алексеевича, брата Петра I. Так Евдокия Илларионовна Лопухина стала царицей Евдокией Федоровной,⁷ которая через 2 года родила царю наследника – царевича Алексея Петровича. Постепенно Петр, увлекаясь флотом и некоторыми развлечениями в немецкой слободе, охладил к жене. Когда же он

¹ Там же. Л. 68, 106-107, 174-174 об, 231, 302.

² Там же. Л. 176-176 об, 318-318 об, 264.

³ Там же. Л. 263 об.

⁴ См.: *Витберг Ф. А.* Эпизод из следственного дела о царице Евдокии Федоровне. Владимир, 1909.

⁵ См.: *Ефимов С. В.* Указ. соч.

⁶ Российский Государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 796. Оп. 1. Д. 115, 266; РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 140.

⁷ О жизни царицы Евдокии см.: *Есинов Г. В.* Царица Евдокия Федоровна. М., 1866; *Семевский М. И.* Авдотья Федоровна Лопухина. // Русский Вестник. Т. 21. Кн. 5-6. 1859.

познакомился в Кукуе с Лефортом, который свел его с Анной Монс, тогда уже четко наметился разрыв царя с царицей. После Великого Посольства, по повелению Петра, 23 сентября 1698 года Евдокию увезли в Суздальский Покровский монастырь, где постригли в монахини против ее воли. Постриг видели только четыре самых доверенных человека: окольничий Семен Языков, который и привез в 1699 году указ о постриге к архимандриту Варлааму в Спасо-Ефимиев монастырь, иеромонах Илларион, который совершил постриг, игуменья Марфа и старица-клирошанка Каптелина – все они, кроме священнослужителя, стояли за занавеской в келье, и поэтому самого пострига не видели.¹ М. Семевский писал о том, что царица Евдокия (тогда уже инокиня Елена) жила бедно в монастыре, ссылаясь на то, что она просила в письмах своего брата Авраама Федоровича прислать ей рыбы и вина, ибо сама она не пьет, но чтоб людей угощать.² Однако Г. Есипов отмечал совсем иное. Он, исходя из архивных материалов, сообщал, что Евдокия после досифеевского пророчества скинула монашеское платье, так как была уверена в тайне своего пострига, и ходила в мирском одеянии. Ей построили в монастыре новые большие кельи, из которых был выход в Благовещенскую церковь, где царица-инокиня молилась на специально огороженном месте. Около ее келий ежедневно стояли по 6 человек дневальных. В Пост для Евдокии варили рыбу, а в скоромные дни – мясо. Но царица мало его ела, так как была от этого больна. В расходных книгах мясо записывали рыбой.³ Часто, особенно в праздничные дни, Евдокию Федоровну посещали архиерей и воевода. Их она принимала в своей келье, а приходивших к ней бурмистров угощала на дворе вином, о котором, вероятно, и просила своего брата. Все посетители кланялись трижды в сторону окон ее кельи. Царице-инокине приносили в подарок рыбу (о мясе, вероятно, не знали), а также калачи, мед и яблоки.⁴ Когда епископ Досифей сказал Евдокии, что она не возвращена к Петру за грехи ее отца, то царица обратилась к богомолью по монастырям и храмам Владимирско-Суздальской земли.

Сделаем некоторое отступление и выскажемся по поводу таинственного видения епископу Досифею и его чудесного пророчества. Вообще вопрос о чудесах и пророчествах в истории достаточно сложен. В советское атеистическое время об этом не могло быть и речи, все объявлялось выдумкой и ложью. Для верующего человека этот вопрос так

¹ Ефимов С. В. Указ.соч. С. 143.

² Семевский М. И. Авдотья Федоровна Лопухина... С. 229.

³ Есипов Г. В. Царица Евдокия Федоровна с ее портретом... С. 6-7.

⁴ Там же. С. 8.

просто не решается. Однако теме о ложных чудесах и видениях уделяли внимание и дореволюционные историки. Например, М. Семевский приводил сведения других авторов о том, сколько во времена Петра I было ложных чудес, с которыми царь активно боролся.¹ Но тот же историк свидетельствует, что о царице Евдокии было написано житие,² а в кельи игуменьи Покровского монастыря висел образ великой княгини Соломонии Юрьевны Сабуровой, жены Василия III, которая почиталась святой, и ее мощи лежат в том монастыре под спудом.³ Епископ Досифей тоже почитался праведным, в его пророчества верили. В этих сведениях для нас скорее повод к размышлениям, а не к утверждению о правдивости или ложности видений Досифея. Тем не менее, на суде все видения и пророчества архиерея были объявлены ложными. Это подтвердил и сам Досифей, правда, после нескольких жестоких пыток.

Теперь вернемся к паломничеству царицы-инокини. Все поездки царицы Евдокии происходили при многочисленном сопровождении ее слуг и приближенных. Но обо всех ее выездах и вольностях в монастыре узнали не в 1718 году, а только при розыске 1720 года, несмотря на то, что это был век доносов, и в Покровском монастыре было 200 монахинь и 1000 богомольцев. Объяснить это можно тем, что все рассчитывали видеть Евдокию снова на троне, поэтому не портили с ней отношений, чтобы не попасть потом к ней в немилость. К тому же само окружение царицы было настроено против Петра.⁴

Во время следствия по делу царевича Алексея была обнаружена связь некоторых лиц с Евдокией. По повелению царя лейб-гвардии Преображенского полка «от бомбардир капитан-попутчик» Григорий Скорняков-Писарев был послан в Суздаль для розыска.⁵ Уместно будет сказать немного об этом человеке. Г. Скорняков-Писарев прошел обычную военную подготовку и довольно быстро продвигался по службе. Его ротным сослуживцем в Преображенском полку числился сам Петр I.⁶ Именно ему царь поручил такую важную и деликатную миссию, как Суздальский сыск. Тогда было обыденным явлением исполнение разнообразных царских поручений офицером гвардии. У Скорнякова-Пи-

¹ Семевский М. И. Авдотья Федоровна Лопухина... С. 235-237.

² Он же. Покровский девичий монастырь в г. Суздале, место заточения А. Ф. Лопухиной. // Русский Вестник. Т.30. №11-12. 1860. С. 573.

³ Там же. С. 578.

⁴ Ефимов С. В. Указ. соч. С. 144.

⁵ Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 204.

⁶ Серов Д. О. Строители Империи: Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск: Изд. Новосибир. ун-та, 1996. С. 40.

сарева была репутация «технаря»,¹ детально разбиравшегося в делах. Успех Суздальского розыска продвинул его карьеру гораздо быстрее и выше, чем поле сражения. В 1718 году он являлся судьей Тайной Канцелярии; в январе 1719 года – начальник Морской Академии; 18 января 1722 – обер-прокурор Правительствующего Сената! Но его злобность, грубость и заносчивость привели к конфликту с сенатором П. Шафировым.² 13 февраля 1723 года Скорняков-Писарев разжалован в солдаты.³ Умение исполнять указы и добывать у арестованных на допросе нужные сведения являлись характерной чертой этого человека, что чувствуется при изучении дел по Суздальскому розыску. 10 февраля 1718 года Г. Скорняков-Писарев приехал в Покровский монастырь и увидел там Евдокию в мирском платье. Началом к обвинениям в адрес царицы-инокини и ее сообщников послужила найденная на жертвеннике в Благовещенской церкви табличка, по которой Евдокия поминалась царицею, а не монахиней.⁴ Грандиозное следствие происходило сначала в Суздале с 10 по 15 февраля, затем в Москве с 16 февраля по 15 марта. Привлекли к розыску более 100 человек. В официальных бумагах Евдокию Федоровну именовали «бывшая Царица – инокиня Елена».⁵

Всё на розыске крутилось вокруг пострига и оказания почестей царице. Факт пострига был важен для Петра, так как официального развода Евдокия ему не давала, а жениться во второй раз, по церковным правилам, он мог, если бы его первая жена умерла или добровольно и с его согласия постриглась в монахини. Поэтому к свидетельствам о постриге относились с большим интересом. Без пострига брак Петра с Екатериной считался бы недействительным, а сам царь оказался бы двоеженцем, что являлось тяжким преступлением по Уложению 1649 года. Сын Петра и Екатерины тоже считался бы рожденным в незаконном браке и не имел бы прав на престол.⁶

На розыске открылась связь С. Б. Глебова с царицей Евдокией. Нашли любовные письма Евдокии к нему.⁷ Девять писем, взятых у Глебова, были написаны рукой старицы Каптелины, приближенной к Евдокии в монастыре, от имени самой царицы-инокини. Майор Степан

¹ Там же. С. 41.

² Там же.

³ Там же. С. 44.

⁴ *Ефимов С. В.* Указ. соч. С. 146.

⁵ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. III. СПб., 1878. С. 1; Т. I. СПб., 1868. С. 272.

⁶ *Ефимов С. В.* Указ. соч. С. 148-149.

⁷ Устрялов писал об этих письмах, найденных в секретном архиве МИД (вероятно за 1709-1710гг.). См. *Устрялов Н. Г.* Указ. соч. С. 327.

Глебов был в то время рекрутским наборщиком в Суздале. 20 февраля 1718 года он показал на допросе, что с Евдокией его свел духовник царицы Федор Пустынный, а старица Каптелина ввела его к Евдокии в келью. Глебов признался в своей блудной связи с Евдокией. (Интересно то, что сама старица Каптелина тоже жила блудно в монастыре со стряпчим той же обители). На очной ставке с Глебовым 21 февраля Евдокия также призналась в своем любодеянии с майором. Затем у Глебова в доме нашли еще письма с цифирной азбукой. Это дало повод некоторым исследователям обвинять Глебова в заговоре против властей. На допросе Глебов сказал, что сам составил азбуку и на ней делал выписки из книг, но ни с кем не переписывался. Андрей Глебов, сын Степана Глебова, показал, что его отец был в дружбе с Ростовским епископом Досифеем, ключарем Федором Пустынным и ризничным Петром, он тайно говорил с ними и отвозил к ним цифирные письма.¹ Епископ и ключарь давно были привлечены к делу. Теперь привлекли ризничного, а к тому времени уже Симоновского архимандрита, Петра, который на допросе 3 марта отрицал все обвинения Андрея Глебова. На очной ставке Степан Глебов ничего не сказал против архимандрита Петра, а его сын Андрей ответил, что «наговорил на него со страху» [как, однако, запугали человека].² Петра освободили из-под караула.

5 марта 1718 года издан Манифест с объявлением вины царицы-инокини. Затем выяснилось, что «правитель» Покровского Суздальского женского монастыря архимандрит Афанасий Сурмин просил епископа Досифея обратить внимание на Евдокию, так как к ней в келью ходит майор Глебов. Об этом разговоре Евдокия узнала и сделала упрек архимандриту, предупреждая, что у нее есть сын, который может ответить за мать. Вскоре Афанасий был отлучен от правления монастырем, а протопоп Симеон, сообщивший ему про Евдокию и Глебова, от страха сам принял постриг.³

В Москве, на Генеральном дворе, 14 и 16 марта 1718 года состоялся приговор министров: «Степану Глебову, за сочиненные у него письма к возмущению на Его царское Величество народа, и умыслы на Его здоровье, и на поношение Его царского Величества имени и Ее Величества Государыни царицы Екатерины Алексеевны, учинить жестокую смертную казнь; а что он о письмах с розыску не винулся, что он их к тому писал, и говорил, якобы писаны о жене его, а иные и об отце, и о брате

¹ Устрялов сообщал, что видел одно такое цифирное письмо в архиве, в котором были записаны богословские рассуждения. См. там же. С. 219.

² Там же. С. 211-212.

³ Там же. С. 481. (Приложение).

и о сыне, переменяя речь, а то видно, что он чинит то, скрывая тех, с кем он умышлял, и прикрывая свое воровство, хотя отбить смертной казни; но те его письма о том воровстве явно показывают, да и он от них и сам не отпирался, что те письма писал цифирью он, Степан; да и потому он смертной казни достоин, что с бывшей царицей, старицей Еленой, жил блудно, в чем они сами винулись именно; а движимое и недвижимое имение все взять на Государя».¹ Таким образом, вся вина Глебова лишь в том, что он любодействовал с царицей-инокиней (о гипотезе заговора скажем в позже).

Трудно спорить о жестокости пыток и казней. Существует такая версия: И. Снегирев, который слезно называл Глебова «страдальцем», писал, как Петр I подошел к посаженному уже на кол после пыток Степану Глебову и заклинал его всем, что есть свято, признать преступление и подумать о Суде Божиим. Глебов ответил: «Ты сколько жесток, столько и безрассуден; думаешь, что если я не признался среди неслыханных мучений, которыми ты меня истязал, стану пятнать невинность и честь беспорочной женщины, в то время, когда не надеюсь более жить. Удались, дай умереть спокойно тем, которым ты не даешь спокойно жить».² Не правда ли, неплохая легенда, если учесть еще, что у Глебова была жена и сын, и он имел связь не с простой женщиной, а с бывшей царицей и ныне *монахиней*. М. Семевский защищал царицу и Глебова. Он писал, что если бы царица имела связь с Глебовым, то у нее был бы от него ребенок [странная логика], а любовные письма царицы и Глебова – это подделка, и, вообще, Глебов, епископ Досифей и другие осужденные – невинные страдальцы.³ Относительно писем возникает вопрос – почему в этой подделке ограничились только любовной связью монахини, что не очень каралось по Уложению 1649 года, и не придумали более криминальной версии.⁴ Конкретного преступления, естественно, никто не видел, многие просто знали или слышали об их близких отношениях. Майор С. Глебов – не благородный мученик. Если бы он таковым был, то не бесчестил бы царицу-инокиню признанием в блуде с ней даже под пытками. Сама царица, если бы была именно такой, какой ее почитали – праведной, невинной, то не призналась бы в этом действе.

¹ Там же. С. 218-219.

² *Снегирев И. М.* Первая супруга Петра I Евдокия Федоровна. М., 1863. С. 10-11. (Автор делает ссылку на *Memoires anecdotiques de la cour de Russie sous le regne de tzar Pierre I.*// *Revue retrospective.* A Paris, 1838; возможно отсюда взяты эти сведения).

³ *Семевский М. И.* Покровский девичий монастырь... С. 569.

⁴ *Ефимов С. В.* Указ. соч. С. 152.

Степан Глебов, Федор Пустынный и другие близкие к Евдокии люди были казнены. В 1721 году Глебова предали анафеме.

После Суздальского розыска 1718 года Царицу-инокиню отправили в Ладожский Успенский монастырь под охраной капитана Семена Маслова. В связи с этим интересен один документ из Синодального архива.¹ А. Д. Меншиков доносил 31 декабря 1722 года Синоду о том, что, по сообщению капитана С. Маслова, в Староладожском монастыре умерли иеромонахи Никодим и Лаврентий, и просит определить туда другого «иеромонаха, избрав искусного человека, и чтоб был не млад, а и священнослужение повседневное отправлять мог».² Кандидатуру тщательно выбирали в виду важности места служения. 23 января 1723 года Синод утвердил предложенного архиепископом Крутицким Леонидом иеромонаха Клеоника и дал ему наставления: «...пребывание тамо иметь неотлучно, и во звании своем поступать воздержанно и трезвенно; подозрительных же и возбраненных действий, которые Священным Писанием и святыми правилами отречены и Его Императорского Величества указами запрещены, отнюдь не творить и в том привести его к присяге».³ Иеромонах Клеоник «руку приложил» к присяге 4 февраля 1723 года, где клялся Богом перед Евангелием в верности царю, царице и их наследникам, обещал все дела против царя докладывать, а тайные царские дела никому не поведывать; на том он поцеловал Крест и Евангелие.⁴ Хорошо видно, какая была забота о выборе иеромонаха, даже к присяге его привели, чтобы он не принял сторону Евдокии и докладывал все сокровенные мысли, которые она поведает ему на исповеди. После смерти Петра Великого, Екатерина II и Тайная Канцелярия очень беспокоились, как бы не случилось чего в Ладожском монастыре, когда туда дойдет весть о смерти императора.⁵ Опасения оказались напрасными. 3 марта 1725 года Маслов сообщал Ушакову, что в монастыре все спокойно, и «персона» (так тогда в официальных бумагах именовали Евдокию Федоровну) ничего не знает о «преставлении» императора.⁶ Когда убедились, что беспорядков в Старой Ладогге нет, то было велено объявить о смерти Петра I и отслужить о нем панихиду в монастырском храме, а затем всех монахинь и прихожан привести к присяге на верность императрице Екатерине.⁷ К присяге всех

¹ Описание документов и дел... Т. III. Спб., 1878. С. 1.

² РГИА. Ф. 796. Оп.4. Д. 1. Л. 1.

³ Там же. Л.5.

⁴ Там же. Л. 6-7.

⁵ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 145.

⁶ Там же. Л. 5 об.

⁷ Там же. Л. 7-9.

приводил Духовник монастыря – тот самый иеромонах Клеоник.¹ Но все же для еще большей безопасности Евдокия была переведена в Шлиссельбургскую крепость, где пробыла около двух лет. Существует мнение, что Меншиков являлся злейшим врагом Евдокии. Но их письма друг другу свидетельствуют об обратном. Приведу здесь полностью письмо Евдокии Меншикову: «Генералиссимус светлейший князь Александр Данилович. Ныне содержусь я в Шлиссельбурге, а мое желание, чтоб мне быть в Москве в Новодевичьем монастыре, того ради прошу, чтоб предложил в Верховном Тайном Совете, дабы меня повелено было во оной монастырь определить, и определено б было мне неоскудное содержание в пище и в прочем, и снабдили б меня надлежащим числом служителей, и как мне, так и определенным при мне служителям определено б было жалование, и чтоб оной монастырь ради меня не заперт был, и желающим бы ко мне свойственникам моим и свойственницам вход был невозбранный. Вашей высококняжеской светлости богомолица монахиня Елена. Июля 19 дня 1727 года».² Меншиков отвечал ей в не менее дружественной форме, обращаясь к ней «Государыня моя святая монахиня...» Светлейший князь сообщил ей, что по болезни не мог быть в Верховном Тайном Совете, поэтому пригласил членов Совета к себе домой, где они решили удовлетворить ее просьбу и дать на содержание ей 4500 рублей в год.³ Дело было поручено коменданту крепости полковнику Степану Буженинову, который доставил Евдокию в Новодевичий монастырь 2 сентября 1727 года.⁴ Евдокия выбрала себе там палату, где раньше жила царевна Екатерина Алексеевна, около святых ворот с церковью Преображения Господня.⁵ Верховники определили при Евдокии штат служителей в 8 человек.⁶ Снимать мантию Евдокия теперь не хотела, но жила вольно в монастыре. В придворные дела не вмешивалась и к управлению не стремилась. Кроме штата прислуги царица имела много деревень.⁷ С императрицей

¹ Там же. Л. 14.

² Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 146. Л. 3.

³ Там же. Л. 4-4 об.

⁴ *Есинов Г. В.* Царица Евдокия Федоровна с ее портретом... С. 35. (Автор отмечает, что во всех официальных бумагах царицу Евдокию тогда называли «известной персоной»).

⁵ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 146. Л. 10-11.

⁶ Там же. Л. 21-21 об.

⁷ *Дубровский Н. А.* Дополнение к статье «Последние годы жизни Государыни царицы Евдокии Федоровны». М., 1868. С. 1. (Автор дает список штата царицы, ссылаясь на Архив Министерства Юстиции. Кн. №1726/1103. Кабинетные дела 1732-1739 гг. С. 953.).

Анной Иоанновной у Евдокии Федоровны были хорошие отношения. Когда они в первый раз встретились, то даже расплакались и долго любовно разговаривали. Умерла царица Евдокия 27 августа 1731 года в 11 часов пополудни в шестидесятилетнем возрасте и погребена в Новодевичьем монастыре.¹ По смерти царицы почти все состоявшие при ней в придворных должностях лица были переименованы в военные чины: лакеи отданы в солдаты, а конюхи вместе с лошадьми и каретами отданы по приказу обер-штальмейстера графа П. И. Ягужинского в Коношенный Приказ.²

Таким образом, пророчество епископа Досифея действительно в какой-то мере исполнилось, Евдокия вновь была признана царицей, не снимая монашеского одеяния.

В исторической литературе было принято сочувствовать участи царицы Евдокии – инокини Елены, и считать ее безвинной страдальницей. Говорили, что ее глубоко почитали за многие молитвы и любовь к нищим. Ее уподобляли великой княгине Соломонии Юрьевне Сабуровой, жене царя Василия III, которая была сослана в Суздальский Покровский монастырь за свое бесплодие. Соломонию Сабурову почитали святой схимонахиней Софией. М. Семевский отмечал, что портрет Соломонии в Покровском Суздальском монастыре был похож на портрет Евдокии в Новодевичьем Московском Монастыре. Этот же историк писал, что только религиозное настроение и чистая совесть могли укрепить силы царицы, чтобы перенести долголетние страдания и, пережив мужа, соперницу, сына, мнимого [как считал Семевский] любовника и внуков, умереть самой в довольстве, спокойствии и почете.³ Действительно, образ Евдокии, описанный многими историками, достаточно светлый. И здесь мы не станем чернить его, несмотря на все сомнения, которые возникают при столкновении с материалами розыска 1718 года.

Вернемся к продолжению розыска по делу царицы Евдокии. Суздальско-Ярославский розыск начался в 1720 году. Из Тайной Канцелярии во Владимир был послан дьяк Тимофей Палехин. Он привлек к делу и допрашивал ямщика Тимофея Тезикова, Ивана Жиркина, архимандрита Владимирского Рождественского монастыря Гедеона и многих других. По делу проходили священно-церковнослужители села Ку-

¹ *Есипов Г. В.* Царица Евдокия Федоровна с ее портретом... С. 39; *Дубровский Н. А.* Последние годы жизни Государыни царицы Евдокии Федоровны. // ЧОИДР. Кн. 3. Июль-сентябрь. Смесь. М., 1865. С. 7.

² *Дубровский Н. А.* Дополнение к статье... С. 2.

³ *Семевский М. И.* Покровский девичий монастырь... С. 568, 573, 578, 583-584.

суново, Владимирских церквей и Федоровского монастыря. Все свидетельствовали, в основном, о том, как приезжала в монастыри и церкви царица, как они ходили к ней на поклон и приносили ей гостинцы, и как она угощала их и молилась в их храмах.¹

Из письма Т. Палехина в Тайную Канцелярию А. Ушакову от 6 октября 1720 года выясняется, что жена Ивана Жиркина (подьячего Рождественского монастыря) приходилась родной сестрой Ростовскому епископу Досифею (расстриге Демиду), а двоюродная сестра Тимофея Тезикова была женой протопопа Якова Игнатьева (духовника царевича Алексея).² Получается довольно интересная ситуация, наталкивающая на определенные выводы – основные обвиняемые по двум розыскам состояли в довольно тесном родстве друг с другом. Такие сведения отчасти опровергают мнение С. В. Ефимова. Он отмечает, что в историографии иногда смешиваются между собой два розыска (Кикинский и Суздальский), и считается, что Суздальский розыск является составной частью Кикинского. На деле же, как говорит историк, это не так. Интересно то, что единственная встреча между царевичем и его матерью состоялась тайно в 1708 году, в дальнейшем же Алексей запрещал своим приближенным общаться с Евдокией и ездить к ней в Суздаль. Иностранцы писали, что сторонники царевича и царицы не имели между собой связи, но тем не менее, имели общую цель – возвести на престол царевича Алексея. Отсюда С. Ефимов делает вывод, что Суздальский розыск необходимо рассматривать как самостоятельное следственное дело.³ По поводу разделения двух розысков, как самостоятельных процессов, сомнений быть не может. Но сложно согласиться с тем, что «обе партии [сторонники царевича и царицы] находились в полном неведении одна о другой»,⁴ как доносил о том своему правительству голландский резидент Де-Бизэ. Иностранцы не всегда могли объективно писать о русской жизни и многого не знали и не понимали в российских делах. Царевич мог запрещать ездить к Евдокии, боясь возмездия Петра I. Но трудно поверить, что люди, родственные между собой, не имели контактов и не сообщали об этом своим «идейным вдохновителям» [царевичу и царице-инокине]. Алексей и Евдокия не имели прямого общения, но, вероятно, через своих приближенных и их родственников знали друг о друге.

¹ *Витберг Ф. А.* Указ. соч. С. 3. (Автор основывается на материалах Архива Тайной Канцелярии, которые были переданы ему М. И. Семевским).

² Там же. С. 4.

³ *Ефимов С. В.* Указ. соч. С. 147.

⁴ Цит. по: *Ефимов С. В.* Указ. соч. С. 147.

Допросы Палехина во Владимире были многочисленными. 16 октября 1720 года Ушаков получил письмо Палехина об окончании следствия во Владимире. 1 февраля 1721 года Тайная Канцелярия постановила прислать архимандрита Гедеона в Петербург, Жиркина с женой бить кнутом и сослать в Сибирь,¹ а Тезикова и еще 92 человек освободить. Палехин побывал еще и в Суздале, где показания свидетелей были более определенными, чем у владимирцев. Выяснилось, что при кельях Евдокии были из Покровского монастыря казначейша старица Маремьяна Курбатова, клирошанка Каптелина (которая взята на Генеральный двор и сослана в Александровскую слободу), старица Дорофея Мартемьянова, карлица Агафья, дворянская девица Марья Стромилова, карла Иван Терентьев, постельница вдова Анна Герасимова, дворянская дочь девица Матрена Иванова и Карло (крестьянский сын Иван Кузьмин). На поклон к Евдокии приходили бывшие Суздальские митрополиты Илларион и Ефрем, которые уже умерли, *епископ Игнатий* (тогда уже митрополит Сарский и Подонский), архимандрит Спасо-Ефимиева монастыря Досифей (потом Ростовский епископ и расстрига, казнен), *архимандрит Кириак* (тогда уже «на обещании» в том же монастыре), боярин князь Борис Иванович Прозоровский, Данило Михайлович Татищев, Андрей Иванович Чаплин, Артемий Матвеевич Каратаев, Иван Болкунов, Андрей Вешняков, Афанасий Сурмин, ландрат Андрей Максимович Греков, подьячий Яков Васильевич Куренков, Афанасий Сергеевич Бессонов с их женами и многие другие.² В походах по монастырям и храмам царицу-инокиню сопровождали около 30 человек из Покровского монастыря. В храмах при ней служил обычно поп Гавриил Пустынный, сын духовника Евдокии Федора Пустынного, и поминал на всех ектениях ее царицею.³ Монахов не пускали в церковь, когда там молилась Евдокия. Она ходила, покрытая занавесками. Монахам велено было не выходить из своих келий. Палехин многих отдал под расписку Суздальскому комиссару Петру Лоскутову под крепкий караул.⁴ На этом Суздальско-Владимирский розыск был пока приостановлен.

В дальнейшем розыск возобновился следствием по делу митрополита Игнатия. Приведу здесь довольно большую цитату из архивного дела: «Правительствующему Духовному Синоду из Канцелярии Тайных Розыскных дел. Доношение. В прошлом 720-м году по именному

¹ Витберг Ф. А. Указ. соч. С. 39-40.

² Там же. С. 42-44.

³ Там же. С. 51-52.

⁴ Там же. С. 53.

царского Величества указу велено о выезде из Суздаля из Покровского девичья монастыря бывшей царицы монахини Елены, которая пострижена была в том монастыре, и о прочих ее некоторых противных действиях исследовать; и по оному между прочими делами явилось, в прошлых годах, в бытность ее бывшей царицы в том монастыре, как там же в Суздале был епископом, что ныне митрополит Сарский и Подонский, Игнатий, прихаживал к ней, бывшей царице, на поклон в день рождения царского Величества и царевича Алексея Петровича и благоверного великого князя Петра Алексеевича, и в Господские праздники, и в день ее именин, и видел ее, бывшую царицу, в мирском платье, и руку ее целовал, а не доносил. Он в прошлом 717-м году церкви Казанской Богородицы, что в Суздале, попу приказал ее, бывшую царицу, пустить петь Всенощную, что тот поп и учинил. Да он, Игнатий митрополит, в 717-м году прислал к ней, бывшей царице, пару возников серых немецких, на которых она езживала. И стояли те возники на конюшенном дворе, по взятии ее, бывшей царицы, в Москву. А в 718-м году, как приехал в Покровский монастырь полковник и гвардии-майор господин Скорняков-Писарев, и в то число он, Игнатий митрополит, за тою причиною тех возников взял к себе по-прежнему; а ныне где оные неведомо. Да бывший Спаса-Ефимиева монастыря, что в Суздале, архимандрит Кириак, который ныне в том монастыре на обещании, в помянутые тезоименитства и Господские праздники при Суздальских архиереях так же и один с иконами и с почестями к бывшей царице хаживал же, и руку ее целовал. С 710-го едва не по вся годы и пивал у нее водку и ренское, и видел ее в мирском платье. А однажды при бывшем Суздальском архиерее Ефреме в келье ее, бывшей царицы, обедал, и подачи от нее к нему присланы. Так и в Спасо-Ефимиев монастырь она, бывшая царица, приезжала, и он, Кириак, служил при ней молебен и почитал ее за царицу. И его царское Величество указал о вышеписаном в Правительствующий Духовный Синод объявить, а что по оному учинено будет, о том в Канцелярию Тайных Розыскных дел прислать известие. [Подписи]. Февраль 23 дня 1721 года».¹

Этим документом началось «Следственное дело об Игнатию, митрополите Крутицком, и Кириаке, архимандрите Суздальского Спасо-Ефимиева монастыря, обвиненных в оказании чести и разных услуг инокине Елене, бывшей царице Евдокии, во время заточения ее в Суздальском Покровском девичьем монастыре».² Отмечу, что это первое дело по архиерейскому процессу, которое рассматривалось в Синоде.

¹ РГИА. Ф, 796. Оп. 1. Д. 115. Л. 16-2.

² Описание документов и дел... Т. I. СПб, 1868. С. 81.

Создается впечатление, что светская власть немного уступила духовной и дала ей возможность решать самой дела об архиереях, но все же власти церковные по-прежнему исполняли волю власти государственной.

Жизнь епископа Суздальского, митрополита Крутицкого или Сарского и Подонского Игнатия (Смола) на самом деле достаточно трагична. В 1721 году над ним одновременно совершалось два розыска и он получил приговор Синода, затем еще один розыск и дело в 1724 году. Несмотря на его высокое положение, которое он занимал на российских кафедрах, Игнатий был явно кому-то не угоден. Он стал епископом в 1712 году. Стефан Яворский совершил его хиротонию в епископа Суздальского из архимандрита Московского Богоявленского монастыря. Игнатий управлял в Москве духовными делами Патриаршей области. 10 июня 1716 года он повелел перенести в Суздаль обретенные мощи святителя Софрония. В 1719 году он был переведен на Крутицы в сан митрополита и получил в управление Патриарший Духовный Приказ. После Суздальского розыска и наказания Игнатий просил у Екатерины I и Феофана Прокоповича вернуть ему сан и кафедру, но получил отказ. Петр II был к нему благосклонен и поставил митрополитом на Коломну в 1727 году, а также повелел ему быть синодальным членом. В 1730 году происходило дело Воронежского епископа Льва Юрлова. За медлительность в осуждении этого епископа Игнатий был уволен из Синода, 2 декабря 1730 года лишен сана и сослан в Свяжский монастырь Казанской епархии. Но Казанский митрополит Сильвестр оказывал ему почести, как архиерею, за что и был предан суду. А Игнатия перевели в Корельский монастырь под караул. При Елизавете Петровне было решено вернуть ему архиерейский сан, но Игнатий умер 25 декабря 1741 года, так и не дождавшись этого события.¹ На митрополита при его жизни часто доносили, но не всегда справедливо. Игнатием явно был не доволен Феофан Прокопович, который, по-видимому, и давал ход всем доносам на этого иерарха.

По Суздальскому розыску 1721 года допросы было велено проводить Златоустовскому архимандриту Антонию в Москве.² 7 марта 1721 года Игнатий признался на допросе в том, что видел Евдокию в мирском платье и целовал ей руку, как и говорил уже в 1718 году на допросе перед графом И. А. Мусиным-Пушкиным. Но он ничего не знал о постриге Евдокии в монахини, так как у нее в монастыре духовником был белый священник (чего раньше не было среди иноков), к тому же

¹ Русский Биографический словарь. Т. 8. СПб., 1897. С. 51-52.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 155. Л. 6-6 об.

сам духовник ее, Федор Пустынный, говорил ему, что Евдокия не пострижена.¹ Федор Пустынный потом признался: «О том, что бывшая царица – старица Елена пострижена, ведал, а архиерею [митрополиту Игнатию] сказал, что она не пострижена, проча ее впредь бывшую царицу».² Необходимо заметить, что люди, знающие о делах Евдокии или царевича, не спешили доносить об этом властям. Происходило это не потому, что они были настроены против Петра I. У них была дилемма: не донесут – будут наказаны царем Петром, а донесут – то пострадают, когда царем станет Алексей, или Евдокия вновь вернется на царство.

На розыске зацепились за двух возников, которых Игнатий прислал в Покровский монастырь. Синод указал епископу Суздальскому Варлааму подробно исследовать о двух возниках и опросить об этом всех домовых архиерейских служителей.³ При допросе все служители отговаривались своим неведением [сам по себе ответ на допросе «не ведаю» был довольно распространенным тогда]. Игнатий в то же время в Москве отвечал, что лошадей этих он прислал в монастырь для того, чтобы поставить их в монастырскую конюшню, так как его собственная конюшня была в ремонте; а Всенощную он не приказывал петь, царица самовольно все делала. 14 июня 1721 года состоялся приговор Синода о том, чтобы Игнатий без ризницы и с малым числом служителей немедленно ехал в Петербург для дальнейшего следствия.⁴ Дело слишком усложнялось и непонятно запутывалось. Бывшую Патриаршую область и Крутицкую епархию было велено ведать Мелинскийскому архиерею Григорию и архимандритам: Чудовскому Геннадию, Новоспасскому Сергию и Златоустовскому Антонию. В Петербург Игнатия привез солдат лейб-гвардии Семеновского полка Семен Иванов.⁵ В столице митрополит сознался, что приехал на Сырной неделе в монастырь на двух возниках, которых отдал царице по ее же просьбе, а потом забрал их, когда Скорняков-Писарев приехал в 1718 году для розыска в Суздаль. 26 июля 1721 года Синод послал все документы розыска в Тайную Канцелярию. С 31 июля, по указу царя, делом о бывшей царице-инокине стал ведать действительный тайный советник и кавалер, лейб-гвардии-капитан Петр Андреевич Толстой.⁶ Затем последова-

¹ Там же. Л. 8.

² Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 220.(сноска 72).

³ РГИА. Ф. 796. Оп.1. Д.155. Л. 11-13.

⁴ Там же. Л. 31.

⁵ Там же. Л. 34.

⁶ Там же. Л. 47-49.

ло объявление Синодом царского указа: митрополит Игнатий повинен в том, зная настоящую царицу Екатерину, почитал монахиню Елену за царицу, и что он сказал ложно о возникших, а потом в Синоде признался; за это Игнатий подлежит жестокому, по важности этих преступлений, наказанию – штрафованию. Но царь, по случаю заключения вечного мира со Швецией, помиловал его и повелел быть ему епископом в Иркутске, но не носить белого клобука и не надевать саккоса.¹ Игнатий просил избавить его от Иркутска, так как в Синоде нет полного ведения о допросе в Тайной Канцелярии. Царь назначил дополнительное расследование. В итоге выяснилось, что Игнатий не поминал на ектениях Евдокию царицей. 1 октября 1721 года указом царя Игнатий, по его собственному прошению и за старостью лет, освобожден от Иркутска и послан на обещание в Нилову пустынь, где жить ему в келье, а архиереем не писаться.² 8 ноября 1721 года Синод по повелению царя приговорил послать архимандрита Кириака в Саввин-Сторожевский монастырь, где ему быть не исходно до конца жизни, потому что других наказаний он не вынесет по своей старости.³ В ходе этого розыска Синод вынес приговор от 15 марта 1721 года, где указывает Игнатию, митрополиту Сарскому и Подонскому, не посвящать в бывшей Патриаршей области в архимандриты и игумены в степенные и нестепенные монастыри, а также переводить настоятелей из одного монастыря в другой без указа Синода.⁴ Как видно, тучи над митрополитом Игнатием все больше сгущались. В апреле 1721 года Игнатия обвинили в некоторых противностях, оказанных им Синоду. В Русском Биографическом словаре это дело датируется неправильно 1720 годом.⁵ История этого такова. Святейший Синод приказал Игнатию, когда тот был еще Крутицким митрополитом, прислать из бывшей Патриаршего Духовного приказа всех дьяков и подьячих в Петербург, но Игнатий отправил не всех. Кроме того, он писал доношение в Синод в следующей форме: «В Правительствующую Духовную Коллегию, Святейшему Правительствующему Синоду. Доношение...», или же приписывал: «... доношение от Преосвященного Игнатия митрополита Сарского и Подонского...» Но так нельзя было писать в Синод. Еще Игнатий перевел одного игумена как бы по своему благословию, хотя на это ему ука-

¹ Там же. Л. 63-64об.

² Там же. Л. 89.

³ Там же. Л. 104-104об.

⁴ Описание документов и дел... Т. I. СПб., 1868. С. 161; РГИА Ф. 796. Оп. 1. Д. 170. Л. 16.

⁵ Русский Биографический словарь. Т. 8. СПб., 1897. С. 51-52; РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 230. Л. 1.

зал сам Синод. Устроили архиерею допрос. ¹ Игнатий отвечал, что оставил в Москве лишь 5 человек из Духовного приказа для содержания колодников по совету Московского вице-губернатора Воейкова; именовал Синод как Духовную Коллегию, так как видел царский указ, где говорилось именно о Коллегии [первоначально была создана Духовная Коллегия, о чем и был указ царя, и только потом Петр повелел именовать ее на ектениях, как Святейший Синод]; имени своего Игнатий при доношении не ставил, а делали это его подьячие, составлявшие бумаги, неизвестно, с какой целью; перевел он игумена якобы по своему благословию, не для унижения Синода, а потому что издревле так в ставленических грамотах Московской митрополии писалось. ² За все свои вины Игнатий просил у Синода прощение. В итоге на него был наложен штраф в наказание, который ему велели заплатить из собственной келейной казны. ³ Синод, не успев появиться, уже рассматривает дела о наказании за неоказание себе должной чести. Но если это преступление против духовной власти, то и наказание следует налагать соответствующее. На деле же ограничиваются светской мерой – штрафом. (Интересно, за что конкретно и кому?).

Сосланный в Нилову пустынь после этих двух разбирательств, Игнатий не обрел там покоя. В 1724 году возникло новое дело о нем. ⁴ Игнатия обвинили в том, что он вел себя в монастыре как архиерей, властно и приказал вырвать из монастырского синодика листки с именами прародителей Петра I. Дело началось с доноса монаха Пахомия, который обвинял Игнатия в самовластии, и с доноса иеромонаха Михаила, который говорил, что Игнатий велел ему вырвать листки из синодика. ⁵ Проводились допросы и очные ставки в Московской Синодальной канцелярии. В итоге выяснилось, что иеромонаху Михаилу велел только лишь переплести обветшалый синодик игумен Паисий, а Михаил самовольно вырвал старые листки на Александринской бумаге, чтобы вставить новые и переписать туда имена царских прародителей. Действия иеромонаха Михаила пока трудно объяснить: или он сам хотел вырвать листки, но, чтобы его не обвинили, сослался на другого – и самым подходящим оказался осужденный по политическому делу Игнатий, или же Михаил хотел специально навлечь неприятности на бывшего архиерея. В противном случае, если Игнатий виновен, то ему уда-

¹ РГИА, Ф. 796. Оп. 1. Д. 230. Л. 4 и далее.

² Там же. Л. 10-12об.

³ Там же. Л. 15.

⁴ Описание документов и дел... Т. IV. Спб., 1880. С. 143.

⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 5. Д. 152. Л. 4 и далее.

лось хорошо запутать следствие и выйти не осужденным. Таким образом, по розыску Игнатий оказался невиновен; а иеромонаха Михаила, приведя выписки из Кормчей книги, уставов и Соборного Уложения, за клевету и непослушание в декабре 1724 года лишили сана и отдали в Преображенскую канцелярию.¹ Дальнейшая судьба иеромонаха Михаила пока не известна. Сам факт доноса на Игнатия не являлся в 1724 году новостью. На архиерея уже давно, минимум пять лет, писали ложные доносы. Об этом свидетельствует одно из дел архива Преображенского приказа.² Летом 1719 года, через полгода после того, как Игнатий пришел на Крутицкую кафедру, на него был сделан донос крестовым дьяком покойной царевны Екатерины Алексеевны Михаилом Корноуховым. Он объявил за собой «слово и дело», называя митрополита «вором». Выяснилось, что 7 августа 1719 года Корноухов с руганью обвинял Игнатия и говорил, что если архиерей куда поедет, то он встанет в воротах и будет кричать караул, и приведет архиерея «в привод». Позже он сказал самому Игнатию, что есть архиереи на кольях, и он [Игнатий] будет на том же колу. (Здесь явная аналогия с казнью епископа Досифея).³ На допросе Корноухов объяснил, что назвал митрополита «вором», так как тот взял 400 рублей с протопопы Федота Кузьмина в 1719 году, чтобы не дать ход челобитной на этого протопопы, где его обвиняют в блудном деле. Еще Игнатий неправильно решил дело по челобитью, оправдал виновного должника.⁴ Корноухов не ограничился этим и обвинил архиерея, что тот не дал хода его [Корноухова] челобитной, где он доносил на попа, который бесчестил жену и бил дворовую девку. На это Игнатий якобы отвечал: «бесчестье положено гулящим людям».⁵ Дело передали в Преображенский приказ. На допросе Михаил Корноухов доносил на многих людей (боярина А. П. Салтыкова, подполковника В. Ф. Леонтьева и других), в том числе про митрополита Игнатия он говорил Ромодановскому следующее: «Игнатия митрополита Сарского и Подонского написал изменником о чем показано в присланном с ним [Корноуховым] деле из губернской Канцелярии. А Коломенского архиерея изменником написал он для того, в нынешнем 719 году по лету, а в которой месяце и числе не упомнит, била челом на того Коломенского архиерея в Духовном приказе девка, чину и имени ее не знает, в блудном воровстве, что тот Коломенский архиерей с ней

¹ Там же. Л. 29 об-31 об.

² РГАДА, Ф. 371. Оп. 1. Д. 14366.

³ Там же. Л. 2 об-3.

⁴ Там же. Л. 7-7 об.

⁵ Там же. Л. 7 об.

девкой прижил блудно ребенка, и та девкина челобитная была в том Приказе у подьячих у Дмитрия и у Ивана Яковлевых. И по тому девкину челобитью Крутицкий архиерей того Коломенского архиерея не сыскивал и не допрашивал, и то дело уничтожил, о той девкиной челобитной ведает он Михайло сам подлинно, потому ходил в тот Приказ за своим делом, которое показано в присланном деле, и о том от подьячих Яковлевых да от Василия Федосеева о той девкиной челобитной он слышал, сказывали ему о том те подьячие в разговорах, а другие кто при тех разговорах были, того не упомнит, только о той девкиной челобитной ведают того Приказа все подьячие».¹ Таким образом, появились обвинения еще и на Коломенского архиерея – в 1719 году им был Иоанникий, грек по происхождению, бывший до того Ставропольским митрополитом. В ходе следствия выяснилось, что Корноухов все лгал, рассказывая о своих обидах и о совсем посторонних делах. За это по Уложению он был присужден к битью кнутом нещадно.² Таким образом, обвинения на митрополита Игнатия оказались несправедливыми. Но это дело положило начало целому ряду доносов на этого архиерея.

Важно отметить, что Игнатия все время обвиняли в тяжких преступлениях, им были везде недовольны, но после розыска ничего крамольного не находилось, и судьи могли наказать его только штрафом. Возможно, митрополит Игнатий был строгим архиереем, и было кому жаловаться на него из числа тех, кого он призывал к порядку. Но скорее всего, кто-то из числа российской иерархии, возможно синодалов, имел виды на то, чтобы этого архиерея упрятать подальше, как одного из претендентов на первенствующее положение в Церкви.

Расскажу еще об одном священнослужителе, привлеченном по Суздальскому розыску. Это не архиерей, но дело о нем будет любопытно в контексте настоящей работы. В ходе Суздальского розыска 1720 года в Тайной канцелярии узнали от дьяка Тимофея Палехина об игумене Симоне и обо всем, что с ним связано. Началось «Следственное дело, поступившее в Св. Синод из Тайной Розыскных дел Канцелярии, об игумене Кузьмина монастыря во Владимирском уезде, а потом Пищеговской пустыни в Суздальском уезде Симоне, обвиненном в оказании чести инокине Елене, бывшей царице Евдокии, во время ее приездов в Кузьмин монастырь, и в держании у себя разных гадательных «тетрадок» и «странных» писем».³ В ходе розыска открылось, что этот игумен, кроме того, был еще и нравственным преступником. [Лишнее под-

¹ Там же. Л. 20 об-21.

² Там же. Л. 41 об-42.

³ Описание документов и дел... Т. I. СПб., 1868. С. 272.

тверждение того, что монастырская реформа и регламентация жизни монахов Петром I возникли не на пустом месте и не просто от протестантских рационалистических воззрений монарха.] Некоторое время Симон скрывался, но был найден, и начался розыск. Открылось то, что Симон однажды привел к себе в игуменскую келью крестьянку. Произошло это по рекомендации игуменского келейника, брата этой самой крестьянки. В келье Симон надругался над ней в присутствии нескольких поповских жен.¹ После чего он уже постоянно жил с этой женщиной в блуде, и она родила в его келье ребенка. Келейники игумена Петр Кудрявцев и Василий Нечигин привели в келью к младенцу иеромонаха Митрофана, который нарек ребенку имя Стефан. Этот иеромонах был духовным отцом игумена Симона. Младенца затем подкинули в селе Богданском к избе крестьянина Ивана Фадеева. Он позвал к себе в дом попа Льва Васильева, чтобы осмотреть и окрестить ребенка. Лев нашел на руке у мальчика записку с именем Стефан. Этот поп испросил разрешения на крещение у Суздальского епископа Игнатия (Смола!) и окрестил младенца. Об этом подробно расспрашивал попа Льва Василий Нечигин (келейник Симона), который приходился этому попу племянником по жене.² Опять здесь заметны тесные родственные связи участников дела. Но следствие больше интересовало не это, а приезд в монастырь при Симоне царицы и его гадательные «тетрадки». К тому же игумен усугубил свою вину: когда за ним приехали дети боярские, то он попросился в уборную, при этом за ним следили и заметили, что он что-то бросил вниз; тогда один из детей боярских по веревке туда спустился, достал какие-то тетради, их очистили и доставили на следствие.³ В этих тетрадях были написаны довольно странные вещи, но политической крамолы там не оказалось. На допросах свидетели обвиняли Симона в том, что он ворожил на костях, но это потом не подтвердилось. Все обвинения не смутили игумена, и он даже рассказал о том, как ему было видение святого чудотворца Козьмы Яхромского, которому Симон жаловался на своих обидчиков.⁴ Игумен был допрошен о приезде в его монастырь Евдокии. Он говорил, что царица-инокиня при нем приезжала дважды. С ней были слуги, которые брали у братии ключи от храма и никого туда не пускали. Служил при царице поп Гавриил Пустынный. Симон видел Евдокию в мирском платье, о ее постриге не знал, целовал ей руку, но не поминал ее царицей на ектениях.

¹ РГИА, Ф. 796. Оп. 1. Д. 266. Л. 15-19.

² Там же. Л. 18об.

³ Там же. Л. 3-5об.

⁴ Там же. Л. 5об.

Больше игумен с Евдокией никогда не встречался.¹ Таким образом, заговора у Симона с царицей не было. В итоге, согласно Апостольским правилам, Симон 23 сентября 1721 года был отлучен Синодом от священнослужения за блуд и отправлен «под начал» в Соловецкий монастырь.²

Следствием о митрополите Игнатии и об игумене Симоне завершился Суздальский розыск. Завершилась и трехлетняя эпопея, связанная с выявлением оппозиционно настроенных людей, имевших общение с царицей Евдокией и царевичем Алексеем. Можно сказать, что на этом Кикинский и Суздальский розыски были исчерпаны, больше к этому вопросу не возвращались. И духовенство на многие годы перестанет высказываться относительно дел политических.

---

¹ Чистович И. А. Показания игумена Симона о приездах инокини Елены (бывшей царицы Евдокии Федоровны, ур. Лопухиной) в Кузьмин монастырь (Владимирской губернии).// Временник ОИДР. Кн.24. Смесь. М., 1856. С. 51-53.

² РГИА. Ф.796. Оп.1. Д.266. Л.33-34.

М. А. Можарова

Иван Киреевский – духовный сын оптинского старца Макария

Иван Васильевич Киреевский, по словам И. М. Концевича, принадлежал к числу мирских «оптинцев», то есть к той немногочисленной части образованного русского общества, которая была одного духа с Оптинскими старцами и вполне разделяла их взгляды на современность. Оптинский старец Макарий в одном из своих писем размышлял: «Сердце обливается кровию при рассуждении о нашем любезном отечестве России, нашей матушке, куда она мчится, чего ищет? Чего ожидает? Просвещение возвышается, но мнимое; оно обманывает себя в своей надежде; юное поколение питается не млеком учения святой нашей Православной Церкви, а каким-то иноземным мутным, ядовитым заражается духом; и долго ли это продолжится?»[1] Тревожась о будущем России, Киреевский искал способы подкрепить «внутренние карантинны против той нравственной заразы, от которой теперь гниет Европа». «Грустно видеть, – писал он, – каким лукавым, но неизбежным и праведно посланным безумием страдает теперь человек на Западе. Чувствуя тьму свою, он как ночная бабочка летит на огонь, считая его солнцем. Он кричит лягушкой и лает собакой, когда слышит Слово Божие. И этого испорченного, эту кликушу хотят отчитывать по Гегелю!» Иван Васильевич надеялся, что та «болезнь, от которой у бедного западного человека уже провалилось небо», не коснется России или, если коснется, то «какого-нибудь несущественного края нашего общества»[2]. Но, увы, в России всё большее распространение получали такие духовные недуги, как маловерие, ложные верования, неверие, нигилизм. По словам митр. Антония Храповицкого, «общество почтительно выпроводило, выкурило дух Церкви, дух Православия из своего быта, загнало его в алтарь и на паперть, где молятся простолюдины»[3]. В последнее десятилетие своей жизни Киреевский все свои знания, силы и способности посвятил одной цели – служению истинному Просвещению. И то важнейшее обстоятельство, что «из всех мирских лиц, перебивавших в Оптиной Пустыни, Иван Васильевич, по словам И. М. Концевича, ближе всех других подошел к ее духу и по-

нял, как никто иной, ее значение как духовной вершины»[4], имело решающее значение для итогов его философских занятий.

Первый биограф Киреевского В. Н. Лясковский назвал главной заслугой Ивана Васильевича «первую попытку построения философии на христианских началах»[5]. Прот. В. В. Зеньковский утверждал, что Киреевский был «самым сильным философским умом первой половины XIX-го века»[6], и отметил, что он «вообще не отделял в самом себе философского сознания от богословского»[7]. Важнейшей особенностью религиозной жизни Киреевского, по словам прот. В. В. Зеньковского, являлось то, что он жил «не только религиозною мыслью, но и религиозным чувством», что «у него был подлинный и глубокий религиозный *опыт*». И именно в этом смысле «Киреевского надо считать, более чем кого-либо другого, выразителем того, что хранило в себе церковное сознание»[8].

Обращение к вере, изменившее всю жизнь Киреевского, не означало для него отказа от возможности свободно мыслить. Между разумом и верой для него, в отличие от многих его современников, не существовало трагического противоречия. Напротив, именно в «глубоком, живом и чистом любомудрии святых Отцов» Киреевский видел «зародыш» той будущей философии, которая «должна была уничтожить болезненное противоречие между умом и верою»[9]. О тех же, кто продолжал искать собственные пути к истине, Киреевский писал в последней своей статье: «Тяжелое должно быть состояние человека, который томится внутреннею жаждою божественной истины и не находит чистой религии, которая бы могла удовлетворить этой всепроникающей потребности. Ему оставалось одно: собственными силами добывать и отыскивать из смешанного христианского предания то, что соответствовало его внутреннему понятию о христианской истине. Жалкая работа – сочинять себе веру!»[10].

Был ли услышан голос Ивана Васильевича его современниками? Определяя отношение западников к религиозной основе мировоззрения Киреевского, В. Н. Лясковский писал: «Мы не умеем подыскать более подходящего слова как *грустное удивление*. Эти люди, зная хорошо и университетское образование Киреевского, и его исключительную искренность, не понимали, как мог он, уже в зрелом возрасте, сознательно обратиться к вере и к народности в науке. <...> Оставалось предположить *ослепление*, увлечение *мистицизмом* – благо это неопределенное слово так легко поддается любому толкованию»[11]. По точному выражению А. И. Герцена, «между им и нами была церковная стена»[12]. Очень характерна в этом отношении оценка последней статьи Киреевского «О необходимости и возможности новых начал для фило-

софии», данная В. П. Боткиным в письме к И. С. Тургеневу: «Необыкновенно глубокомысленная статья и превосходно написанная, – но тем не менее бесполезная. Дело идет о разрыве, происшедшем в западной мысли между верою и знанием. Автор убежден, что это единство существует теперь в православном сознании» [13].

Разойдясь с западниками, Иван Васильевич не обрел совершенного единомыслия и со славянофилами. Так, о его программном сочинении «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» И. С. Аксаков писал Тургеневу: «Знайте, что ни Константин, ни я, ни Хомяков не подписались бы под этою статьею» [14]. В письме к Ю. Ф. Самарину А. С. Хомяков с грустью заметил: «Нас очень мало, и мы все врознь» [15]. Будучи едины в главном – в отношении к Православию, славянофилы не могли найти согласия в других важных вопросах, касающихся истории, философии, литературы и эстетики. Атмосфера полемики была отличительной чертой славянофильского кружка во все время его существования. Обращаясь в письме к московским друзьям в 1847 г., Киреевский вынужден был признать: «Для меня по крайней мере сочувствие с вами составляет, так сказать, половину моей нравственной жизни». Это разномыслие было мучительно для Ивана Васильевича, и он всячески призывал членов славянофильского кружка прийти к согласию, которое могло бы, по его словам, дать «новую жизнь нашим мыслям и новый смысл нашей жизни» [16]. Но, как отмечает современный исследователь В. А. Кошелев, «попытки славянофилов создать какую-либо писанную программу не увенчались успехом», и «не было даже единых проектов подобной программы» [17].

Из всего славянофильского окружения Киреевского вполне разделял его взгляды только брат Петр Васильевич. В связи с этим необходимо привести парадоксальное, на первый взгляд, суждение Концевича: «Братья Киреевские не примыкали всецело ни к одному из существовавших тогда идеологических течений» [18]. Причину своего несогласия с традиционной точкой зрения Концевич объяснил так: «Славянофилы относились отрицательно к византизму. Для Оптиной же Пустыни святые византийские служили базой и основой ее веры и идеологии. Киреевский, который был совершенно единомысленен со старцами и был одного духа с ними, принимал личное и деятельное участие в издательстве святоотеческой литературы, не может быть назван «славянофилом»» [19].

Исключительное положение И. В. Киреевского в славянофильском кружке отмечали и другие исследователи. В. Н. Лясковский в связи с этим писал: «Хомякова, хотя и неосновательно, обвиняли в диалектической изворотливости, Аксаковых – в увлечении страсти, Самарина – в

суровости политической программы; Киреевского ни в чем подобном обвинить было нельзя. Его кротость обезоруживала всех; его прямодушные, сдержанность и сердечная теплота исключали всякую возможность подозрения в каком бы то ни было темном побуждении даже со стороны врагов – да у него их и не было»[20]. Сравнивая религиозный опыт Хомякова и Киреевского, прот. В. В. Зеньковский отметил: «Если Хомяков брал более из глубины» своего «личного церковного сознания», то Киреевский «преимущественно опирался на то, что находил он у старцев, в монастырях <...> если у Хомякова центральным понятием (не только в богословии, но и в философии) является понятие Церкви, то для мысли Киреевского таким центральным понятием является понятие *духовной жизни*». На основе этого православный богослов сделал вывод: «Киреевский, в каком-то смысле, ближе к Церкви, чем Хомяков»[21]. Сходное суждение высказал и Н. П. Колупанов: «Ни у кого из славянофилов философия не была поставлена в такое близкое отношение к вере, как у Киреевского»[22]. Вообще, в определении религиозной основы мирозерцания Ивана Васильевича, все, знавшие его, были совершенно единодушны. Л. Н. Толстой, вспоминая о Киреевском в 1908 году, дал обобщенное определение сущности его учения. По словам писателя, оно состояло в том, «чтобы свою волю слить с волей Бога»[23].

Прот. Г. Флоровский отметил, что Иван Васильевич к современному ему русскому богословию «относился сдержанно», но при этом для него «характерно было сочетание внутренней свободы с самым строгим послушанием», свои «собственные богословские и философские занятия он вполне подчинил старческому суду старца Макария Оптинского»[24]. В этом прослеживается еще одно отличие Киреевского от Хомякова, о котором отец Павел Флоренский писал: «Смирненно ли воспринимал он святыню русского народа, желая очистить ее от случайной грязи, налегшей на нее извне, или же с гордостью реформатора пытался предписать Руси нечто им самим, или ими самими – московским кружком славянофилов – придуманное. Ведь *от себя* указывать Церкви, какой ей быть, хотя бы и по чистейшим своим побуждениям, это значит не признавать Церкви, а признавать себя»[25].

И. М. Концевич также упомянул о Хомякове в контексте сравнения с Киреевским: «Что касается до Алексея Степановича Хомякова, который неизвестно бывал ли в Оптиной Пустыни и во всяком случае не может считаться послушником Оптинских старцев, о нем, или о его мировоззрении не встречается никаких отзывов в старческих письмах»[26]. В современном исследовании наследия Оптинских старцев в этой связи указано лишь на то, что Хомяков после кончины Киреевского приезжал в Оптину поклониться его праху.[27]

Хомяков долгие годы был другом Ивана Васильевича, очень тяжело пережил его смерть и оставил в память о нем такие строки: «Сердце, исполненное нежности и любви; ум, обогащенный всем просвещением современной нам эпохи; прозрачная чистота кроткой и беззлобной души; какая-то особенная мягкость чувства, дававшая особенную прелесть разговору, горячее стремление к истине, необычайная тонкость диалектики в споре, сопряженная с самою добросовестною уступчивостью, когда противник был прав, и с какою-то нежною пощадою, когда слабость противника была явною; тихая веселость, всегда готовая на безобидную шутку, врожденное отвращение от всего грубого и оскорбительного в жизни, в выражении мысли или в отношениях к другим людям; верность и преданность в дружбе, готовность всегда прощать врагам и мириться с ними искренно; глубокая ненависть к пороку и крайнее снисхождение в суде о порочных людях; наконец безукоризненное благородство»[28].

Душевная чистота и редкие черты характера Киреевского вызывали уважение многих, знавших его. Особенно убедительно звучит высокая оценка личности Киреевского в устах представителей противоположного лагеря. В 1844 году, в разгар споров славянофилов с западниками, Т. Н. Грановский писал о Киреевском: «У него такая широкая, благородная природа, что ее не могли сузить никакие мнения»[29]. Приведем еще один характерный для Грановского отзыв о братьях Киреевских: «Я от всей души уважаю этих людей, несмотря на совершенную противоположность наших убеждений. В них так много святости, прямоты, веры, как я еще не видал ни в ком»[30]. Обращаясь к самому Ивану Васильевичу, Грановский писал: «Мне нет дела до того, что Петр Васильевич и Вы о многом думаете совсем не так, как я и друзья мои; это не мешает мне глубоко уважать и любить вас обоих»[31].

Миротворчество Киреевского отчасти смягчало остроту споров, свидетелем и участником которых он становился. П. В. Анненков, назвав 1845 год «замечательным в истории наших литературных партий», писал о двух частях статьи Киреевского «Обозрение современного состояния литературы», опубликованных в том же году в «Москвитяине», как о важнейшем событии эпохи. Статьи эти, по его словам, обозначили «ту минуту, с которой распря между славянами и западниками приняла у нас новый, менее беспощадный и слепой характер, чем прежде»[32].

Непримиримый противник славянофилов В. Г. Белинский, видя в Киреевском «человека совершенно другого образа мыслей, другого убеждения», но одновременно человека, который «умеет защищать то и другое с беспристрастием и достоинством», писал о первых двух ча-

стях «Обозрения современного состояния литературы»: «Несмотря на ложное основание и произвольные выводы в этой статье, — в ней высказано много дельного, верного, умного о современном состоянии Европы, и высказано с знанием дела, талантом и тем чувством достоинства, которые всегда заинтересовывают читателя в пользу автора и которых мы никогда не встречали в сочинениях наших так называемых *славянофилов*». Веря «в великую истину, что достоинство всякой доктрины больше всего познается по достоинству лиц, которые ей следуют», Белинский даже выражал надежду, что наконец «явился в этой литературной котерии человек, который если и не разубедит нас в наших убеждениях и не заставит нас принять его убеждения, — все же по крайней мере заставит нас уважать учение, которого он и поборник и представитель, — заставит нас уважать это учение манерою, которою он защищает его, и даже тем самым, что он сам принадлежит ему и душою и телом»[33]. Хотя третья часть этой незаконченной статьи Киреевского, посвященной современным русским журналам, неприятно поразила Белинского (направление «Отечественных записок» было названо «несколько односторонним и не всегда истинным», и они поставлены были в один ряд с враждебным им «Маяком»[34]), обращает на себя внимание сам факт ожидания Белинским именно от Киреевского возможности начала диалога с противной стороной.

Критический и литературный дар Киреевского был высоко оценен современниками. Уже первая статья начинающего литератора вызвала восторг его наставника В. А. Жуковского, написавшего по этому поводу матери Ивана Васильевича – А. П. Елагиной: «Я читал в «Московском вестнике» статью Ванюши о Пушкине и порадовался всем сердцем. Благословляю его обеими руками писать – умная, сочная, философическая проза»[35]. Необычные, талантливые, заключающие в себе глубокие философские мысли литературно-критические статьи Киреевского восхищали А. С. Пушкина, Е. А. Боратынского, Н. М. Языкова. Назвав «Обозрение русской словесности 1829 года», опубликованное в «Деннице», «замечательнейшей статьей сего альманаха», Пушкин писал: «Но заметим г-ну Киреевскому, что там, где двадцатитрехлетний критик мог написать столь занимательное, столь красноречивое «Обозрение словесности», там есть словесность – и время зрелости оной уже недалеко»[36].

Интересной и важной представляется нам оценка, данная повести Киреевского «Остров» А. А. Толстой – верующим человеком, чутким читателем, родственницей и близким другом Л. Н. Толстого. Повесть была опубликована во втором томе «Русской Беседы» за 1858 год. В письме Толстому Александра Андреевна делилась своим впечатлением:

«Советую вам обратить внимание в последнем номере «Русской Беседы» на две главы романа, начатого покойным Иваном Киреевским. Если вы его еще не читали, я надеюсь, он доставит вам такое же удовольствие, как и мне, даже больше, чем удовольствие, одно из тех глубоких наслаждений, которые редко доставляет нам наша современная литература. Ничего искусственного, нездорового. Читая этот отрывок, чувствуешь себя как бы окутанной дымкой чистоты и благородства; душе становится хорошо; может быть, там есть несколько метафизических рассуждений, которые могут показаться слишком длинными, если мысли не направлены в эту сторону, но мне они показались в своем роде интересными». «По этому поводу я вспомнила, – добавляла А. А. Толстая, – что этот самый Киреевский посоветовал вам не пропускать дня, не читая Евангелия. Теперь я уверена, что он говорил это по опыту, как человек, *жизнью* изведавший его чудные тайны. Надеюсь, вы не изменили этой привычке, благословенные результаты которой неисчислимы, если их достигаешь в душевной простоте»[37]. В отзыве об «Острове» верно представлен и портрет самого автора. Ценность этого письма еще и в том, что только из него, а не из дневников и писем Толстого мы узнаем о совете, данном Киреевским молодому писателю. Слова Ивана Васильевича показывают, как ясно видел он религиозное смятение, царившее в душе Толстого, и как стремился помочь ему.

Часто вспоминал об Иване Васильевиче Оптинский иеромонах Климент (в миру Константин Карлович Зедеггольм), бывший некоторое время домашним учителем в семье Киреевских. Зедеггольм рассказывал К. Н. Леонтьеву, что «хотя все славянофилы того времени были люди, конечно, православные по убеждениям, но ни у одного из них он не находил столько сердечной теплоты, столько искренности и глубины чувств, как у Киреевского». В памяти Леонтьева сохранился также отзыв Зедеггольма о Хомякове: «Хомяков был холоднее; он, разумеется, был человек тоже искренне православный, но его диалектика, его страсть к словопрениям увлекала его до того, что он вступал в споры и с людьми православными иногда о самых существенных вопросах, противоречил и впадал в некоторые отклонения. Разговаривал он с безбожником или с иноверцем, он был вполне православный; но начинал он беседовать с православным, и как только тот сказал ему раза два «да, да», Хомякову уже становилось скучно и ему хотелось сказать: «нет, нет, не совсем так!» Киреевский же был весь душа и любовь»[38].

Зедеггольм (немец, лютеранин) в 1852 году был присоединен к Православию в таинстве Миропомазания, в 1862 году поступил послушником в Иоанно-Предтеченский скит при Оптиной Пустыни, в 1867 году принял монашеский постриг с именем Климента, в 1873 году

был рукоположен в иеромонахи. «Почему Зедергольм не миропомазался в Москве или в Петербурге, а приехал нарочно для этого в Оптину Пустынь?» — задал вопрос Леонтьев в своей книге, посвященной иеромонаху Клименту. И, цитируя летопись Скита, сам же ответил: «И. В. Киреевский привлек его к Оптиной»[39]. Многократно в своих сочинениях Леонтьев приводил слова, сказанные когда-то Киреевским Зедергольму: «Если вы хотите узнать основательно дух христианства, то необходимо познакомиться с монашеством, а в этом отношении лучше Оптиной Пустыни трудно найти»[40]. Константин Карлович последовал этому мудрому совету.

Иеромонах Климент, бывший духовным чадом Оптинских старцев Макария и Амвросия, впоследствии стал другом Константина Николаевича и учителем его в духовной жизни. После его ранней кончины в 1878 году (48-ми лет) Леонтьев до конца своих дней оставался верным духовным чадом старца Амвросия, который, в память о друге и наставнике Леонтьева, приведшем его к Оптиной, постриг Константина Николаевича в монашество с именем Климента. Если бы Леонтьеву известно было также другое высказывание Киреевского о направлении жизни мирянина, желающего стать настоящим христианином, мы, возможно, встретили бы в трудах Константина Николаевича и эти слова: «...существеннее всяких книг и всякого мышления – найти святого православного старца, который бы мог быть твоим руководителем, которому ты мог бы сообщать каждую мысль свою и услышать о ней не его мнение, более или менее умное, но суждение святых отцов»[41]. Этот совет удивительно созвучен собственному духовному опыту Константина Николаевича, прошедшего долгий и нелегкий путь христианского совершенствования. Леонтьев – художник слова и один из выдающихся русских мыслителей, – по выражению Концевича, в Оптиной «сложил бремя ошибок и грехов молодости, которые он искупал болезнями и искреннейшим покаянием»[42].

Назвав Оптину Пустынь «духовной вершиной», Концевич разъяснил, что означает для него это понятие: в Оптиной «сошлись и высший духовный подвиг внутреннего делания, венчаемый изобилием благодати даров стяжания Святого Духа, и одновременно служение миру во всей полноте, как в его духовных, так и житейских нуждах»[43]. Действительно, необыкновенный свет, исходивший от Оптиной, ощущали все соприкасавшиеся с ней. В чем же тайна этого воздействия? Ответ на этот вопрос находим в письме Киреевского старцу Макарию. «Высшее умозрение» – вот то, что дано Господом старцам и что делает их способными вести ко спасению ближних. «Это умозрение жизненное и живое, которое горит, как свеча, перед Господом, и освещает всё вокруг

себя, и зажигает светильники в чистых лампадах, Вас окружающих, – обращался Иван Васильевич к отцу Макарию, – это свет, на который мы, далекие от Вас, смотрим с благоговением и любовью как на Божий дар, посланный Им на пользу, вразумление и утешение людей, Вам современных»[44]. Свет святости Оптинских старцев, изливаясь на их духовных чад, приумножался, отражаясь в их душах как в зеркалах. Этот свет не мерк со временем, а усиливался, распространяясь все шире. Так этот свет, воспринятый Зедергольмом от Киреевского, впоследствии освятил душу Леонтьева.

Рассказывая о себе, Константин Николаевич в одном из писем 1888 года писал: «В конце 60-х годов (под 40 лет), я был уже исторически подготовлен (если можно так выразиться про отдельное лицо) к восприятию учения Церкви; я очень желал уже и тогда уверовать снова, как верил в детстве, с простотою сердца и живостью»[45]. В другом письме Леонтьев признавался: «...мне даже и к повиновению отцу Амвросию трудно было привыкнуть. Помог человек моего круга – Константин Карлович Зедергольм, в монашестве о. Климент! Ему я невыразимо обязан!»[46] Не раз вспоминал Леонтьев в своих письмах и о славянофилах. Своему молодому другу Иосифу Ивановичу Фуделю, перешедшему в Православие и ставшему впоследствии священником, Леонтьев писал: «Нужны истинные прозорливцы и особенно одаренные люди, чтобы влиять на нас, как влияет, например, от. Амвросий. Да и то не без предварительной подготовки светскими людьми высокого образования. Не знаю, например, так ли бы легко повлиял на меня от. Иероним Афонский (старооскольский купец образования 20-х и 30-х годов!), если бы меня хоть немного не подготовили славянофилы и некоторые даже католические писатели»[47]. При этом Леонтьев не во всем был согласен со славянофилами, говоря, что он «славянофил на свой салтык» и что ни «старые славянофилы (Киреевский, Хомяков, Аксаков), ни сам Данилевский, ни Катков» не могли его «умственно подчинить»[48]. Но в данном случае речь идет не об идейном согласии или разногласии, а о живом восприятии истины, свет которой шел от одной верующей души к другой.

Оптинский старец Лев незадолго до смерти, прозревая в своем молодом послушнике Александре Гренкове будущего старца, передал его «из полы в полу» своему сотаиннику старцу Макарию. Эта благодатная преемственность старческого служения не прерывалась в Оптиной, и ей можно уподобить ту преемственность, что прослеживается в разных поколениях духовных чад старцев. Как Киреевский нашел в старце Макарии духовного руководителя и обрел благодаря ему душевный покой и удовлетворение всех своих умственных запросов, так же и Леон-

твев умиротворился душой у ног старца Амвросия. Духовные дети Оптинских старцев, не давая угаснуть лучам света, исходившим от их наставников, поддерживали и передавали этот свет другим. Писателю Евгению Поселянину, на которого в первый его приезд в Оптину сильнейшее впечатление произвел старец Амвросий, запомнился также Леонтьев, которого он видел в храме во время литургии. Позже, приступая к рассказу о старце, Е. Поселянин писал: «И если я берусь в волнении за перо, в усилии восстановить хоть некоторые черты этого светящегося существования, то меня поддерживает надежда, что его образ, как сам он при жизни, поможет какой-нибудь уставшей душе» [49].

Господь по молитвам старцев поддерживал не только их духовных чад, но делал также самих чад орудием спасения ближних. Эта мысль высказана Зедергольмом в письме к его крестной матери – Н. П. Киреевской, – написанном вскоре после кончины Ивана Васильевича. Стараюсь помочь ей пережить горе утраты, Константин Карлович писал: «Как должно быть утешительно Вам, что Вы были одним из орудий к его спасению и всегда, по силам, содействовали к его благу». Вспоминная в письмах к Наталье Петровне поминовение Ивана Васильевича в сороковой день его кончины, Зедергольм писал: «Никогда, никогда не видел я ничего подобного. Блажен, кто сподобляется такого поминовения! <...> Благодарю Бога, что в этот день мне привелось быть в Оптине, и как не пожалеть о тех, которые добровольно отвергают поминовение усопших и сами лишают себя величайшего утешения?» [50] Господь послал Константину Карловичу утешение даже и через отошедшего от земной жизни Ивана Васильевича.

В Книге притчей Соломоновых сказано: «Надейся на Господа всем сердцем твоим и не полагайся на разум твой. Во всех путях твоих познавай Его, и Он направит стези твои» (Притч. 3, 5–6). Истина, хранимая в Православии, на протяжении веков питала, укрепляла и спасала души тех, кто сердцем принимал ее и *возвышал* свой разум до нее. Одним из таких людей был И. В. Киреевский. Еще одна величайшая его заслуга перед потомками состоит в том, что, оставаясь верным духовным чадом Оптинского старца Макария, Иван Васильевич как драгоценный дар хранил в своей душе свет мудрости своего наставника и сумел передать этот свет следующим поколениям мирских «оптинцев».

Примечания

[1] Концевич И. М. Оптина Пустынь и ее время. (Репринтное изд.) Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1995. С. 183.

[2] Киреевский И. В. Полн. собр. соч. В 2 т. М., 1911. Т. 2. С. 250.

[3] Русские мыслители о Льве Толстом. Тула, 2002. С. 46.

- [4] *Концевич И. М.* Оптина Пустынь и ее время. С. 207.
- [5] *Лясковский В. Н.* Братья Киреевские. Жизнь и труды их. СПб., 1899. С. 98.
- [6] *Зеньковский В. В.* История русской философии. В 2 т. Л., 1991. Т. 1. Ч. 1. С. 23.
- [7] Там же. Т. 1. Ч. 2. С. 13.
- [8] Там же. Т. 1. Ч. 2. С. 12. *Здесь и далее в цитатах сохранен курсив источника.*
- [9] *Киреевский И. В.* Полн. собр. соч. В 2 т. Т. 1. С. 270.
- [10] *Киреевский И. В.* Избранные статьи. С. 270.
- [11] *Лясковский В. Н.* Братья Киреевские. Жизнь и труды их. С. 94. Эта точка зрения находит продолжение в современных западных исследованиях. Принципом философствования Киреевского В. Гердт считает «мистософию», а «религиозность позднего Киреевского» А. Глисон называет «невротическим симптомом глубокого страха перед социальными переменами» (Э. Мюллер И. В. Киреевский и немецкая философия // Вопросы философии, 1993, № 5. С. 129).
- [12] *Герцен А. И.* Былое и думы. В 2 т. М., 1982. Т.2. С.128.
- [13] Боткин и Тургенев. Неизданная переписка. 1851–1869. М.;Л., 1930. С.92–93.
- [14] Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых к И. С. Тургеневу (1851–1852 гг.) // Русское обозрение, 1894, № 8. С. 472.
- [15] *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. В 8 т. М., 1900. Т. 8. С. 266.
- [16] *Киреевский И. В.* Полн. собр. соч. В 2 т. Т. 2. С. 248.
- [17] *Кошелев В. А.* Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840–1850-е годы). Л., 1984. С.40.
- [18] *Концевич И. М.* Оптина Пустынь и ее время. С. 244.
- [19] Там же. С. 183–184.
- [20] *Лясковский В. Н.* Братья Киреевские. Жизнь и труды их. С. 94.
- [21] *Зеньковский В. В.* История русской философии. Т. 1. Ч. 2. С. 12.
- [22] *Колупанов Н. П.* Очерк философской системы славянофилов // Русское обозрение, 1894, № 8. С. 489.
- [23] *Маковицкий Д. П.* У Толстого. «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. В 4 кн. М., 1979. Кн. 3. С. 180.
- [24] *Флоровский Г.* Пути русского богословия. (Репринтное изд.) Киев, 1991. С. 259.
- [25] *Флоренский П. А.* Около Хомякова. Сергиев Посад. 1916. С. 16.
- [26] *Концевич И. М.* Оптина Пустынь и ее время. С. 183.
- [27] *Каширина В. В.* Литературное наследие Оптиной Пустыни. М., 2006. С. 63.
- [28] *Хомяков А. С.* Указ. соч. Т. 3. С. 238–239.
- [29] Т. Н. Грановский и его переписка. В 2 т. М., 1897. Т. 2. С. 259.
- [30] Там же. С. 402.
- [31] Там же. С. 442.
- [32] *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М., 1989. С. 230.
- [33] *Белинский В. Г.* Собр. соч. В 9 т. М., 1976–1982. Т. 7. С. 567, 568.
- [34] *Киреевский И. В.* Избранные статьи. С. 166.
- [35] Письмо В. А. Жуковского А. П. Елагиной // Литературное наследство. Т. 58. М., 1952. С. 108.
- [36] *Пушкин А. С.* Полн собр. соч. В 10 т. Л., 1977–1979. Т. 7. С. 83.
- [37] *Л. Н. Толстой и А. А. Толстая.* Переписка (1857–1903). М., 2011. С. 123–124.

- [38] *Леонтьев К. Н.* Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной пустыни. М., 1997. С. 4–5.
- [39] Там же. С. 4.
- [40] Там же. С. 4.
- [41] *Киреевский И. В.* Полн. собр. соч. В 2 т. М., 1911. Т. 2. С. 257. Письмо И. В. Киреевского к А. И. Кошелеву впервые было опубликовано в изд.: Колюпанов Н. П. Биография Александра Ивановича Кошелева. В 2 т. М., 1892. С. 101–103.
- [42] *Концевич И. М.* Стяжание Духа Святого. М., 2009. С. 237.
- [43] *Концевич И. М.* Оптина Пустынь и ее время. С. 207.
- [44] *Киреевский И. В.* Разум на пути к Истине. Философские статьи, публицистика, письма. Переписка с преподобным Макарием (Ивановым), старцем Оптиной Пустыни. Дневник. М., 2002. С. 388.
- [45] *Леонтьев К. Н.* Избранные письма. 1854 – 1891. СПб., 1993. С. 345.
- [46] Там же. С. 415.
- [47] Там же. С. 426.
- [48] Там же. С. 362, 376.
- [49] *Поселянин Е. Н.* Старец Амвросий. Праведник нашего времени. М., 2009. С. 7
- [50] Из переписки отца Климента Зедергольма // Российский архив. Вып. ММIV. М., 2005. С. 250, 251.

По дороге Жоржа Дюмезиля («Ничто в мире не распространено так, как троичность»)

В 2016 году исполнилось 30 лет со дня ухода из жизни выдающегося европейского ученого – Жоржа Дюмезиля (1898-1986). Во Франции, в Париже, есть улица, носящая его имя. При том, что пути современного Запада мне глубоко чужды и несимпатичны, наследие Дюмезиля – это как раз тот случай, когда хочется призвать русскую науку пройти по этой улице и внимательно изучить дорогу Дюмезиля.

Помните русскую поговорку: «Бог любит троицу»? О том же в XVI веке писал великий русский любуоудр (и автор знаменитой «Повести о Петре и Февронии») монах Еразм Прегрешный: «Бог убо Творец Сам вообрази во всяком сотворении Своем разумети троическую ипостась». Именно обоснованию этой мысли посвятил всю свою долгую жизнь наш сегодняшний герой, – французский ученый Жорж Дюмезиль.

При этом его вряд ли можно назвать верующим человеком – он никак не выводил троичность из христианства, а считал ее принадлежностью мышления потомков Иафета – индоевропейских народов, от которых, по его мнению, ее позаимствовали и другие народы.

Конечно, есть повод пожалеть о том, что Дюмезиль был далек от личной веры, но одновременно этот факт является очень мощным аргументом против обвинений французского ученого в «христианской предвзятости». Он всю свою жизнь изучал троичность не потому, что был верующим человеком, а потому, что убедился в реальном распространении этого феномена.

Жорж Эдмон Рауль Дюмезиль родился в Париже 4 марта 1898 года. Его дед был простым бондарем, а отец – Жан Анатоль Дюмезиль, – выслужился до генерала, был конструктором пятидесяти восьми миллиметрового надкалиберного миномета, получившего его имя.

В 1917-1919 годах офицер артиллерии Жорж Дюмезиль участвовал в Первой мировой войне и впоследствии активно формировал свои взгляды на мир, в том числе политические. Его предпочтения бывали весьма разными: в 1920-е годы Дюмезиль был близок к французским консерваторам – Шарлю Моррасу и «Аксьон франсез», но в 1936-1941 годах состоял в масонской ложе, за что был смещен правительством

Петена с должности преподавателя и был вынужден некоторое время давать частные уроки. Однако до конца жизни Дюмезиль оставался убежденным монархистом – свое предпочтение монархии перед демократией он объяснял тем, что наследственный государь, в отличие от выборного лица, не зависит от амбиций и капризов толпы.

С 1924 года Дюмезиль – доктор наук. В том же году он переехал в Турцию и до 1931 года состоял профессором Стамбульского университета по специальности «история религий». Затем три года преподавал в университете Упсалы (Швеция). Вернувшись в Париж, возглавил кафедру сравнительного изучения религий в Школе практических исследований. В 1949-1968 годах заведовал кафедрой индоевропейской цивилизации в одном из старейших и наиболее престижных французских институтов – Коллеж де Франс. В 1968 году Дюмезиль ушел на пенсию со званием почетного профессора. Умер 11 октября 1986 года.

Жорж Дюмезиль был выдающимся полиглотом и специалистом по сравнительной мифологии индоевропейских народов. Он знал около сорока языков – в том числе санскрит, авестийский, древнегреческий, латинский, старославянский, турецкий, кечуа, осетинский, различные скандинавские, кавказские, романские и славянские языки...

Дюмезиль владел и русским языком, в 1928 году путешествовал по Грузии, и впоследствии находился в тесном сотрудничестве с советскими учеными – в основном по теме кавказских и в частности осетинских исследований (осетины – единственные живые потомки скифов, сохранившие уникальный эпос о Нартах).

Жорж Дюмезиль был членом Французской академии наук, а также академий Австрии и Ирландии, почетным доктором университетов Бельгии, Турции, Швейцарии, Швеции. За участие в Первой мировой войне он был награжден Военным крестом, впоследствии стал офицером ордена Почетного легиона и командором ордена Академических пальм.

Владея таким количеством языков и будучи талантливым, трудолюбивым, человеком, Дюмезиль сделал величайшее открытие в науке – он обнаружил в Индии, Иране, Древнем Риме, Европе, у славян и других индоевропейских народов троичность во всех основных сферах жизни. Это троичность цивилизаций, троичность языческих богов, постоянный акцент на трех главных родах, трех братьях, трех основных цветах общей индоевропейской мифологии (белый, красный и черный) и т.д.

Чаще всего Дюмезиль называл троичность трехфункциональностью (вера, культура, государство, их представители – жрецы, народ и воины). Он ярко сформулировал эту идею уже к 1938 году, а затем подробно описал в своем главном труде – трехтомнике «Миф и эпопея» (1968-1973). Всего французский ученый написал более 50-ти книг, из которых на русский язык переведено очень мало – всего три.

Одной из самых известных иллюстраций трех функций являются индийские варны. Одно из значений этого слова – «цвет», а потому неудивительно, что три основные варны сопоставляются с тремя цветами: брахманам (это слово означает «знающий священное учение») соответствует белый цвет благодати, кшатриям («наделенный могуществом») – красный цвет пассионарности, вайшьям (свободные общинники) – желтый цвет плодородия.

Обращаясь к русским былинам, Дюмезиль обратил внимание на «три поездки Ильи Муромца»:

«Едет добрый молодец да во чистом поли,
И увидел добрый молодец да Латырь-камешок,
И от камешка лежит три росстани,
И на камешке было подписано:
«В первую дороженку ехати – убиту быть,
В друтую дороженку ехати – женату быть,
Третью дороженку ехати – богату быть».

Французский ученый обнаружил в этом сюжете четкое представление русского народа о трех функциях, трех видах служения человека. Действительно, поехав по дороге, где «убиту быть», Илья Муромец сознательно пошел по пути, на котором он мог потерять свою жизнь – но, победив разбойников, он продемонстрировал, что эта опасная затея была предпринята для того, чтобы очистить дорогу для других путников. Тем самым богатырь дал пример смирения (уйдя от сознания самодостаточности своей жизни, в конечном итоге – от гордости).

На втором пути (где «женату быть») Илья Муромец победил потенциальный грех брачной жизни – сластолюбие, и обрел целомудрие.

И, наконец, там где «богату быть», богатырь превратил опасность сребролюбия в милосердие (раздав все добро нищим).

Именно пары смирение/гордость, сластолюбие/целомудрие, сребролюбие/нищелюбие (с некоторыми вариациями) приводятся Отцами Церкви в качестве трех главных добродетелей/соблазнов человеческой жизни. Для христианского мироощущения сребролюбие, тесно связанное с понятием власти, – грех в первую очередь физический (призванный угодить плоти), сластолюбие – грех душевный, основанный на неверно понятом идеале любви, а гордыня – грех духовный, непосредственное развитие желания сатаны стать богом. Сопоставив духовно-душевно-телесную трехчастность человека с религиозно-культурно-государственной трехсоставностью любой цивилизации, легко понять, что имел в виду Дюмезиль при анализе этой быliny. Фактически Илья прошел три главных пути любого человека и любой цивилизации.

Пожалуй, с Дюмезилем можно не согласиться лишь в том, что троичность есть принадлежность только индоевропейских обществ. Все

мы знаем многочисленные примеры из Ветхого завета, которые представлены семитской цивилизацией Израиля. Приведу пример из прекрасной Африки, с территории нигерийской цивилизации: в период государства Ойо титулом царя было «алафин», что означает «хозяин дворца». Этот единый титул имел три формы выражения: спутник богов (религия), господин мира и жизни (культура), хозяин земли (государство). Будущий царь готовился к царским обязанностям во время обрядов и церемонии коронации, которые длились три месяца. Взойдя на престол, алафин получал трех официальных братьев и трех официальных отцов, которые в действительности были главами трех основных ветвей царского рода. Затем алафин получал новое имя, и проводил в затворе три месяца. А благоприятное царствование приводило к празднику «бебе», во время которого подданные освобождались от налогов – на три года.

Таких примеров немало. Троичность – это действительно всемирный феномен, который традиционным христианским сознанием объясняется очень просто: Бог-Троица создал человека по Своему образу и подобию – трехсоставным (дух, душа и тело), а человек создал цивилизации (русскую, европейскую, индийскую, персидскую и др.) также состоящими из трех основных частей (религия, культура, государство).

Сам того не ведая, Дюмезиль сослужил еще одну очень важную службу Традиции: в пик сторонникам представления о том, что «наш обезьяноподобный предок» вначале слез с дерева, потом встал на задние конечности, затем постепенно изобрел труд, культуру, религию и т.д., ученый показал, что трехфункциональность (как идеал) присутствует в различных цивилизациях всегда уже в полном, завершенном виде. Как Адам и Ева, представители флоры и фауны были созданы в совершенных летах (курица появилась раньше, чем яйцо), точно также и идеалы человеческого существования были даны людям изначально в совершенном виде, и только потом стали искажаться. Тем самым выбивается почва из-под ног у всякого рода эволюционистов от науки: троичность была дана человечеству как данность, а не стала продуктом развития мысли на протяжении тысячелетий. Мир идет не по пути прогресса, а по пути регресса – то есть ухода от первоначального идеального состояния.

Незадолго до ухода из жизни Жорж Дюмезиль говорил: «я хотел бы сказать Господу: «*nunc dimittis servum tuum*» («ныне отпускаеши раба Твоего» – лат.), потому что Ты позволил мне увидеть хотя бы малую часть истины». Великий француз явно преуменьшал свои заслуги, главная из которых состоит в том, что он, как никакой другой ученый, описал проявление троичности в мировой истории.

А наш долг – наконец-то перевести на русский язык его основной труд – «Миф и эпопея».

Д. Г. Добыкин

Отступившие и вернувшиеся

Святой апостол Павел в Послании к Ефесянам говорит, что христиане ведут духовную войну: «... наша брань ... против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6:12). В эту битву христиане вступают сразу после крещения, во время которого даётся почти воинская клятва быть со Христом. И, как на любой войне, на ней, к сожалению, бывают не только победители, но и погибшие, и раненные, и дезертиры. Духовными дезертирами можно назвать тех, кто отпал от веры. Как это ни печально, падения и отпадения были и будут всегда. Относится это предупреждение к любому христианину, как давно бы он не был верующим. И самое страшное, что отпадение может происходить не только сознательно, но и постепенно и незаметно. Такое отступничество в Писании сравнивается с семенем, посаженным в бесплодную почву и заглушаемым терниями (мирскими заботами, Лк. 8:14); с сердцем, ожесточённым обольщением греха (Евр. 3:12-15); с повторным распятием Сына Божия (Евр. 6:6), или с попиранием Сына Божия и непочитанием «за святыню Кровь завета...», и с оскорблением «Духа благодати» (Евр. 10:29)¹.

Хорошей иллюстрацией духовной брани и отпадения может служить икона «Лествица». На ней изображается, как восходящих на небо ко Христу укрепляют ангелы, а бесы искушают, стремясь низвергнуть в адскую пропасть. И иногда это им удаётся.

Многие отрывки Священного Писания, хоть и разными словами, предостерегают от отступничества. В Своей речи на Елеонской горе Господь наш Иисус Христос говорит, что в последние времена зло усилится, и большинство людей утратит способность любить (Мф. 24:12). В эти времена скорби и гонений многие «соблазняются» (Мф. 24:9-10); восстанут лжепророки и «прельстят многих» (Мф. 24:11). Среди других причин отступничества упоминаются искушение (Лк. 8:13) и неверие (Евр. 3:12). Апостол Павел также предостерегал верующих против отступничества. Идолопоклонство Израиля в пустыне и Божий суд над

¹ Отступничество. / Словарь библейских образов. Под ред. Л. Райкена, Д. Уиллохта, Т. Лонгмана. СПб: Библия для всех, 2008, С. 745–746.

ним должны служить для верующих суровым примером (1 Кор. 10:1-11). Апостол в Послании к Галатам удивляется тому, что новообращённые так быстро позволили обмануть себя (Гал. 3:1) и оставили Евангелие Христово (Гал. 1:6). Верующие, которые начали так хорошо, перестали подчиняться истине (Гал. 5:7). В посланиях к Тимофею апостол Павел писал о том, что некоторые верующие обратились к сатане (1 Тим. 5:15). Любовь к деньгам и философским измышлениям ускорила их падение (1 Тим. 6:10, 20-21). Он упоминает Именея и Александра как пример отрёкшихся от веры (1 Тим. 1:20). Бывший христианин Димас отказался от служения Богу, потому что полюбил мир больше, чем Христа (2 Тим. 4:10). Автор Послания к Евреям говорит о тех, кто верил, а потом отступил от веры (Евр. 6:1-6). Последствия их отступничества ужасны (Евр. 10:26-31). Их ожидает «некое страшное ожидание суда и ярость огня, готового пожрать противников» (Евр. 10:27). Апостол Пётр сказал по поводу веровавших во Христа и сознательно отказавшихся от Него, что «последнее бывает для таких хуже первого» (2 Пет. 2:20-22). Апостол Иоанн также писал об этом (1 Ин. 2:18-19). Наконец, в книге Откровение Господь упрекает общины за равнодушие и холодность (Отк. 2:4; 3:16)¹.

Причину того, что некоторые из тех, кто искренне обратился ко Христу, вновь впадают в греховную жизнь, следует искать в том, что верующие всё ещё обладают прежней природой «ветхого человека, истевающего в обольстительных похотях» (Еф. 4:22; ср. Рим. 7:13-24; 1 Кор. 3:1-3). Среди причин отступничества следует указать забвение Бога (Иез. 23:35), неверие (Евр. 3:12), «горький корень» (Евр. 12:15), любовь к «нынешнему веку» (2 Тим. 4:10), алчность (1 Тим. 6:10) и увлечение «философией и пустым обольщением» (Кол. 2:8)².

Причин для падения может быть много, и каждый отступивший от веры сможет найти оправдание своему неверию. Однако эта статья не о причинах отпадения, а о том, что должны делать верующие с отошедшими от веры.

Один из вопросов, который возникает при проповеди отступившим: «Нужно ли им вообще проповедовать?» В Священном Писании есть отрывки, в которых, как кажется, говорится о том, что с вероотступниками нельзя общаться. Их надо сторониться и не иметь с ними никаких дел.

¹ Отступничество: предостережения против отступничества. / Большой библейский словарь. Под ред. У. Эллуэла и Ф. Камфорты. СПб: Библия для всех, 2005, С. 927.

² Отпадение. / Теологический энциклопедический словарь. Под ред. У. Элвелла. М.: Духовное возрождение, 2003, С. 820.

Первым таким местом можно назвать Мф. 18:15-17. Здесь говорится о том, что если согрешивший брат не послушает обличения всей церкви, «то да будет он тебе, как язычник и мытарь» (Мф. 18:17).

На первый взгляд, действительно, кажется, что человека надо бросить, как безнадёжного и неисправимого, но ведь именно этого-то как раз Иисус Христос и не мог иметь в виду. Он никогда не устанавливал никаких границ человеческому всепрощению. Что же тогда имел Он в виду, и как нужно поступать нам? Для Самого Христа язычники и мытари не были погибшими, и Он не говорил, что все обязанности и отношения к ним должны быть прекращены (ср. Мф. 8:5-13; Мф. 9:9-13). Однако «демаркационная» линия между членом церкви и осуждённым должна быть всё-таки проведена¹. Блаженный Августин говорил: «Не считай его в числе твоих братьев. Но и не отрицай его возможность спасения. Вот и язычников мы не считаем нашими братьями, но всегда молимся об их спасении»². Обязанность христианина в отношении к язычникам и мытарям — это усердная молитва об их обращении, покаянии, духовном и душевном выздоровлении.

Второй отрывок из послания к Евреям 6:4-6 выглядит ещё более жёстким и, бесспорно, труден для понимания. Если читать его в русском переводе, то легко прийти к выводу о том, что он говорит о невозможности покаяния для тех, кто принял Христа, а потом отрёкся. И так же легко можно сделать вывод, что отпадших нельзя вновь принимать в Церковь. Такое понимание возможно, и некоторые ригористы придерживались подобного толкования. Однако такая интерпретация стиха вступает в противоречие с другими местами Священного Писания и Предания, в которых говорится о возможности покаяния для всех, в том числе и отпадших.

Наличие этого «противоречия» привело даже к тому, что Римская Церковь не сразу приняла Послания в канон³. Ещё одной из причин неприятия было то, что на эти три стиха ссылались новациане.

Новацианство (или новатианство) — раскольническое движение в III-VII вв, получило своё имя от Новациана. По его учению, так как Церковь — это общество святых, все отпавшие должны быть отлучены

¹ Толковая Библия под ред. А. П. Лопухина. / Православная энциклопедия «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovaja_biblija_51/18 (дата обращения: 1.11.2016).

² Цит. по: Стеняев О., *прот.* Беседы на Евангелие от Матфея. Т. 2. Беседа 7. / Православная энциклопедия «Азбука веры». URL: http://azbyka.ru/stenyaev/besedy-na-evangelie-ot-matfeya.html#beseda_7 (дата обращения: 1.11.2016).

³ Ткаченко А. А., *Николай (Сахаров), иером.* Евреям послание. / Православная энциклопедия. Т. 17. М., 2008, С. 230.

из неё и не могут приниматься обратно. Церковь, если же она их прощает и принимает обратно, делается нечистой и перестаёт быть святой. Новациане главным образом останавливали своё внимание на словах: (невозможно) «отпадших, опять обновлять покаянием», и понимали здесь всех отпадших от веры, т. е. тех, кто во время гонений принёс языческие жертвы.

Можно проследить, как в православной традиции понимался этот отрывок. В святоотеческих творениях можно найти несколько толкований этого отрывка разного объёма. Стоит отметить, что Отцы Церкви старались придать особое значение словам «опять обновлять». Они утверждали, что здесь апостол запрещает второе крещение. Так как обновление даётся только в крещении, и только в нём верующий распинает со Христом себя как ветхого человека (Рим. 6:3, 6), то креститься во второй раз, по отпадении, значило бы распинать во второй раз Сына Божия, что, конечно, есть величайший грех.

Существует и другой подход, который предполагает, что речь идёт о тех, кто был верующим, но затем отпал и настолько закоренел во грехе, что уже потерял чувство покаяния¹. Они, отпадая, так же, как бы снова, распинают Христа. Это есть грех к смерти, о котором говорит Иоанн Богослов (1 Ин. 5:16).

Какой бы не выбрать подход к этому тексту, те из отпадших, кто не хочет ничего слышать, то и не услышит, потому что «огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их» (Ис. 6:10). Однако те, кто не сжёг свою совесть окончательно и не сделал своё сердце каменным, ещё могут обратиться и покаяться. Бог обещает быть к отпавшим безмерно милостивым: «... обратитесь ко Мне, и Я обращусь к вам, говорит Господь Саваоф...» (Мал 3:7); «Уврачую отпадение их, возлюблю их по благоволению...» (Ос 14:5).

Согласно Священному Писанию, отпадение можно предотвратить пребыванием во Христе (Ин. 15:4-7), постоянной молитвой (Еф 6:18; 1 Фес 5:17) и доброй совестью (1 Тим 1:19).

Один из важнейших текстов, говорящих о том, что должен вести себя верующий с своим отступившим братом или сестрой — это Иак. 5:19-20: «Братия! если кто из вас уклонится от истины, и обратит кто его, пусть тот знает, что обративший грешника от ложного пути его спасёт душу от смерти и покроет множество грехов». Этот отрывок го-

¹ Куломзин Н., прот. Послания апостола Павла. Лекции по Новому Завету. Пер. с фр. К. А. Александровой. М.: Изд-во ПСГТУ, 2011, С. 123.

ворит о том, что дело обращения отпавших спасительно для них и полезно для нас, верующих.

Ап. Иаков в 19 стихе дважды употребляет неопределённое местоимение, тем самым давая понять, что говорит не о конкретном лице. Возвращать вероотступников должны все, а не только священники или специально подготовленные люди. Забота о взаимном благополучии, выражается постоянной готовностью любого христианина прийти на помощь брату или сестре.

Стих 20 говорит о покрытии множества грехов возвращением заблудшего ко Христу. Такое уклонение от истины есть грех и сопровождается множеством других грехов, а потому уклонившийся и называется грешником и путь жизни его называется ложным путём, так как на нём не обретается истина¹. Однако, когда отпавший возвращается ко Христу, ему прощается не один грех и даже не все его грехи, о которых он знает сам, но всё множество грехов, о которых знает только Бог. Господь наш Иисус Христос принёс себя в жертву за наши грехи раз и навсегда (Евр. 10:12), и теперь Его кровь очищает нас от всякого греха (1 Ин. 1:7). В этом основной смысл этой фразы о покрытии множества грехов. В то же время здесь имеется в виду и нечто ещё. Учение о покрытии грехов упомянуто в 1 Петра 4:8 (ср.: Пр. 10:12), где речь идёт о христианской любви, которая проявляется в сохранении в тайне прегрешения друг друга. Когда христианину выпадает честь с любовью послужить другому, прийти на помощь и вернуть заблудшего на истинный путь, делается это потому, что видятся заблуждения или ошибки, которые привели к отступлению от истины. Но это осознание и понимание чужих ошибок должно остаться сокрытым. Необходимо просто проявить свою любовь, которая покрывает множество грехов. Иеромонах (будущий митрополит) Георгий (Ярошевский) писал: «дело обращения грешника велико тем, что здесь, во-первых, спасается душа грешника от смерти, под которою, конечно, разумеется вечная смерть в духовном смысле и, во-вторых, даётся основание такого спасения — покрывается множество грехов»².

Самое поразительное здесь — это слова об обратившем грешника, который «спасёт душу». Эти слова выражают ту меру заботы, любви и усилий, с которыми христиане обращаются к тем, кто нуждается в этом. Но как можно спасти душу, если это под силу только Богу (напр.: Деян. 11:18; 2 Тим. 2:25)? Действительно, для человека это невозможно.

¹ *Михаил (Лузин), еп.* Толковый апостол. М.: Правило веры, 2009, С. 172.

² *Георгий (Ярошевский), иером.* Соборное послание ап. Иакова. Опыт исагогико-экзегетического исследования. К., 1901, С. 298–299.

Мы не можем обратить их к вере, но мы должны попытаться сделать хоть что-то. Мы не можем спасти их от смерти, но мы должны делать все, словно их судьба в вечности зависит только от нас. Мы не можем покрыть их грехи, но мы должны приводить и возвращать людей к Сыну Божьему, Который это может. Ничто не должно сдерживать нас, никакая жертва ради спасения ближнего не должна показаться слишком большой.

Слова «спасёт душу от смерти» показывают пользу и награду также и для того, кто возвращает своего ближнего с пагубного пути. Спасший грешника от заблуждения совершает великий подвиг, заслуживающий награды на Небе, то в то же время он спасает и свою душу, покрывает не только грехи павшего брата, но заслуживает прощение грехов и себе¹.

Эта мысль неоднократно встречается на страницах Священного Писания. У пророка Иеремии сказано: «Если извлечёшь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста» (Иер. 15:19). У пророка Даниила написано: «И разумные будут сиять, как светила на тверди, и обратившие многих к правде – как звёзды, во веки, навсегда» (Дан. 12:3). Павел советует Тимофею: «Вникай в себя и в учение, занимайся сим постоянно; ибо так поступая, и себя спасёшь и слушающих тебя» (1 Тим. 4:16). Апостол Пётр (1 Пет. 4:8) пишет: «любовь покрывает множество грехов». По толкованию блаженного Феофилакта Болгарского это означает, что «милость к ближнему делает милостивым к нам Бога» (см. Мф. 6:14-15)². Бог простит многое тому, кто вновь обратился к Нему брата своего.

¹ Иванов А. В. Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета. Воскресение, 2002, С. 465.

² Феофилакт Болгарский, блж. Первое Соборное Послание Апостола Петра. Глава 4. / Сайт «Толкование Священного Писания Нового Завета блаженного Феофилактом, архиепископа Болгарского». URL: <http://feofilakt.ru/1e-petra/glava-4> (дата обращения: 1. 11. 2016).

Л. Н. Болтовская

Искусство и познание

Художественный образ – это язык искусства, на котором разговаривает с нами художник. Он может быть живописным, скульптурным, музыкальным или словесным, но всегда остается образом, а не понятием. Понятия, термины, формулы, схемы – язык научных трактатов, энциклопедий и учебников. Современный тип цивилизации предлагает человечеству научное, т. е. рациональное объяснение основ мироздания, формирует так называемое научное мировоззрение и логическое, понятийное мышление.

Но понятие, как «положение, правило, норма» (в переводе с латинского), обладает однозначным, конкретным смыслом, это слово-формула или термин, назначение которого – дать точное обозначение вещи или явления, точность же предполагает неизменность и неподвижность. Современный человек приучается видеть мир только в исчисленных и измеренных параметрах, мир, в котором действует причинно-следственная прямолинейная логика, а живая жизнь представляется сложно устроенным агрегатом, который приводится в действие законами, изучаемыми на уроках физики, химии, математики, биологии и анатомии.

Такому рациональному мышлению и общество видится хорошо отлаженным государственным механизмом, внутри которого жизнь человека определяется социальными параметрами и исчерпывается профессией, т. е. функцией хорошо пригнанной детали, а ценность детали измеряется её работоспособностью.

Современная система образования, заложенная западноевропейской цивилизацией еще в 17 веке, тоже формирует понятийное миропонимание через преимущественное изучение в школе естественнонаучных дисциплин. Но ведь сами слова «просвещение» и «образование» в корневом своем смысле указывают на иную, исконную цель воспитания человека, который есть образ Бога. Просвещение есть просветление, а образ-ование связано с духовным назначением человека, с высотой пре-ображения.

В. В. Розанов, один из самых пронзительных русских философов, проработав десять лет в дореволюционной гимназии, обобщил свои

учительские наблюдения в книге «Сумерки просвещения», где само название есть парадоксальная по форме и печальная по содержанию метафора: сумерки как угасание того света, что хранит в себе слово «просвещение». Суть метафоры распространяется Розановым на всю систему школьного обучения, которую он подвергает сокрушительной критике, замечая, что «плоды образования горьки».

В чем же он видит ущербность того наиважнейшего дела, от которого зависит жизнь человечества на земле? Как философ, исходящий из целостного виденья мира и человека, В. В. Розанов утверждает, что в современной педагогике забыта «именно философия воспитания в отношении к вечным чертам человеческой природы», школа призвана «пробудить ум и возбудить сердце», а вся задача воспитания состоит в том, чтобы освободить «крылья души, укрепить и научить ими управлять». Крылатой душе необходимы впечатления «прекрасные и благородные», но схематический язык понятий их дать не способен, учебник не заменит образного слова творческого гения.

Чем же отличается образ от понятия? Образ дает совсем другое видение мира, он обладает многомерностью, глубиной и объемом смысла. Образ сферичен, он подобен шару, в то время как понятие можно сравнить с плоскостью схематической линейки. Образ связан с тайной живого мира, он хранитель духовной энергии смысла, потому что у слова небесное происхождение.

В библейском откровении явлено, что человек не только сотворен энергией божественного Логоса, но ему, человеку, вручен дар владения божественным словом, и это определяет его верховный статус в бытийственной иерархии. Через слово человек осуществляет свое духовное призвание: ему дана способность слышать голос Бога, внимать его Слову и выстраивать свою жизнь в соответствии с высшей волей так, чтобы события его земной, повседневной жизни становились со-бытием.

Ведь Бог сотворил человечество духоносным, чтобы через нас исполнялся промысел Божий о мире. На человека возложена высокая миссия – быть проводником божественных энергий: самому наполняться духовным светом («стяжать Духа Святого») и нести его всему тварному миру, пронизывая светом смысла последние глубины земного пространства. Культура, созданная духовной мощью человеческого сознания, изначально осуществляла именно это задание, ибо человек, и сам «дивно устроенный», подражает космической гармонии и в своем искусстве. В мифах античной древности светоносность искусства выражена в образе Аполлона. Именно этот лучезарный бог гармонии был водителем муз, обожествлявших поэтическое слово, исходящее из уст человека. А принес первые песнопения на землю сын бога Аполло-

на Орфей, ставший в европейском сознании архетипом поэта и музыканта.

Поэтический дар – божественный дар, и потому образное слово поэта символично, оно несет в себе духовную вертикаль смысла, потому что хранит тайну связи человеческого сознания с божественным Логосом. Символ можно уподобить радужному мосту, соединяющему небо и землю: «Из пламя и света рожденное слово» несет в себе отзвук и отблеск небесного бытийствования.

Поэты – «небесные избранники» обладают даром вслушиваться в слово (древнерусское «слово» происходит от индоевропейского корня в значении «слышать»). Поэтический художественный образ обладает громадным, поистине неисчерпаемым потенциалом в постижении духовного смысла бытия, он прикасается к той тайне, которая закрыта для понятийного рационального мышления. «Крылатое слово» тысячелетиями, пока существовала традиционная, а значит религиозная, культура, молитвенно возносилось «во области заочны», теперь же язык, отяжелев и погрузившись в материальную прагматику, обслуживает нужды научно-технического прогресса.

Искусство еще в древние времена, в «Поэтике» Аристотеля, определялось как форма познания. Немецкие философы романтической эпохи назвали «мышление в образах» высшей формой познания в сравнении с научным и философским дискурсом. Они исходили из того, что абстрактная, отвлеченная мысль предназначена в основном для умственного восприятия, но мысль сама по себе есть только одна из многочисленных способностей человека. Природа же образного языка обращена к целостному восприятию мира.

Древние греки называли поэта «целителем», потому что художник творит по законам красоты, по законам вселенской гармонии, которая и есть единство целого. Художественный образ воздействует не только на ум, он захватывает воображение, пробуждает чувства, проникает в глубины подсознания. Музыка гениального стихотворения мгновенно вызывает в нас ответную реакцию – это называется впечатлением. О впечатляющей силе образа лучше всего сказал наш великий поэт: «И глубоко впечатленье // В сердце врезалось ему...» (А. С. Пушкин «Жил на свете рыцарь бедный...»).

Сердце же есть средоточие всего нашего существа, его духовный центр. Б. П. Вышеславцев, написавший интересное исследование «Значение сердца в философии и религии» (1955), размышляет так: «Повидимому оно означает орган всех чувств вообще и религиозного в особенности. Но сердцу приписывается не только чувство, но и самые разнообразные виды деятельности сознания. Так, прежде всего, сердце

мыслит. «Говорить в сердце» значит на библейском языке – думать. Но далее: сердце есть орган воли; оно принимает решения. Из него исходит любовь: сердцем или от сердца люди любят Бога и ближних. (...) Наконец, в сердце помещается такая интимная скрытая функция сознания, как совесть; совесть, по слову Апостола, есть закон, начертанный в сердце». ¹

Как ни парадоксально с точки зрения современной логики, но изумительно глубоко сказал о мистической сущности сердца Ф. И. Тютчев: «Корень нашего мышления не в умозрительной способности человека, а в настроении его сердца». Это признание гениального поэта, который был и гениальным философом. Неповторимая оригинальность тютчевского стихотворчества состояла именно в этом сопряжении философской мысли и поэтической образности. И. С. Тургенев выразил эту особенность так: «Каждое его стихотворение начиналось мыслью, которая, как огненная точка, вспыхивала под влиянием глубокого чувства или впечатления...»

Не удивительно, что именно Тютчеву принадлежит одно из самых глубоких размышлений о природе человеческой мысли, о той драме сознания, которую новоевропейское человечество переживает до сих пор. Речь идет о его поэтическом шедевре «Фонтан» (1836).

К тютчевским временам концепция личности была радикально пересмотрена западно-европейской философией. Христианский «сокровенного сердца человек» был переведен еще Декартом в «мыслительную субстанцию», что привело к абсолютизации рассудочного сознания в Европе. Обожествивший себя человеческий разум, оторвавшись от духовного центра захотел заместить собой целое. «Знание – сила» – таков постулат современной цивилизации, отсюда «наивно-горделивая самоуверенность легкости всезнания» (Г. В. Флоровский).

О чем же размышляет Ф. И. Тютчев в стихотворении «Фонтан»? А он задается вопросом, вонзающимся в сознание как «ранящий шип», вопросом мучительным и древним, являющимся глубочайшим человеческим переживанием, – это вопрос о величии и ничтожестве человека. И в качестве аргумента Ф. И. Тютчев берет то богоподобное качество, которое искушает современного человека сильнее всего, – способность к познанию через творческое напряжение мысли. Сам наделенный замечательным умом, он любит мощью, энергией и красотой человеческой мысли. Какой удивительный образ возникает в стихотворении; мысль уподоблена сияющему фонтану, пламенеющему в солнечных лучах и похожему на «огнецветное» живое облако. Это образное представление связано со световыми характеристиками: сияние, пламя, огонь, луч. Огненная энергия мысли устремлена к небу, это

не ползучее эмпирическое мышление, распластанное по горизонтали материального мира. «Как жадно к небу рвешься ты!» – восклицает поэт.

Но, коснувшись «заветной высоты», как бы ударившись о заповеданный предел, фонтан раздробляется в огнецветную пыль, потому что «ниспасть на землю осужден». Всмотревшись, заметим, что низвергающаяся вода сравнивается с влажным дымом, пылью, облаком. А затем следует это горькое тютчевское (общечеловеческое) сетование, подчеркнутое протяжностью начального междометия:

«О смертной мысли водомет,
О водомет неистошимый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремится, тебя мятет?»

На что обратим внимание? В римские времена латинское слово «фонтан» переводилось как ключ, родник, источник. В позднейшие века искусственные фонтаны становятся украшением городского ландшафта. Русское слово водомет обнажает механическую суть изобретения. Итак, фонтан как водомет – механизм. Водомет смертной мысли – рациональный механизм. Позднее, через пятнадцать лет, Ф. И. Тютчев переведет механическое определение мысли в органическое измерение в стихотворении «Волна и дума» (1851).

«Дума за думой, волна за волной, –
Два проявленья стихии одной;
В сердце ли тесном, в безбрежном ли море,
Здесь – в заключении, там – на просторе, –
Тот же всё вечный прибой и отбой,
Тот же всё призрак тревожно-пустой».

Мысль здесь определена как проявление стихии. Слово стихия на древнегреческом языке означает природное первоначало. Движение наших дум уподоблено жизни морской волны, подчиненной физическому закону прилива и отлива. Так и думы, словно психические волны, приходят к нам и уходят в своем собственном прихотливом ритме, изматывая сердце тревожной суетой. Тютчев-философ очертил границы человеческого ума и назвал поток дум пустым призраком, похожим на дым, пыль или облако. И как бы упорно ни стремилась смертная мысль отомкнуть врата небесной тайны, она осуждена на земные пределы:

«Как жадно к небу рвешься ты!
Но длань незримо-роковая,
Твой луч упорный преломляя,
Свергает в брызгах с высоты».

Тютчев-поэт подарил нам пронзительный опыт неустанного человеческого стремления к небу и глубокого мистического трепета, запечатленного в образе «незримо-роковой» длани. Вот комментарий одного из лучших русских богословов XX века: «Человек создан для знания Бога. Но знание это – не то рассудочное знание о Боге, которое, сколь бы ни было оно формально и объективно правильным, все равно остается в пределах и частью знания падшего и раздробленного, обессиленного грехом, утерявшего доступ к сущности познаваемого и потому переставшего быть – встречей, общением, единством».²

Когда-то Дионисий Ареопагит изрек: «Бог существует сверхъестественно и сверхразумно познается»³. Вера, таким образом, превосходит разум, прикоснувшийся к собственной ограниченности. «Самое великое, что бывает между Богом и человеческим сердцем – это любить и быть любимым», – утверждают великие подвижники.

Примечания

- ¹ *Вышеславцев Б. П.* Этика преображенного эроса. М., 1994. С. 271–272.
- ² *Шмеман А., прот.* Евхаристия. Таинство Царства. С. 212
- ³ Мистическое богословие. Киев. 1991. С. 11.

Разумна ли вера, или приключения начинающего апологета в мире скептицизма

Предположим, что молодой человек недавно стал христианином. Ему еще только предстоит узнать, что такое филиокве, и он не имеет большого опыта в спорах со скептически настроенными атеистами. И вот однажды начинающему апологету все же пришлось вступить в интеллектуальный поединок. На этот раз тема зашла о разумности веры. Скептик обвиняет верующего в том, что его вера неразумна, тогда как апологет совсем не стремится с этим соглашаться. Однако он начинает чувствовать, что ему не хватает опыта отстоять свою позицию. Ему повезло — мы с вами ему поможем.

Сперва начинающему апологету следует уточнить, что конкретно скептик понимает под утверждением «вера неразумна». Если окажется, что за этим не стоит ничего конкретного, то наш верующий отделается малой кровью. Однако с более серьезными оппонентами придется тяжелее. Мне представляется, что существует три стратегии обоснования неразумности веры, которых может придерживаться скептик в своей аргументации:

- 1) Вера не совместима с научным познанием.
- 2) Вера не основывается на достаточных свидетельствах.
- 3) Вера в Бога противоречива.

Как можно ответить на эти выпады?

1. Допустим, под неразумностью веры скептик понимает её несовместимость с современной наукой. Скептик утверждает, что наука базируется на отрицании существования сверхъестественных сил. Если бы наука приняла, что существуют сверхъестественные силы, то она никогда бы не достигла такой точности в познании мира. Она бы объясняла природные явления через воздействие, например, духов или богов. Религиозная картина мира, в пик науке, утверждает, что сверхъестественные силы существуют (например, Божий Промысел). Противоречие очевидно, и, кажется, что придется выбрать одно из двух.

Скептик считает, что, выбирая между религиозной картиной мира и научной, любой разумный человек должен выбрать науку. Апологет, таким образом, должен предложить модель, которая позволит совме-

стить науку и религию без противоречий. Для этого ему придется погрузиться в основания науки.

Наука базируется на так называемом натурализме — предположении, что весь мир может быть сведен к физическим процессам. В свою очередь, натурализм может существовать в двух версиях: сильной и слабой. Сильная версия натурализма — это как раз то, что навязывает апологету скептик. Он утверждает, что, кроме физической материи, ничего не существует. Однако следует ли это из естественных наук? Мне представляется, что в данный момент естественные науки не способны познать природу всей реальности с помощью научных методов. Нет такого прибора, который просветил бы всю реальность насквозь, включая возможные нематериальные объекты. Пусть теперь скептик постарается объяснить, каким образом физика может делать метафизические (выходящие за пределы физики) выводы, и где опубликованы эти результаты. Начинаящий апологет может быть спокоен — таких результатов нет.

Предположим, что наш верующий смог убедить скептика в том, что сильная версия натурализма (тезиса о редуцируемости мира к физической материи) не следует из современной науки. Осталось показать, каким образом наука и религия могут сосуществовать без противоречий. В этом ему поможет слабая версия натурализма.

Апологет должен предложить скептику следующее понимание науки: наука фокусируется только на физических закономерностях и не судит о том, состоит ли реальность только из материи, или есть что-то ещё помимо неё. В такой ситуации наука становится инструментом познания физического мира, что не противоречит религиозной позиции, в которой реальность не исчерпывается физической материей. Естественным наукам не обязательно предполагать сводимость всего к физическому, достаточно просто искать физические причины физических явлений, не отрицая существование сверхъестественного. Апологету, кажется, удалось непротиворечиво совместить науку и религию, поэтому будем считать, что этот бой он выиграл. Но противник делает следующий выпад.

2. Теперь скептик утверждает, что нет оснований принимать существование вещей, которые не подтверждаются значимыми свидетельствами. Например, если кто-то утверждает, что на столе стоит чайник, в то время как его там нет (его не видно, его не могут зарегистрировать приборы и т.д.), то почему мы должны принять его существование? Скептик полагает, что в вопросе существования Бога мы сталкиваемся с такой же ситуацией. Нет никаких свидетельств существования Бога (как и чайника на столе), а потому и принимать эту гипотезу всерьез просто неразумно. Наш скептик может даже пойти на риск и заявить, что если бы ему предоставили такие свидетельства, он бы уверовал.

В этой ситуации верующему стоит согласиться со скептиком, но с одним примечанием. Признав, что нет свидетельств в пользу гипотезы о существовании Бога, следует также признать и отсутствие свидетельств против таковой. Иными словами, нет ничего, что свидетельствует против существования Бога. Ситуация с чайником довольно прозрачна: если кто-то утверждает, что чайник будет стоять на столе в 12:30, то нам нужно лишь подойти к столу в 12:30 и проверить наличие чайника на нём. Если оказалось, что чайника нет, то это является свидетельством против утверждения «чайник стоит на столе в 12:30».

В отличие от чайника, Бог не является элементом физической реальности. Именно поэтому невозможно по отношению к Богу говорить о верификации или фальсификации. Нельзя прийти в место, где предположительно находится Бог, и проверить, есть он там или нет. Нельзя также найти какие-то свидетельства в мире, на основании которых можно было бы заключить, что Бога нет. Гипотеза существования Бога в этом смысле не является научной, так как невозможно проверить её истинность научными инструментами. Для верующего же принципиальным моментом является то, что невозможно на основании науки делать утверждения о том, что лежит за её пределами, будь то Бог или ничто. Атеизм не более предпочтителен, чем теизм.

Позиция скептика основывалась на том, что в философской литературе называется «презумпция атеизма». Согласно этой презумпции Бога не существует по умолчанию. Следовательно, если нет убедительных доказательств в пользу его существования, то его не существует. Однако, нет весомых оснований для принятия этой презумпции, и скептику нужно сразу же на это указать.

В конечном счете мы получим следующее: скептик не может опровергнуть существование Бога, а апологет не может его доказать. Их позиции являются равноправными, а потому ни одна из них не является более обоснованной. Позиция апологета в этой ситуации, как минимум, так же рациональна, как и позиция скептика.

Скептик, скорее всего, возразит, что точно так же он может предположить существование чайника, который летает вокруг Марса. Чайник настолько мал, что его никто не может зарегистрировать и не сможет никогда в будущем. Как и в случае с Богом, у нас не хватает свидетельств для доказательства или опровержения этого тезиса, но будем ли мы относиться к этой гипотезе всерьез? Конечно нет, и верующему следует с этим согласиться, но опять же, с одной оговоркой. Для нас абсолютно не имеет значения, существует ли такой чайник или нет, но существование Бога — принципиальный вопрос. Тут задействованы слишком высокие ставки, если использовать терминологию Б. Паскаля.

Однако вопрос все еще остается очень сложным. Допустим, летающий вокруг Марса чайник пообещал (разумеется, через своих пророков), что если кто-то поверит в его существование, то после смерти этого человека его родственникам выдадут по миллиону долларов. Тогда вопрос о существовании чайника становится более значимым. Скептик утверждает, что такой чайник уже мало чем отличается от Богов из других откровений (христианства, зороастризма, индуизма и т. д.). Чайникизм действительно становится одной из альтернатив, просто не самой убедительной. Такой мысленный эксперимент обнажает проблему выбора религиозной принадлежности. Чем буддизм или атеизм лучше чайникизма? Если выбор убеждений подобного рода не основан на свидетельствах, не будет ли разумнее отказаться от всякого выбора?

Именно так и должен поступить настоящий скептик. Ему уже не представляется, что атеизм лучше (как ему казалось), чем христианство или чайникизм, — презумпция атеизма была разоблачена, и свидетельств в пользу атеизма тоже нет. Остается лишь воздерживаться от выбора, чтобы не допустить ошибки, но тут встает уже исключительно этический вопрос. Что лучше: воздержаться от выбора из страха совершить ошибку, или начать поиск и сделать выбор с надеждой попасть в цель? Ведь вовсе не исключено, что какая-то из альтернатив окажется истинной. Так или иначе скептик не может винить верующего в том, что он выбрал надежду вместо страха. Позиция апологета остается, как минимум, настолько же рациональной, как и позиция скептика, а быть может, в чем-то даже более благородной.

3. Апологет вступает в последнюю битву. Теперь скептик обвиняет его в том, что он верит во внутренне противоречивые вещи, а это совершенно неразумно. Скептик утверждает, что понятие «Бог» не имеет смысла. Например, он может упомянуть знаменитый парадокс всемогущества: может ли Бог создать камень, который Он не сможет поднять? Оба ответа (да/нет) ведут к тому, что Бог не всемогущ. Таким образом, всемогущество подразумевает отсутствие всемогущества, что является логическим противоречием. Это означает, что понятие не имеет смысла, и поэтому не может ничего означать.

Существуют и возражения против такого вывода. Например, некоторые философы утверждают, что противоречиво не понятие всемогущества, но сама постановка вопроса. Верующий может сказать, что задача, которая ставится Богу в парадоксе, равносильна задаче создать квадратный треугольник. Сама задача не имеет смысла, а потому не может быть выполнена. Но этот контраргумент разделяют не все, и весьма справедливо. Что делать, если понятие «Бог» покажется скептику противоречивым даже после интеллектуальных усилий нашего апологета?

Уже немного опытному апологету снова придется частично согласиться со скептиком. Бог, который определяется философами как максимально совершенное существо, имеет такие противоречивые и трудно совместимые свойства как всемогущество, всеблагость, всеведение и т. д. Но это лишь Бог философов. Из нашей неспособности понять природу Бога не следует, что понятие не имеет смысла.

Когда люди не знали, что вода есть H_2O , они все равно называли её водой. По большому счету, чтобы пить воду, не нужно знать, является она H_2O или нет. Апологет должен сказать, что понятие Бог просто отсылает к реальному Богу, как понятие воды отсылает к реальной воде. Значение, в данном случае, заключено не во внутренней структуре понятия «Бог», но в том, на что указывает понятие. Понятие «Бог» в таком случае обладает содержанием, но берет этот ресурс из внешнего мира. Апологет скажет скептику, что возможно мы и не знаем устройство Бога, но в этом нет никакой проблемы — это нормально. Думаю, что уставшему скептику уже будет нечего возразить по существу.

Верующий с нашей помощью довольно успешно отбил от нападок скептика. Надеюсь, что и скептик в результате немного глубже понял свою позицию. Мне кажется, что если нечто представляется слишком очевидным, то где-то определенно затаилась ошибка, или был совершен поспешный вывод. Отчасти этим страдает современная атеистическая философия, а особенно атеистическая философия бытового уровня. Простые люди порой более уверены в «истине» атеизма, чем философы, которые потратили свои жизни на его глубокое осмысление. Я считаю, что каждый человек должен испытывать свои убеждения на прочность. Это поможет человеку понять, действительно ли он их выбирал, и действительно ли его устраивает этот выбор.

Библиографический список:

- Мюррей М., Рей М.* Введение в философию религии. Москва, 2010.
- Amesbury, Richard*, «Fideism», The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2016 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = <<https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/fideism/>>.
- Bishop, John*. Believing by faith: An essay in the epistemology and ethics of religious belief. Oxford University Press, 2007.
- Forrest, Peter*, “The Epistemology of Religion”, The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2014 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = <<https://plato.stanford.edu/archives/spr2014/entries/religion-epistemology/>>.
- James, William*. The will to believe: And other essays in popular philosophy. Longmans, Green, and Company, 1896.
- Plantinga, Alvin, Wolterstorff, Nicholas*. Faith and rationality: Reason and belief in God. University of Notre Dame Press, 1983.

З. Н. Лемякина

Неузнанной вернусь еще я к вам...

И знаю, будет долгая разлука,
Неузнанной вернусь еще я к вам...

«Руфь», 1916

Знакомство с темой матери Марии – монахини Марии (Скобцовой), погибшей в концлагере Равенсбрюк в 1945 г., состоялось осенью 1976 года. В наш, тогда еще историко-краеведческий, музей неожиданным образом попала небольшая повесть Е. Микулиной «Мать Мария», опубликованная в 1973 году в Казахстане, в альманахе «Простор». (Это уже спустя годы она была дополнена и переиздана в Москве, в издательстве «Правда»). В повести о матери Марии излагались и хорошо известные нам события, происходившие в Анапе в 1917-18 годах. Альманах с повестью, изданной в Казахстане, по воле случая передала в музей жившая в Геленджике анапчанка, дочь Петра Разумихина. Ее отец погиб вместе с председателем ревкома, большевиком П. И. Протаповым, 16 апреля 1918 года... Узнаваемость описанных в повести подлинных событий и имен была полная.

А значимость этим первым сведениям, как по форме так и по существу, придавал тот факт, что свидетельство о связи имени монахини Марии с Елизаветой Юрьевной Кузьминой-Караваевой (урожденной Пиленко), как эстафету из первых уст, принесла в музей (спустя пятьдесят восемь лет после известных событий!) дочь, родившаяся в 1918 году в семье П. Разумихина, соратника П. И. Протапова, имя которого увековечено в городе Анапе.

Вскоре, в сентябре 1977 года, в Литературной газете была опубликована статья Евгения Богата «История одной любви». В теме, избранной журналистом и повествующей о бесконечно высоких чувствах Елизаветы Юрьевны к А. Блоку. Е. Богат опубликовал тогда сокровенное – письма Елизаветы Юрьевны к Александру Блоку, в том числе и письма из Анапы и Джемете. И именно это стало для многих как бы важнейшим событием в жизни Елизаветы Юрьевны той поры – для тех, кто соприкасался с её биографией или изучал ее впервые, – «она любила Блока».

К сожалению, до нас в то время не дошла статья Игоря Александровича Кривошеина (опубликованная в газете Московской патриархии в 1972 г.) о деятельности в годы войны в Париже Лурмельского комитета. Материал содержал важнейшую документальную информацию из первых уст участника французского антифашистского движения Сопротивления об участии матери Марии в этом движении и ее гибели в концлагере.

Впрочем, не дошли до нас в ту пору и публикации других авторов.

Монахиня Мария возникла в анапском музее из мнимого небытия, как бы затерявшаяся в чужом краю и забытая в родном, родственница из далекого прошлого...

Хотелось найти подтверждения и этому родству, и этой теме в архивах и материалах музея, но, кроме фамилии Пиленко, известной по истории землепользования в нашем районе в XIX-XX в.в., больше ничего тогда обнаружить не удалось. Это стало для нас неожиданностью и породило неясные сомнения...

А она, Елизавета Юрьевна, как оказалось, еще в недалеком прошлом (в 1915-16 годах) почти пророчески писала в своей поэтической книге «Руфь», словно бы обращаясь к нам:

И знаю, будет долгая разлука;
 Неузнанной вернусь еще я к вам.
 Так, верю: не услышите вы стука
 И НЕ ПОВЕРИТЕ СЛОВАМ.

Официальное признание темы в полном объеме – поэтесса, эсерка, эмигрантка, наконец, монахиня... в те времена сдерживалось идеологическими шорами. Как много опасений было вплоть до награждения ее в 1985 году, в сорокалетнюю годовщину победы над фашизмом, орденом Отечественной войны II степени за участие во французском антифашистском движении Сопротивления, посмертно!

Продолжение нашего знакомства с этой темой неожиданно произошло в 1978 году. В летнюю пору на отдых в Анапу приехала актриса Минской филармонии Лидия Васильевна Маркалева. Встреча с ней и определила для нас некоторые ориентиры. Однако, возвращаясь к тем годам, невольно возвращаешься и к тому осязаемому противодействию, которым сопровождался приход матери Марии на Анапскую землю. Та же встреча с Л.В. Маркалевой обозначилась этим сопротивлением, если не сказать – негласным запрещением.

В кабинет директора нашего музея на улице Протапова пришла довольно яркая женщина в весьма возбужденном состоянии. Представившись, она неожиданно спросила в почти утвердительном тоне: «Вы, конечно же, знаете о монахине матери Марии, жизнь которой связана с Анапой?». Получив подтверждение (спасибо дочери Петра Разумихи-

на, познакомившей нас с повестью о матери Марии!), она продолжала: «Так вот, мою авторскую литературно-биографическую композицию о матери Марии, которую я исполняю со сцены в Минске и по линии общества Знание, в Анапском горкоме отказались принять! У них, видите ли, своих лекторов хватает!». И она с возмущением воскликнула: «Как можно, ведь она ваша и надо, чтобы о ней знали все в городе! Надеюсь, вы не откажетесь встретиться со мной. Я собирала материал о монахине Марии, о поэтессе Елизавете Юрьевне Кузьминой-Каравасовой, и вам это будет интересно». (Актриса Л. В. Маркалева, как оказалось впоследствии, работала над темой как профессионал, в чем мы убедились не раз).

Я с готовностью согласилась, не подозревая, какой знаковой станет и эта встреча, и тот вечер, который мы решили провести в музее.

Примечание. Март 2005 года.

Много лет спустя, когда музей готовился проводить большой вечер памяти монахини Марии в центре народной культуры Анапы, и мы писали сценарий устного журнала по теме «Крестом отмеченные латы», а репетировали в археологическом отделе на Набережной 4, на заповеднике Горгиппия, произошел небольшой эпизод, запомнившийся мне своей неожиданностью и маленькой Нечаянной радостью. Тогда, для создания музыкального сценария, музей решил пригласить директора музыкальной школы, музыковеда с консерваторским образованием, блестящего ведущего музыкальных вечеров (петербургская школа) – Анну Г. Она помогла нам справиться с музыкальной частью вечера и, познакомившись со сценарием, согласилась быть ведущей, глубоко и трепетно осознав исключительность судьбы и трагической гибели монахини Марии. В один из вечеров в музее, когда мы собрались на репетицию, она рассказала мне сон, приснившийся ей. Во сне монахиня Мария в своем длинном темном облачении быстро шла с двумя спутниками по улице рядом с археологическим заповедником и рассказывала об исторических зданиях разного времени, называя и указывая их. Они очень спешили, полы ее одежды развевались то ли от скорости, то ли от ветра... Для меня этот рассказ был неожиданностью, впрочем, как и то, что А. А. Г. на проведение вечера памяти матери Марии спросила благословения у священника отца Виктора (Полянкина), благочинного и настоятеля храма Святого Онуфрия Великого – храма, прихожанкой которого некогда была и Елизавета Юрьевна, храма, в хоре которого по церковным праздникам ныне поет А. А. Г.

У этой истории есть продолжение, о котором я расскажу немного позже.

Первый вечер в музее

И, помню, сказала я: «Где же другую
Найдешь ты, зажженную кровью зари...»

*Е. Ю. Кузьмина-Караваева,
«Скифские черепки», 1912 г.*

Прежде всего, встречу сотрудников, друзей и почитателей музейного духа в культурной жизни города решили провести не в основном в то время здании краеведения, а на Набережной, в здании с недавно созданной экспозицией на археологическом заповеднике Горгишия, причем в зале античной керамики. Именно это совершенно практическое решение вызвало тогда неожиданный, нам тогда еще не понятный, восторг актрисы: «Ах, наш вечер о поэтессе будет проходить в «скифских черепках»!» Первое созвучие темы встречи, места и образа древней родины в поэтической книге Елизаветы Юрьевны «Скифские черепки» – вот он, первый знак родства, анапской сути в творчестве и жизни матери Марии. На него сразу обратила внимание актриса Л. В. Маркалева.

В памяти сохранились многие детали этой первой встречи памяти Матери Марии.

Освещение в небольшом зале, где, по просьбе актрисы, мы зажгли свечи, чтобы поддержать свет угасающего вечера и создать настроение, сливалось с отсветом уходящего за горизонт солнца. В окнах, выходящих на северо-запад, к морю, постепенно заалела вечерняя заря, расплывшаяся над морем.

«Распростерты зори» объединили светлую и трогательную тему детства, юности и любви к Александру Блоку, – в первом отделении, и самоотверженность подвига и трагическую гибель матери Марии – во втором. Полуторачасовой сценический монолог – действие Лидии Васильевны, одетой в длинное белое кружевное платье в первой части и в глухое длинное черное платье – во второй, объединил разгоревшийся в окнах алый свет вечерней зари над морем, тревожный, как огненный знак жизни и огнепального ее конца. Этот алый фон вторгался в наше постижение значимости судьбы невольно, завораживая силой света. Мы были покорены.

Конечно, после этой встречи и блистательного монолога актрисы Л. В. Маркалевой интерес к судьбе матери Марии в Анапском музее стал живым. В жизнь музея вошли поэзия и любовь Елизаветы Юрьевны, трагедия войны и подвиг матери Марии, жившей когда-то на нашей земле, где «отражает прибой распростерты зори»...

Так, в первый раз, спустя десятилетия, мать Мария пришла в этот зал и в этот дом. Как выяснилось позднее, в нем Елизавета Юрьевна бывала довольно часто в начале прошлого века. Мы узнали об этом спустя годы, когда уже были открыты сначала выставки, а потом и мемориальная экспозиция « Возвращение на родину» (в этом же доме). Мы открывали этот зал вступительными строчками из ее стихов, избранными нами при ее негласном согласии, в октябре 1999 года:

Принимаю с любовью мой дом
 За зеленой оградой сада.
 Потому что я знаю – так надо,
 Чтобы все сочеталось в одном.

Фамильный портрет Елизаветы Пиленко

С актрисой из Белоруссии мы подружились надолго.

Тогда же, в 1978 году, возникло вполне понятное желание увидеть портрет монахини Марии. Какая она была? Лидия Васильевна могла лишь частично удовлетворить это желание. С нею была афиша для рекламы концерта-монолога, на которой был отпечатан портрет матери Марии в профиль. Впрочем, это был портрет, как мы узнали позже, не монахини Марии, а Елизаветы Юрьевны. Портрет был очень скуп не только на детали, но и в передаче образа – то ли молодая поэтесса, то ли молодая монахиня... Как мало мы тогда знали о ней.

Л. В. Маркалева обещала в следующий приезд привезти копии фотографий, стихов, писем, статей. Она выполнила свое обещание и привезла музею два общих снимка – копии фотографий гимназической поры, свои рабочие записи. Сотрудницы музея по очереди переписывали отдельные стихи, письма, очерк Елизаветы Юрьевны. (Они до сих пор в архиве музея.)

А вот с портретом все было зыбко. На афише он казался незаконченным. И хотя актриса уверяла, что для клише афиши портрет был выполнен профессиональным художником в Минске, типографская распечатка рождала чувство какой-то недостоверности или незавершенности.

В памяти остался рассказ, а точнее упоминание Л. В. Маркалевой, что копия этого портрета делалась художником из Минска по фотографии парного портрета, на котором Елизавета Юрьевна была изображена вдвоем (то ли с братом, то ли с мужем?), и взят он был из книги, изданной за рубежом. Вспомнилась и немаловажная деталь, – это

упоминание Лидии Васильевны, что есть не уточненные данные о том, что это ее «автопортрет»... Тогда мы и не предполагали насколько верным может быть это упоминание, так как не ведали, что она – будущая мать Мария, а тогда еще Елизавета Юрьевна, – была не только поэтом, но и художником.

Годы спустя, нам довелось увидеть эту фотографию парного портрета, на котором Елизавета Юрьевна изображена в профиль с братом Дмитрием Юрьевичем Пиленко. Фотография из книги о Матери Марии на французском языке, (зарубежное издание, автор Стратон Смит) была размещена в круге. Возможно, парный портрет создавался для домашнего семейного уголка.

Л. В. Маркалева привезла и подарила музею рисунок, выполненный минским художником для афиши – профильный портрет Елизаветы Юрьевны, копию с фотографии в книге, без второго профиля – брата Дмитрия, и без овала или круга, как это было на репродукции в книге. Поэтому, по-видимому, он и казался незаконченным, особенно на афише.

Для нас это был первый ее портрет, увиденный в музее в 1978 году и пришедший к нам в Анапу в начале пути возвращения ее на родину (ведь архив семьи из рода Пиленко, рода, из которого она происходила, здесь «рассыпался во времени», а архив монахини Марии – остался за рубежом).

Согласитесь, что изначально существует в этом портрете некая загадка в заданной форме изображения – два профиля в круге. Он значителен по замыслу. Ускользающая значимость, которая чудится в нем, ассоциируется невольно с античными древнеримскими парными изображениями царствующих особ на монетах, геммах и т.д. Возникал вопрос: откуда мог возникнуть этот, в своем роде, канонический прием?

В наших экспозициях и выставках мы все-таки долго не решались использовать этот портрет, пытаясь найти ответ на наши сомнения.

Эта история получила неожиданное продолжение. И связано оно оказалось с русским зарубежьем, а именно – с Францией, где сохранились архивы матери Марии и был впервые в шестидесятые годы, после войны, опубликован парный портрет сестры и брата Пиленко, когда в Союзе еще мало знали о судьбе монахини матери Марии (Скобцовой), кроме сведений общего характера...

В октябре 2001 года в Анапу на конференцию памяти матери Марии из Франции приехали ее близкие родственники – троюродный брат Сергей Владимирович Пиленко и его племянница Даниель Вернье, тоже урожденная Пиленко.

Небольшое уточнение родственных связей: Сергей Владимирович Пиленко родился в Анапе 17 (3 октября ст. ст.) 1914 года. А 18 октября

Елизавета Юрьевна здесь, в Анапе, в храме Святого Онуфрия Великого, крестила свою дочь Гаиану, и восприемником ее при крещении был отец Сергея – Владимир Илларионович Пиленко, двоюродный дядя Елизаветы Юрьевны...

Приехав на конференцию, Сергей Владимирович передал музею целый ряд фотографий и копии документов, подготовленных им к поездке на родину. Среди них были копии воспоминаний С. Б. Пиленко – мамы Елизаветы Юрьевны и ксерокопия книги Стратона Смита (другого издания). Передавая копию книги, он сказал: «Я считаю, что это лучшая биографическая книга о жизни Елизаветы Юрьевны. Жаль, что она не переведена на русский язык. Может быть, когда-нибудь...». (В фонде музея уже была книга этого автора, упомянутая выше).

Сергей Владимирович Пиленко и сам не подозревал, что в материалах, переданных музеем, он вручил нам ключ к отгадке замысла парного портрета брата и сестры Пиленко. Он таился не в ксерокопии книги на французском языке, а в воспоминаниях мамы матери Марии – С. Б. Пиленко и касался ее родословной («Мои воспоминания» Часть 1. Париж, 1955 г.).

В папке с документами оказалась и редчайшая фотография, имеющая отношение к ее воспоминаниям, с пометками на французском языке, сделанными от руки.

Софья Борисовна Пиленко, урожденная Делоне (1863-1962 г.г.), по материнской линии была из рода Дмитриевых-Мамоновых. Вот что, в частности, она пишет о своей матери – Софье Александровне, родной бабушке Лизы Пиленко:

«Мама была из очень аристократической семьи Рюриковичей. В гербе Дмитриевых Мамоновых был ангел – Киевский герб и птица на пушке – Смоленский. Один из прадедов маминоного отца был женат на царевне Прасковье Ивановне, родной племяннице Петра Великого и сестры императрицы Анны Иоанновны».

Опуская удивительные истории из жизни многочисленных именных предков Софьи Борисовны, обратимся к ее памяти о бабушке Лизы Пиленко: «Когда я вышла замуж, мама жила с нами, ей многие говорили: «Напрасно вы едете к молодоженам», но мама не боялась, а когда у меня родилась дочь (Лиза – авт.), то мой муж (Юрий Дмитриевич Пиленко – авт.) говорил мне: «Ты не сердись, ты знаешь как я тебя люблю, как я люблю мою мать и сестер, но я молюсь, чтобы наша дочка была похожа на твою мать».

В воспоминаниях Софьи Борисовны излагается история уникальных реликвий, которыми владели предки и судьба которых тесно связана с историческими событиями России. Особое место среди них занимали портреты:

«...И от мамы, и от тети (Елизаветы Александровны, в замужестве Яфимович, – крестной матери Лизы Пиленко – авт.) у меня было много портретов» – пишет Софья Борисовна, – «...самые старинные генерал-прокурора Ягужинского, Марии И. Нарышкиной – это миниатюра знаменитого Боля и др. все исторические. Незадолго до революции в Петербург приезжал художник и знаток искусств Дени Рош. Одна из моих знакомых привела его ко мне, зная, что у меня много замечательных вещей. Он особенно восхитился миниатюрами и попросил их сфотографировать».

История эта продолжилась уже в эмиграции, во Франции. Софья Борисовна продолжает именно ее: «И вот здесь, в Париже она (знакомая – авт.) привезла мне от него фотографии их. Это, конечно, не то, что миниатюры, но все-таки я рада, что они у меня есть, признательна и знакомой и Дени Рошу». (Воспоминания, стр. 23).

(Рассказывая о судьбе некоторых миниатюр, семейных реликвий, Софья Борисовна вспоминала, когда и кому она передавала их, или дарили родственники кому-то в давние времена, и очень надеялась на то, что некоторые, переданные во дворец в Петербурге, «сохранились, в частных руках они были бы отобраны и проданы за границу...»).

На фотокопии снимка, сделанного французским художником Дени Рош в России в начале прошлого века, и попавшего от Сергея Пиленко в мемориальный фонд матери Марии в Анапском музее в октябре 2001 года, оказались фотографии миниатюр – портреты целой плеяды исторических личностей. Девять миниатюр – три женских портрета, а остальные мужские, в том числе Дмитриевы-Мамоновы, Каменские, М. И. Нарышкина, Яфимовичи, П. И. Ягужинский. Некоторые из портретов-миниатюр размещены в овале, но все они собраны на одном бронзовом или латунном панно в форме круга.

На лицевой стороне фотографии, под изображением панно с миниатюрами сделана общая надпись на французском языке о том, что это родословная Софьи Борисовны Делоне, из рода медика французской армии, относящегося к 1912 г. и о том, что хранится панно с родословной в Петербурге...

Так неожиданно мы, кажется, пришли к искомому прообразу, вдохновившему когда-то Елизавету Юрьевну к подобному изображению в виде фамильного портрета представителей рода Пиленко – брата и сестры, изображенных вместе в круге, как миниатюры на латунном круге-панно. У брата и сестры была не только одна фамилия, но и отчество по имени их отца Юрия. (Елизавета Юрьевна с детства очень любила своего отца, рано ушедшего из жизни. И весь народ, живущий на земле Гостагая (читай Анапы) в житийно-философской повести «Юрали» (1915 г.), она называла «юралынами»).

После смерти отца – Юрия Дмитриевича Пиленко (1857-1906 г.г.) наследниками этой ветви, вообще-то многочисленного рода Пиленко, остались дочь Елизавета и сын Дмитрий, младший в семье и названный в честь деда – генерал-адъютанта в отставке Дмитрия Васильевича Пиленко. Возможно, в начале первой мировой войны, на которую брат Елизаветы Юрьевны, студент юридического факультета, уходил добровольцем в 1914 году, и возникла идея создания парного портрета... рода Пиленко-«Юралиных». Именно тогда вся небольшая семья Ю. Д. Пиленко ездила в Петербург проводить сына и брата. На сохранившейся общей памятной фотографии, где Дмитрий Пиленко в военной форме и с оружием, совсем еще маленькая Гаиана на руках ее няни Фроси рядом со стоящей Елизаветой Юрьевной. Софья Борисовна и Дмитрий сидят перед ними.

За участие в боях на фронте первой мировой войны Дмитрий Пиленко был награжден Георгиевским крестом. Он приезжал домой в Анапу после награды ненадолго. В условиях начавшейся гражданской войны в 1918 году он вернется в Анапу, и в период отступления деникинских войск, в Крыму, в апреле 1920 года, будучи в их составе, Георгиевский кавалер Дмитрий Юрьевич Пиленко погибнет от тифа.

Думается, что фамильный рисованный автопортрет сестры с братом Пиленко, единственный в своем роде, был создан Елизаветой Юрьевной перед началом бурных событий 1914-20 годов. Он, возможно, был первым и последним.

В 1921 году сына своего Елизавета Юрьевна назовет по имени своего отца – Юрием. Находясь в эмиграции в Париже во время второй мировой войны, в феврале 1943 года он будет арестован и погибнет в концлагере Дора в феврале 1944 года. Ее сын Юрий – по крещению Георгий Скобцов и монахиня Мария (Скобцова) будут причислены к лику мучеников в январе 2004 года...

(Это важные штрихи к вопросу осознания родословной по линии Пиленко, и они подтверждаются Елизаветой Юрьевной, создавшей этот рисованный портрет).

Поиск подлинника парного портрета брата и сестры Пиленко не закончен. Отвечая на наш запрос, живущая в Германии дочь священника о. Дмитрия Клепинина Елена Дмитриевна Клепинина-Аржаковская, у которой хранится часть архива матери Марии, тоже сослалась на книгу Страгона Смита...

Исследователь и биограф жизни матери Марии петербуржец А. Н. Шустов подтвердил со слов одной знакомой (Пиленко или Делоне) в Петербурге, что она видела такой парный портрет у петербургских родственников Софии Борисовны в очень давнюю пору... А может быть, портрет еще цел?

В музей копиями экземпляры автопортрета, фамильного по замыслу, пришел первым (и теперь уже надолго), он вернулся в Анапу, где проживала многочисленная ветвь рода Пиленко, оставив на этой земле немало добрых дел и памятных знаков, проступающих на фоне событий, связанных с историей этой земли.

Следует отметить, что первыми подлинными мемориальными экспонатами, пришедшими в анапский музей, стали две поэтические книги Елизаветы Юрьевны Кузьминой-Караваевой анапского периода ее жизни: «Скифские черепки» (1912 г.) и «Руфь» (1916 г.). На обоих сборниках характерный дарственный автограф – «Пиленко». Их подарила актриса Лидия Васильевна Маркалева, приглашенная музеем на открытие памятного знака Матери Марии в Анапе к столетию со дня ее рождения – 8 декабря (21 по н. ст.) 1991 года.

Возвращение матери Марии на родину «заверено» ее подписью – «Елизавета Пиленко». Эти книги с автографом хотелось бы назвать «рукотворным присутствием» ее автора. Так сказал бы, возможно, священник Николай Чернокрак, настоятель храма Серафима Саровского и Покрова Пресвятой Богородицы в Париже, где хранятся иконы работы монахини Марии из домового церкви Покрова Пресвятой Богородицы при бывшем приюте на улице Лурмель. Там, в храме Серафима Саровского в Париже, эти иконы – как «рукотворное присутствие» монахини Марии, священник называет чудом. Для нас – и обозначенный автопортрет, и книги с ее автографом к столетию со дня рождения Елизаветы Юрьевны, и другие события, происходившие вначале нашего постижения жизни монахини Марии на анапской земле, в музее, открывались под знаком Нечаянной радости...

Нечаянная Радость

На одной из многих встреч в клубе «Ветеран», куда меня пригласили на занятие, проводимое старостой группы для прихожан храма Святого Онуфрия, произошло событие, запомнившееся надолго. Музей пригласили, видимо, потому, что занятие совпало с днем рождения матери Марии – 21 декабря, и я намеревалась рассказать об анапском периоде ее жизни, то есть, детстве, юности и событиях 1917-18 годов. Программы всей встречи я не знала... Однако, староста Светлана Гундаренко уточнила перед началом занятия, что просит меня сделать акцент на монашестве. Я наскоро перестроилась и решила, что начну рассказ очень значительными для Елизаветы Юрьевны, избранными ею в начале жизни и раскрывшимися позже, уже в монашеском подвижничестве в эмиграции, провидческими строками ее любимого Алексан-

дра Блока. Это строчки из эпитафии к главе «Последние дни» в сборнике «Руфь» (1916 год). Мне пришлось зачитать эти строки с листа, чтобы не исказить смысл:

...И не постигнешь синего Ока
Пока не станешь сам, как стезя.
Пока такой же нищий не будешь,
Не ляжешь, истоптан, в глухой овраг,
Обо всем не забудешь, и всего не разлюбишь
И не поблекнешь, как мертвый знак.

И далее я уточняю по своей записи, да и для того, чтобы не приняли за ее стихи: «Александр Блок. Из цикла «Нечаянная радость». Закончив свой небольшой рассказ о подвижничестве, монашестве в эмиграции, сажусь, с сознанием, что справилась, кажется, вполне. А ведущая – Светлана Г. продолжает занятие: «Сейчас, когда мы с вами собрались в этом зале, в храме служат молебен иконе Богородицы «Нечаянная Радость», и я расскажу вам об этой иконе и об истории, связанной с ней». Она ставит маленькую икону и продолжает рассказ, уточнив, что день этой иконы отмечается завтра – 22 декабря. Я замерла от неожиданности и совпадения начала моего рассказа и осознания Нечаянной Радости, пришедшей на эту встречу. Это поняла и ведущая встречи в день рождения Елизаветы Юрьевны 21 декабря (8 декабря по ст.ст.).

Так, ненамеренной строкой и сутью, Нечаянной Радостью, но теперь уже надолго, нить наших поисков и открытий связалась с днем иконы Божией Матери «Нечаянная Радость», отмечаемой 9 декабря по старому стилю.

ОБРАЗА

Покров Пресвятой Богородицы.

В самом конце 1998 года, перед началом намеченных работ по созданию и оформлению экспозиции о матери Марии, наш зал отдали под временную выставку изделий из янтаря, привезенную из Прибалтики, из Калининграда. Это казалось несправедливым, так как мы почти три года ждали освобождения зала. Работа снова откладывалась на два месяца.

В это же время в самый канун 1999 года в музей пришли двое мужчин с несколько необычным для нас предложением. Они принесли в музей небольшую икону, исполненную в рельефе на бронзе (очевидно одна из створок бронзового складня со следами цветной эмали) и предлагали ее купить.

Бронзовый образок с изображением Богородицы с распростертыми руками смотрелся, на первый взгляд, как икона Покрова Пресвятой Богородицы. Тема эта очень важная в жизни матери Марии и связана с возвращением ее на родину в Анапу. Еще в октябре 1998 года, в день Покрова, мы решили, что в будущей экспозиции о матери Марии главным экспонатом должна стать, подлинная старинная икона Покрова Богородицы, как знак Родины. Тем более, что в эмиграции, в приюте, созданном ею в Париже на улице Лурмель, была открыта домовая церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы.

В храме Святого Онуфрия в Анапе, куда мы обратились за консультацией по поводу бронзовой иконы, вначале ее тоже приняли за икону Покрова, но, присмотревшись к строчкам вверху иконы, прочли – «Богородица всех скорбящих Радости...»

Тема безусловная, по точности ее приложения к трагедии русского зарубежья, исхода из России в роковые годы скорби и надежды на защиту Богородицы.

Однако 30 декабря наше стремление пробрести эту икону натолкнулось на неразрешимое в тот момент препятствие. У людей, надеявшихся получить очень скромную сумму, не оказалось никаких документов при себе (они, по их словам, были из пригорода Анапы). Все сразу же распалось. Мы были огорчены, так как не надеялись на продолжение этой ситуации в канун нового года.

Какова же была наша радость, когда через две недели, 13 января 1999 г. они прислали женщину с паспортом и иконой. Икона-образок Богородицы Всех скорбящих Радости стала первым приобретением на пути создания мемориальной экспозиции.

С этой иконы начался приход в музей икон, чего не было прежде в музее в таком количестве и в такой последовательности, не планировалось это и планом будущей экспозиции. Иконы приходили одна за другой в январе, феврале, марте 1999 г. и далее. И пусть вам это не покажется надуманным, но спустя три года, когда мемориальная экспозиция была уже открыта, в книге священника отца Сергия Гаккеля мы встретили объяснение этому «пришествию». У наших икон, как оказалось, была особая знаковая роль в духовной жизни Матери Марии, проявлявшаяся для нас по мере постижения мемориальной темы. Стало возникать и продолжало утверждаться осознание незримой связи происходящего сегодня с событиями прошлого в сути или в духе, как говорится. Понятие случайности прихода этих икон к началу построения и в ходе создания экспозиции о матери Марии, постепенно стало заменяться пониманием безусловной необходимости этих икон для мемориальной экспозиции. Оно было нашим неожиданным открыве-

нием, данным нам в силу соучастия в воссоздании духовной жизни подвижницы, была ответом на происходившее. Мы учились видеть, слышать и понимать. Не сразу.

«Бодрствуйте, молитесь обо мне все, держащие души моей осколок...» – писала Елизавета Юрьевна в «Руфи» в 1916 году.

Воздвижение Креста Господня

Особенно запомнился приход иконы «Воздвижение Креста Господня». С первых дней марта к нам в музей зачастила москвичка, сотрудница музея при Крутицком подворье. Она была хорошо знакома с историей иконописи, а к нам расположилась не столько из-за археологии, сколь из-за строящейся экспозиции о матери Марии, что было ей близко по духу. В один из ее приходов в кабинет вошли двое молодых предпринимателей (так они представились), и предложили нам три иконы, объяснив, что им срочно нужны деньги в сумме нескольких тысяч рублей. Одна из икон – «Въезд Господа в Иерусалим», была работы грузинских иконописцев, в золоченой раме. Очень красивая и дорогая, по-видимому. Вторая – «Богородица Умиление». И, наконец, третья – на доске, без оклада и рамы – «Воздвижение Креста Господня». Мы ахнули. Подлинность и ценность этих икон нам сразу же подтвердила московская гостья, причем она почему-то стала сразу же говорить о третьей иконе, о том, что это большая редкость. Но и мы как-то почувствовали, что нам нужна именно эта икона для темы матери Марии.

Больших денег на покупку у нас не было, а продавать одну икону они не собирались, ссылаясь на нужду в деньгах, и не оценивали их отдельно каждую. Посетовав на обстоятельства, мы возвратили иконы владельцам, задержав третью икону. И прощаясь, почти ни на что не надеясь (они собирались проскочить в Новороссийск), я подошла к ним с этой иконой и, потому что не было сил ее просто отдать, завершила встречу неожиданной для самой себя просьбой, почти мольбой. Я просила, в случае их неудачи с продажей, никому не отдавать икону «Воздвижение Креста Господня», а вернуть ее нам. Я обещала заплатить свои личные деньги... Сумма, которая следовала за этими словами, была в минимальных, не соответствующих для них размерах. Это понимали и мы, и продавцы. Они уехали...

А через два дня, вернувшись в чужую для них Анапу, они передали директору эту икону, получив за нее условную плату... то есть, практически, подарили ее музею.

Вечером следующего дня мне пришлось говорить по телефону со старостой Св.-Онуфриевского храма Светланой Гундаренко по поводу

книги митрополита Антония Сурожского. Не удержавшись, я рассказала о том, что к нам пришла икона «Воздвижение Креста Господня». Светлана не удивилась, а как-то задумчиво сказала: «Неделя-то какая сейчас идет по календарю пасхального поста?...» И сама себе ответила: «Крестопоклонная».

А в 1935 году во Франции, в день иконы «Воздвижение Креста Господня» – 27 сентября, получило благословение создаваемое общественное христианское объединение социального назначения для служения бедствующим, получившее название «Православное дело». Литургию в церкви Покрова Богородицы при приюте матери Марии на улице Лурмель служил протоиерей Сергей Булгаков. Митрополит Евлогий согласился стать почетным председателем. Мать Мария была и организатором, и председателем Православного дела, ее заместителем был избран К. В. Мочульский, казначеем – о. Михаил Чертков, секретарем – А. Т. Пьянов.

Так икона «Воздвижение Креста Господня», в праздник которой была поставлена «печать» на рождение в эмиграции Православного дела, просуществовавшего до гибели матери Марии, в крестопоклонную неделю Пасхального поста в марте 1999 года, пришла в наш музей и обозначила этот факт в нашей скромной экспозиции

Янтарные образы в экспозиции

Год 1999 начался с иконы Богородицы Всех скорбящих Радости. А вслед за ней как бы заговорила и янтарная выставка в нашем зале. Мы невольно были втянуты в осмысление темы – янтарный край. Чем он близок нам, решившим построить экспозицию о возвращении матери Марии на родину? Ускользавшая прежде связь биографии матери Марии за пределами анапской земли обернулась прикосновением к роли и месту Прибалтики через образы, открытые миром янтаря.

Лизочка Пиленко родилась в Риге, где ее отец Юрий Дмитриевич Пиленко несколько лет служил товарищем прокурора, там же через два года, в 1893 году родился и брат Митя. Крестили их в Риге в православном кафедральном соборе в приделе Рождества Богородицы. Уехали они из Прибалтики в 1895 году, когда в Причерноморье, в своем поместье Хан-Чокрак умер дедушка Лизы – генерал-лейтенант Дмитрий Васильевич Пиленко. С этого времени начинается анапский период жизни семьи сына генерала – Пиленко Юрия Дмитриевича. Связь с Прибалтикой оборвалась, но не навсегда.

В 1999 году на выставке янтаря в нашем зале откровением и прекрасным обретением для музея стали работы художников Калинин-

градского янтарного комбината. Мы смогли найти художественные янтарные символы для выделения в экспозиции важных подлинных мемориальных рукописных и печатных работ Елизаветы Юрьевны, уже поступивших в музей ранее и имевших исключительную мемориальную ценность.

Так, для текста стихотворения матери Марии, рукопись которого хранится в музее, была взята с выставки маленькая иконка из янтаря. В комплексе, открывающемся словами стихотворения:

«Нет, Господь, я дорогу не мерю...», образ Спасителя в белых янтарных одеждах на иконке не просто уместен, он делает обращение зримым, живым, как бы овеществленным, стихотворение обретает силу исповеди перед богом.

Подлинной находкой, зримым образом стала и библейская Руфь из поэтической книги Елизаветы Юрьевны с одноименным названием. Книга с автографом, когда-то подаренная ею гимназической подруге, была вручена музеем в год столетия Матери Марии в 1991 году Л. В. Маркалевой. Мемориальная ценность этой книги неоспорима. Для этого комплекса с выставки пришлось и янтарная женская фигурка в древнем классическом одеянии с покрытой головой. Она вырезана из белого дорогого янтаря, именуемого «королевским».

Как символ Библейской Руфи встала она рядом с колосьями в композиции с книгой и идет по земле, закутанная в белый саван:

«И ушла через синий туман
Далеко от равнины Вооза...»

И, наконец, первое поэтическое творение Елизаветы Юрьевны Кузьминой-Караваевой со звучным названием «Скифские черепки» (1912 г.), тоже с автографом: «Елизавета Пиленко», было дополнено янтарным образом – символом. Головка из огненного янтаря создала неповторимый образ в экспозиции, – лик огненной скифянки или курганной царевны, рассказавшей нам о древнем образе нашей земли.

«Потомок огненосцев-скифов,
Я с детства в тягостном плену...»

Обе книги принадлежали когда-то гимназической подруге Елизавете Таль и попали в музей в 1991 году, когда в Анапе отмечали столетний юбилей со дня рождения матери Марии и открыли памятный знак – бронзовый крест на гранитной глыбе, поместив у основания креста строчки :

«Нет, Господь, я дорогу не мерю,
Что положено, то и пройду».

(Монахиня Мария, «Стихи». 1937.

Изд. Петрополис.)

Янтарная тема выстроилась логично и по форме и по существу, связав воедино художественное решение отдельных мемориальных комплексов знаковыми символами из янтаря при построении новой темы в нашем музее – «Возвращение на родину».

Примечание

Янтарный край – Прибалтика, еще не раз заявит о своем родстве с матерью Марией и книгами, и стихами Балтрушайтиса, и исследованиями Тартусского университета.

Так, из рассказа о. Сергия Гаккеля в книге «Мать Мария», изданной за рубежом, мы узнали, что в 1932 году мать Мария ездила в Прибалтику, где посетила женские монастыри, выступала на съезде русского христианского студенческого движения... За время пребывания в монастырях ей успели пошить монашеское облачение. Эта информация натолкнула нас на мысль обратиться в Пюхтицкий Свято-Успенский женский монастырь с просьбой пошить для музея матери Марии монашеское облачение. Этот образ, воссоздаваемый в экспозиции музея, несет на себе отпечаток судьбы подвижницы и в комплексе с письмом настоятельницы этого монастыря игумении матушки Варвары (Трофимовой), приобретает ничем не заменимое значение и роль в мемориальном характере экспозиции, где нашла скромный приют память о знаменитой монахини. (Особую роль в прямой связи с монастырем, находящимся в Эстонии, сыграла жительница Петербурга Светлана Павловна Гусарова в феврале-июне 2007 г. и мы вернемся еще к этой значительной для нашей экспозиции теме).

А здесь обратимся к рассказу Р. И. Рацевич, размещенному в интернете – «Воспоминания о Псковской миссии», где описывается поездка матери Марии в Эстонию во время посещения ею монастырей в 1932г. и участия в съезде Русского студенческого христианского движения. Приведем несколько строк из этих воспоминаний:

«Помню, в 1932 г. приехала из Франции в Эстонию мать Мария (Скобцова), для которой меня по линии РСХД просили быть экскурсоводом и сопровождать по городу Нарве. Выйдя на бульвар, откуда с горы открывался прекрасный вид на реку Нарову, деревянный мост, Ивангородскую крепость и Знаменскую горку, откуда уже тянуло Рос-

сией, мать Мария спросила: «Далеко ли до границы?» – «Недалеко, семь километров». «Может быть сходим?» – «Конечно». И мы пошагали. Не могу забыть как мать Мария Скобцова, наклонившись, выгребла рукой из-под проволоки пригоршню русской земли, пересыпала ее в платочек, повезла как святыню в Париж, где по крошке раздавала русским людям, тосковавшим по родине».

Заботами матери Марии, при поддержке ее о. Михаилом Чертковым, затеет она, казалось бы, безнадежное дело – создание диспансера для поддержки болевших туберкулезом русских эмигрантов. Невзирая на непреодолимые препятствия и, прежде всего, отсутствие средств, буквально «ступая по водам», найдет она поддержку, и они решат эту проблему. В Нуази Ле-Гран при диспансере, а позже доме для выздоравливавших, она создаст домовую церковь, которая и будет освящена во имя иконы «Богородицы всех скорбящих Радости». Мы не знаем, к сожалению имен всех тех, кто прошел через этот приют страждущих и немощных в эмиграции... (была в нем и бывшая замечательная писательница Тэффи, и доживала свой долгий век мама – Софья Борисовна Пиленко, хранившая архив своей дочери). У каждого был свой путь скорби и радости...

Вспомните, икона «Богородицы всех скорбящих Радости» к нам пришла первой. Несколько позже Татьяна Владимировна Емельянова, приезжавшая к нам по сбору материала об анапском периоде жизни Елизаветы Юрьевны, привезет нам бесценные фотографические копии икон Матери Марии и среди них Фотографию Равенсбрюкской иконы Божией Матери с распятым Спасителем-Младенцем. Этот образ сопровождает записка.

**Монахиня мать Мария (Скобцова) –
урожденная Елизавета Юрьевна Пиленко
8 (21 н.ст.) декабря 1891 г. – 31 мая 1945 г.**

Елизавета Пиленко родилась в Риге в семье юриста – товарища окружного прокурора Юрия Дмитриевича Пиленко. Мама Лизы – Софья Борисовна, урожденная Делоне, была по материнской линии из старинного знатного рода Дмитриевых-Мамоновых. В Риге родился и младший брат – Дмитрий Юрьевич Пиленко (1893 г.). При крещении Лизы восприемниками были ближайшие родственники: со стороны отца – дедушка генерал-лейтенант Пиленко Д. В., со стороны матери – Яфимович Е. А., урожденная Дмитриева-Мамонова, сестра ее бабушки.

Летом 1895 года, после смерти деда – генерал-лейтенанта в отставке Дмитрия Васильевича Пиленко, семья переезжает на юг, в родовое имение. Детство Лизы и ее младшего брата Мити прошло в Анапе, на берегу Черного моря. Здесь были дома, поместья и виноградники генерала, известного в свою пору на Кубани и воинскими доблестями, и происхождением из служилого казачьего рода, и заслугами в развитии виноградарства на землях Причерноморья, в том числе и в зоне Абрау-Дюрсо. Отец Лизы Юрий Дмитриевич с 1895 года по 1906 год исполнял в Анапе обязанности городского головы, судьи, попечителя учебных заведений и весьма успешно занимался виноградарством и виноделием, как и его отец. В 1905 г. он был назначен директором Никитского ботанического сада в Ялте, а также возглавил училище виноградарства и виноделия в Крыму.

Причерноморье... Море и природа этой земли с неповторимым бурным, ветренным и солнечным нравом стали колыбелью характера Елизаветы Юрьевны. Прекрасное воспитание, поэтический и художественный дар, – все то, чем жила она в годы детства и юности, неразрывно связаны с этим краем. Иногда семья выезжала в Петербург, где жили родственники по линии бабушки. К этим поездкам из Анапы в Петербург относится знакомство маленькой Лизы с обер-прокурором Священного Синода православной церкви К. П. Победоносцевым, бывавшим добрым гостем в доме ее именитой тетушки. Встречи, а затем и переписка на протяжении семи лет с другом, как назовет его Елизавета Юрьевна, оставили неизгладимый след и стали для нее первым осмыслением человеческих ценностей и духовных истин. Глубокое осознание мудрых слов друга пришло к ней в годы эмиграции, когда она сама вступила на путь сострадания, милосердия и христианского служения людям.

Летом 1906 года, когда семья Пиленко вернулась из Ялты в Анапу, скоропостижно умер отец Лизы – Юрий Дмитриевич. Мама – Софья Борисовна, чтобы дать детям хорошее образование, как хотелось и ей, и отцу, решает снимать квартиру в Петербурге и в осенне-зимнее время жить там, возвращаясь на лето к себе домой – на юг, в Анапу.

В Петербурге Лиза продолжила учебу в частной гимназии, а затем и на философском отделении историко-филологического факультета Высших женских Бестужевских курсов.

В 1910 году курсистка Елизавета Пиленко выходит замуж, и отныне она – Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева. Вместе с мужем Дмитрием Владимировичем Кузьминым-Караваевым, юристом, социал-демократом и эстетом, она входит в поэтический, литературно-художественный и философско-религиозный мир Петербурга, названный «серебряным веком» в истории нашей культуры.

Встреча и знакомство еще в гимназическую пору (1908 год) с блистательным поэтом Александром Блоком предопределят на долгие годы ее самые сильные чувства, посвященные ему, невзирая на все жизненные обстоятельства.

В 1912 году в Петербурге выйдет ее первый поэтический сборник – «Скифские черепки», – дань древности малой родины, посвященный Черноморскому побережью, – «своему Понту», как назовет его Александр Блок.

В 1912 году, вскоре после поездки за границу, Елизавета Юрьевна покинет Петербург, «последних римлян», как назовет она мир своего окружения, расстанется с мужем и вернется в родительский дом – «к земле приблизилась». Здесь она будет растить свою дочь Гаиану (греч. «Земная»), родившуюся 18 октября 1913 года, писать стихи и философскую повесть, много рисовать и писать письма Александру Блоку: «Напишите мне сюда, Анапа... мне... Господь Вас храни...»

С началом первой мировой войны (1914г.), в поисках своего пути в жизни, Елизавета Юрьевна придет к осознанию для себя необходимости духовного образования, «постижения Синего ока».

В 1915 году в Петрограде ею будет издана повесть житийно-философского характера – «Юрали».

События в повести происходят на анапской земле (в городе Гастогае, как называется казачья станица, существующая и поныне), а жизнь героя Юрали, по признанию самого автора, связана с ее, Елизаветы Юрьевны, жизнью.

Продолжением и развитием духовной темы в жизни и творчестве станет второй поэтический сборник – «Руфь», изданный в 1916 году и получивший признание как религиозная поэзия молодого автора. Художественные работы Елизаветы Юрьевны этого периода также в большинстве связаны с библейскими религиозными образами, то есть исканиями ее в духовной сфере жизни – «Бог отражался в ней»...

В 1915 году экстерном, что было ей разрешено в виде исключения, она сдает экзамены по курсу петербургской мужской духовной академии.

А «душе хотелось подвига», служения народу, она открывала в себе силы, которые были даны ей, и – «с моим народом вместе шла на бунт, в восстании всеобщем восставала»...

Именно в Анапе, в период революционных потрясений 1917-1918 годов и с началом гражданской войны, она вступит на путь общественного служения. Елизавету Юрьевну Кузьмину-Караваеву в феврале 1917 года, после свержения самодержавия, изберут в состав Гражданского комитета Анапы и в новый состав городского управления – по

делам здравоохранения и образования, а также поставят товарищем городского головы. В феврале 1918 г., в период двоевластия в городе, Елизавета Юрьевна примет на себя обязанности городского головы, а с установлением в конце марта новой – советской – власти большевики введут ее в состав первых советов, даже не спросив ее согласия хотя бы формально.

Ставившая своей целью спасение культурных и человеческих ценностей в критических условиях, она, будучи по своим политическим воззрениям членом партии правых эсеров, окажется участницей сложнейших событий как в самой Анапе, так в центре. В итоге «полугодия риска и конспирации», уже в октябре 1918 года, когда сменится власть большевиков, по доносу местных жителей ее арестуют в Анапе. В марте 1919 года, в Екатеринодаре, Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева предстанет перед военно-окружным судом деникинской армии по обвинению в содействии большевикам в Анапе весной 1918 года. За сотрудничество с новой властью, точнее, с большевиками, ей грозила смертная казнь.

Открытая в ходе суда самой Елизаветой Юрьевной антибольшевистская работа в составе партии эсеров летом и осенью 1918 года в Москве и Поволжье, (а это стало главным доводом в итоге судебного разбирательства) и активная защита общественности России, вступившей за нее, а также, возможно, неслучайная встреча во время суда в Екатеринодаре с членом правительства Кубанской краевой Рады Данилой Ермолаевичем Скобцовым, – все эти обстоятельства изменят настроение и ход суда и отведут занесенный над «большевичкой» карающий меч.

Громкий суд, случившееся в конце 1919 года замужество и расставание с родиной последуют как итог одно за другим. В 1920 году начнется ее путь в эмиграцию через Грузию, – семья покинет родные земли после рождения в Тифлисе сына Юрия (февраль 1921 года). Крестить его будут уже в Сербии, в Сремских Карловцах, в ноябре 1923 года под именем Георгия Скобцова, сына «... казака станицы Урупской Кубанского края Данилы Ермолаевича Скобцова и законной жены его Елизаветы Юрьевны, урожденной Пиленко, по первому браку Кузьмина-Караваева...».

В Крыму в апреле 1920 года от брюшного тифа погибнет брат Елизаветы Юрьевны – Дмитрий Юрьевич Пиленко, участник и Георгиевский кавалер первой империалистической войны и событий в Анапе, участвовавший затем и в гражданской войне в составе деникинской армии юга России, вместе с частями Врангеля покидавшей Кубань. Весть об этом передадут семье Пиленко по дороге в эмиграцию – так обозначится этот путь первой страшной потерей из рода генерала Пи-

ленко Д. В. и его сына Юрия Дмитриевича, упокоившихся на анапской земле Кубанского Причерноморья.

Вторая половина жизни Елизаветы Юрьевны Скобцовой связана с вынужденным изгнанием, с русской эмиграцией Европы: Константинополь, Сербия, (там в декабре 1922 года родится дочь Анастасия) а с 1924 года и Франция, где отныне будет жить семья. Здесь на семью обрушится горе – четырехлетняя Настенька погибнет от коварного менингита (1926г.) и смерть маленькой дочери на пути испытаний станет для матери первым ударом, изменившим ее отношение к той жизни, в которой оказались ее семья и вся русская эмиграция.

Преображение, которое последует за пронзительным чувством причастности к судьбе русского народа, судьбе изгнанника, окончательно приводит Елизавету Юрьевну к следованию по пути заповедей православной веры и служению богу через любовь к людям, самую ответственную помощь и сострадание к ним. Она приходит к монашеству через осознание своего пути в этом служении. В марте 1932 года Елизавета Юрьевна примет монашеский постриг под именем Мария – во имя Марии Египетской и будет благословлена митрополитом Евлогием на монашеское служение в миру.

Еще с 1927 года она участвует в русском христианском студенческом движении в Европе в качестве разъездного секретаря и не оставляет этой работы после пострига.

Создание женского общежития для эмигрантов и первого приюта, затем второй приют для бездомной эмиграции на улице Лурмельи, открытие домово́й церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы при нем по благословению и поддержке православной церкви русского рассеяния в Европе во главе с митрополитом Евлогием (первый экзарх с 1923 по 1946 г.г.) – таково было служение матери Марии в Париже. Приюты для обездоленных, диспансер для туберкулезных и болящих в Нуазиле Гран (1935г.), и, наконец, создание и общественное служение в христианском социальном объединении «Православное дело», созданном матерью Марией, – вот перечень некоторых значительных дел ее под покровом православной веры во Франции в тридцатые годы. Имя матери Марии – православной монахини – становится символом помощи в Париже и обозначится оно и массой незаметных, так называемых «малых дел», для всех нуждающихся. Недаром «шаталовой» пустынью» назовет ее приют и столовую в Париже Н. Бердяев в ту нелегкую пору, когда эта обитель становится единственным надежным пристанищем и кровом.

В июле 1936 года в Москве умирает старшая дочь матери Марии – Гаиана. В Советский Союз она приехала с Алексеем Толстым в 1935

году... Эта гибель дочери осталась для всех, знавших монахиню Марию, в строках ее стихов, обращенных к Господу: «Не слепи меня Боже, светом, не терзай меня, Боже, страданием...», умоляла мать.

В годы начавшейся второй мировой войны, на чужбине, в приютившей их Франции, Православное дело монахини Марии, жившей в миру, становится оплотом для гонимых, голодных и сирых, убежищем для тех, кого преследует гитлеризм, фашистская военная сила. Рядом с матерью Марией друзья, соратники и ее родные: мама и единственный сын Юрий. Мать Мария без колебаний включается в антифашистское движение, получившее во Франции название Сопротивления.

В парижском приюте матери Марии на улице Лурмель укрывали участников боевых отрядов, прятали пленных и переправляли их в свободную от оккупации часть Франции, выдавали свидетельства евреям, крестившимся в домовая церкви приюта, устраивали на работу и выдавали справки о работе участникам отрядов, евреям, собирали и переправляли продовольствие боевым отрядам французского антифашистского движения Сопротивления.

В феврале 1943 года гестапо совершает налет на приют с целью ареста матери Марии. Не застав мать Марию, они арестовывают Юрия Скобцова, а священника церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы при приюте допрашивают в тот же день и приказывают явиться в гестапо. Там они вновь допрашивают отца Димитрия Клепинина и арестовывают. Мать Марию гестаповцы арестовали на третий день, когда она, узнав о случившемся, пришла в приют, надеясь на освобождение сына.

Через год, в феврале 1944-го, в концлагере Дора (Бухенвальд) погибнут священник Димитрий Клепинин и Юрий Скобцов

О матери Марии – узнице женского концлагеря Равенсбрюк в Германии, расскажут бывшие узницы из разных стран. Среди этих правдивых воспоминаний о самоотверженной, сильной духом и верой монахине есть и легенды, удивительные в своей правдивости, повествующие о ее жизни, подвиге и гибели в концлагере. Мать Мария погибла за месяц и девять дней до окончания войны – 31 марта 1945 года. Конец ее жизни был огнепальный (газовая камера и крематорий концлагеря).

Еще до смерти будет суд,
 Мой, собственный и беспощадный,
 Когда возьмут и унесут
 Монашеский наряд нарядный.

С укором перечислят мне

Мои грехи святые сестры.
И суд велит гореть в огне.
И это будет новый постриг...

31. 12. 1938 г.
Мать Мария

З. Н. Лемкина

17 января 2004 года Константинопольский патриархат Православной Церкви соборно причислил к лику святых монахиню Марию (Скобцову), священника Димитрия Клепинина, иподиакона Георгия Скобцова.

На родине в 1985 году Указом Президиума Верховного Совета СССР Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева награждена орденом Отечественной войны второй степени (посмертно) как участница французского антифашистского движения Сопротивления в годы войны.

И. Б. Гаврилов

Константин Леонтьев и Святая Гора Афон

В 2016 году мы отметили 1000-летие русского монашества на Святой Горе Афон. Но минувший год был ознаменован также юбилеями Константина Николаевича Леонтьева (1831–1891) – единственного русского мыслителя, чья жизнь была связана с тремя великими православными обителями: Афоном, Оптиной Пустынью и Троице-Сергиевой лаврой. В частности, исполнилось 185 лет со дня рождения «боярина Константина» (как за него молились на Афоне) и 125 лет со дня кончины инока Климента (такое монашеское имя он получил в Оптиной).

До обращения «эстетик-пантеист», в раннем творчестве К. Н. Леонтьев ярко выразил своеобразное мироощущение эллина-язычника. Как писал о нем Ю. Н. Говоруха-Отрок, «мало верующий человек в начале жизни, отравленный веяниями своей эпохи, он подошел к христианству как эстетик, он сперва почувствовал его красоту, а потом уже его глубокое жизненное и мистическое значение»¹.

Образ Леонтьева-язычника, «русского Ницше» запечатлен в философии Серебряного века, впервые заговорившей о нем как об оригинальном мыслителе. Начало формированию этого образа положил еще в 1896 году В. С. Соловьев, писавший: «В своем презрении к чистой этике и в своем культе самоутверждающейся силы и красоты Леонтьев предвосхитил многие мысли Ницше, вдвойне парадоксальные под пером афонского послушника и оптинского монаха»².

Н. Бердяев в ранней работе 1907 года дает следующую характеристику: «„Цветущую сложность“, разнообразие культуры, красоту, силу и индивидуальность Леонтьев любил как язычник, как эллин, а темные стихии его природы тянули к мрачному византийству, к монашескому

¹ Говоруха-Отрок Ю. Н. Несколько слов по поводу кончины К. Н. Леонтьева // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей 1891–1917 гг. Антология в 2-х кн. СПб., 1995. Кн. 1. С. 17.

² Соловьев В. С. Леонтьев // Соловьев В. С. Сочинения: В 2-х т. М., 1990. Т. 2. С. 417.

аскетизму, самодержавию и православию». Бердяев здесь прямо заявляет, что леонтьевский идеал монашества враждебен культуре и этике, а инока Климента называет «сатанистом, надевшим на себя христианское обличие»¹.

Даже в своей поздней, более взвешенной эмигрантской книге 1926 года о мыслителе Бердяев утверждает, что и после обращения Леонтьев якобы «окончательно становится православным, но окончательно христианином он не делается никогда»².

Для другого представителя «нового религиозного сознания», Д. С. Мережковского, монах и реакционер Леонтьев – также «настоящий сатанист» и «темный гений»³.

Симпатизировавшие язычеству философы Серебряного века не могли понять и оценить монашеских устремлений «русского византийца», видя в нем лишь «русского Ницше». К сожалению, этот искаженный образ Леонтьева-язычника и псевдохристианина сохранялся и в некоторых исследованиях представителей русской эмиграции. Например, автор самой объемной эмигрантской биографии Константина Николаевича Ю. Иваск повторяет: «Его византийски-церковное христианство так никогда и не затмило в его душе языческих богов и героев древней Эллады»⁴.

Таким образом, для русской религиозной философии Серебряного века характерно игнорирование и непонимание главного события в жизни К. Н. Леонтьева – его религиозного обращения и жизни на Афоне.

Между тем К. Леонтьев – один из немногих русских мыслителей, не просто побывавших на Святой Горе, но переживших там подлинное духовное рождение. На Афоне Константин Николаевич впервые практически познал мир православного монашества, обрел старческое духовное руководство и опыт послушания духовнику: «Афон показал мне примеры высокого и даже страшного аскетизма; старцы Руссика выгучили меня послушанию, посту и молитве; заставили понимать життя святых; раскрыли мне истинный дух Церкви»⁵.

¹ Бердяев Н. А. Константин Леонтьев – философ реакционной романтики // К. Н. Леонтьев: pro et contra... Кн. 1. С. 220.

² Бердяев Н. А. Константин Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли) // К. Н. Леонтьев: pro et contra... Кн. 2. С. 71.

³ Мережковский Д. С. Страшное дитя // К. Н. Леонтьев: pro et contra... Кн. 1. С. 241, 249.

⁴ Иваск Ю. П. Константин Леонтьев (1831–1891) // К. Н. Леонтьев: pro et contra... Кн. 2. С. 245.

⁵ Леонтьев К. Н. Моя исповедь // Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем: В 12-ти т. М., 2004. Т. 6 (1). С. 232.

Живя в основном в монастыре святого Пантелеимона (Новый Русик), «изучая монашескую жизнь и испытывая себя»¹, мыслитель вступил «навечно в духовную связь с монашеством»².

В кругу святогорских собеседников Леонтьева особого внимания заслуживает его первый духовник – иеросхимонах Иероним (Соломенцов) (1802–1885). Прибыв на Афон в 1836 году, в 1840-м отец Иероним поселился в Пантелеимоновом монастыре и был назначен духовником обители. Наставляя иноков, он увещевал их следовать во всех словах и действиях Священному Писанию и учению Святых Отцов, неуклонно соблюдать устав и монастырские правила, повиноваться игумену как Самому Христу, ежедневно молится за царя и т. д.

В своих воспоминаниях Константин Николаевич оставил нам яркий образ прославленного подвижника – человека «с великой душою и необычайным умом»³, легко подчинявшего себе людей и без труда овладевшего «гордой волей» русского консула⁴. Мыслитель мог обращаться к старцу в любое время, беседовать с ним часами, задавать все интересовавшие его вопросы. Отец Иероним общался с ним как с духовным сыном.

Близко познакомился Леонтьев и с учеником отца Иеронима схиархимандритом Макарием (Сушкиным) (1820–1889), которого описал как «великого истинного подвижника»⁵: «Учусь у них и умнею под старость, скорблю и блаженствую, каюсь и радуюсь и за честь себе считаю их дружбу, их участие, за дар Божий – их наставления!»⁶

Особенно важны родившиеся на Афоне мысли философа о монашестве: «Те, которые думают, что Церковь может жить без монашества (хотя бы весьма несовершенного и слабого), ошибаются»⁷. Все последу-

¹ Леонтьев К. Н. Письмо к архимандриту Леониду от 8 июля 1873 года // Леонтьев К. Н. Избранные письма (1854–1891). СПб., 1993. С. 102.

² Леонтьев К. Н. Письмо к И. И. Фуделю от 5 сентября 1891 года // Леонтьев К. Н. Избранные письма... С. 591.

³ Леонтьев К. Н. Воспоминание об архимандрите Макарии, игумене Русского монастыря св. Пантелеимона на Горе Афонской // Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем... Т. 6 (2). С. 577.

⁴ Леонтьев К. Н. Воспоминание об архимандрите Макарии, игумене Русского монастыря св. Пантелеимона на Горе Афонской: Комментарии // Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем... Т. 6 (2). С. 584.

⁵ Леонтьев К. Н. Воспоминание об архимандрите Макарии, игумене Русского монастыря св. Пантелеимона на Горе Афонской // Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем... Т. 6 (2). С. 572.

⁶ Леонтьев К. Н. Воспоминание об архимандрите Макарии... С. 577.

⁷ Леонтьев К. Н. Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной Пустыни // Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем... Т. 6 (1). С. 253–351.

ющее литературное творчество Константина Николаевича можно назвать апологией православного монашества.

Большой интерес представляют письма Леонтьева к афонским старцам. В письме к отцу Макарию от 22 сентября 1873 года с о. Халки он говорит о себе самом как о «монахе по убеждению»: «Я замечаю даже это самое расположение и в самом себе, с тех пор, как я пожил на Афоне, с тех пор, как по убеждениям и вкусам (если еще не по жизни) я сам стал вроде монаха. Я стал гораздо меньше заботиться о том, считают ли меня люди добрым, хорошим и т. п., и гораздо больше о заповедях Церкви, о догмате и канонах ее, с одной стороны, а с другой – о том, могут ли мне быть те или другие люди полезны с точки зрения разных уловок внешней мудрости»¹.

Обращаясь к тому же адресату из Константинополя в письме от 9 ноября 1872 года, философ выражает желание и надежду послужить Афону: «Я уверен еще и в другом, – что Господь Бог сподобит меня заплатить Руссику и нравственно, и вещественно чем-нибудь существенным»².

Афонские отцы Иероним и Макарий передают Константину Николаевичу письмо к оптинскому старцу иеросхимонаху Амвросию (Гренкову) (1812–1891; прославлен в лике преподобных), который с 1874 года станет духовником будущего инока Климента.

Память о Святой Горе и ее старцах навсегда останется в сердце мыслителя. В письме к отцу Макарию от 6 ноября 1874 года из Николо-Угрешского монастыря послушник Константин признается: «Никогда не забуду я Ваших с батюшкой благодеяний и духовных, и вещественных, и ежедневно молю Господа моего, чтобы сподобил Он меня – грешным ли пером моим или деньгами, или чем-нибудь – в свою очередь послужить русской братии на Афоне»³.

Самобытная мысль Леонтьева в течение двадцати лет питалась афонскими истоками – т. н. «византийскими началами». Влияние Святой Горы на жизнь и творчество гениального русского мыслителя переоценить невозможно: именно там родилась его главная философская теория «триединого процесса развития» («первичная простота», «цветущая сложность», «вторичное смесительное упрощение»).

¹ Цит. по: Русский Афон XIX–XX веков: В 25-ти т. Т. 10. Письма выдающихся церковных и светских деятелей России старцам Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Святая Гора Афон, 2015. С. 421.

² Цит. по: Русский Афон XIX–XX веков... С. 410.

³ Цит. по: Русский Афон XIX–XX веков... С. 425.

Позднее Леонтьев признавался А. Александрову, что «две самые лучшие свои вещи»¹ он написал после полутора лет «общения с афонскими монахами, чтения аскетических писателей и жесточайшей плотской и духовной борьбы с самим собой»².

Константин Николаевич посвятил Афону ряд важных сочинений: «Афонские письма» (1872), «Панславизм на Афоне» (1873, опубликовано в «Русском вестнике»), «Храм и Церковь» (1878), мемуарный очерк «Воспоминания об архимандрите Макарии, игумене Русского монастыря св. Пантелеимона на Горе Афонской» (1889, журнал «Гражданин»), незаконченное сочинение «Мое обращение и жизнь на св. Афонской Горе» и др.

Афонская тема неразрывно связана с главной философской теорией К. Н. Леонтьева – идеей византизма. Надо отметить, что в XIX веке византизм в общественном сознании и в светской научной традиции нес негативный смысл. Еще отец русского западничества П. Я. Чаадаев видел в нем главный источник отставания России от Запада. «Философические письма» П. Чаадаева пестрят такими фразами, как «презренная Византия», «растленная Византия», «предмет глубокого презрения» народов Запада³. Именно в византизме, по Чаадаеву, якобы коренится дух рабства, которым пронизано все в России.

Собеседник и оппонент Леонтьева Владимир Соловьев также полагал, что «мы не найдем здесь (в Византии, – *И. Г.*) ничего такого, на чем можно было бы заметить хотя бы слабые следы высшего духа, движущего всемирную историю»⁴.

Подобный взгляд отражает и определение авторитетного дореволюционного словаря: «Византинизм, совокупность отличительных черт государственного и общественного быта Византии: крайнее развитие деспотизма центральной власти, безграничное господство бюрократии, порабощение общества и народа, превращение церкви в орудие светской власти, низведение религии к простой обрядности, в умственной и нравственной областях гашение проявлений живого духа и чувств и развитие схоластической изворотливости, льстивого угодничества и прикрытого пышностью разврата»⁵.

¹ Имеется в виду роман «Одиссей Полихрониадес» и трактат «Византизм и славянство».

² Цит. по: Бердяев Н. А. Константин Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли)... С. 70.

³ Чаадаев П. Я. Философические письма. // Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: В 2-х т. М., 1991. Т. 1. С. 331.

⁴ Соловьев В. С. Византизм и Россия // Соловьев В. С. Соч.: В 2-х т. М., 1989. Т. 2. С. 565.

⁵ Малый энциклопедический словарь: В 86-ти т. СПб., 1907. Т. 1. С. 824.

Таким образом, Леонтьев решительно идет против господствующих либеральных идей, «против течения» (по выражению А. К. Толстого). Уже в первой своей программной работе «Византизм и славянство» русский философ рассматривает византизм как особый тип культуры, противоположный современному либерально-европейскому. Он подчеркивает, что «византизм организовал нас, система византийских идей создала величие наше»¹.

В работе «Четыре письма с Афона» Константин Николаевич определяет византизм как «высокую культуру», «особый вид просвещения», который «был лишь развитием, объяснением Евангельского учения, а никак не искажением его»².

Леонтьев постоянно подчеркивает, что византизм является анти-тезой европейскому либерализму: «Православие, или, другими словами, культура византийской дисциплины и земного аскетизма есть единственный противовес теории всеобщего, мелкого удовольствия»³.

Мыслитель видит в византизме действующую и живительную силу русской истории, хранящую православную Россию от либерального варварства. Мысль Леонтьева достигает пророческих высот, звучит обличением и предостережением потомкам: «Византизм дал нам всю силу нашу в борьбе с Польшей, со шведами, с Францией и с Турцией. Под его знаменем, если мы будем ему верны, мы, конечно, будем в силах выдержать натиск и целой интернациональной Европы, если бы она, разрушивши у себя все благородное, осмелилась когда-нибудь и нам предписать гниль и смрад своих новых законов о мелком земном всеблаженстве, о земной радикальной всепошлости!»; «Изменяя, даже в тайных помыслах наших, этому византизму, мы погубим Россию. Ибо тайные помыслы, рано или поздно, могут найти себе случай для практического выражения»⁴.

Необходимо отметить, что теория византизма неотделима от консервативной философии мыслителя. Важнейшим элементом последней у К. Н. Леонтьева является апология самодержавной власти: «Самодержавие, по-нашему, есть не самая лучшая только форма правления, но прямое воплощение строя нашей души»⁵.

¹ Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. М., 2007. С. 19.

² Леонтьев К. Н. Четыре письма с Афона // Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем... Т. 7 (1). С. 145.

³ Леонтьев К. Н. Четыре письма с Афона... С. 174.

⁴ Леонтьев К. Н. Византизм и славянство... С. 14, 19.

⁵ Цит. по: Фетисенко О. Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой четверти XX века). СПб., 2012. С. 9.

В письме к отцу Иосифу Фуделю от 10 июля 1891 года он поясняет: «В термине моем „византизм“ нет даже никакого нового содержания, а только новое освещение давно знакомых фактов русской жизни (Православие, Самодержавие и т. д.)»¹.

Принимая в целом знаменитую уваровскую триаду, Леонтьев придавал ей своеобразный смысл. Избегая термина «народность», огромное значение в своей консервативной философии он уделял принципу сословности. Сословный строй, согласно философу, обеспечивает прочность самодержавия. Сословные ступени он называл необходимыми опорами «для здания долговечного Монархизма»².

В 1887–1891-м годах Константин Николаевич проживает в Оптиной Пустыни и практически ежедневно общается со старцем Амвросием, имея от него благословение на литературные труды. 23 августа 1891 года также по благословению преподобного он принимает тайный монашеский постриг с именем Климент, исполнив свой давний обет.

Из Оптиной философ ведет обширную переписку с учениками и единомышленниками, среди которых особенно надо отметить В. В. Розанова, С. Ф. Шарапова, отца Иосифа Фуделя, Ю. Н. Говоруху-Отрока и Л. А. Тихомирова. Эта переписка, несомненно, обогатившая историю русской консервативной мысли, признается многими исследователями наиболее ценным пластом литературно-философского леонтьевского наследия.

Приведем фрагмент из «оптинского» письма Леонтьева к известной хозяйке славянофильского салона в Лондоне О. А. Новиковой от 30 мая 1889 года. Цитируемые строки хорошо показывают, что к Оптинской обители мыслителя притягивал именно афонский византийский дух: «Если бы Вы жили в России постоянно, <...> то хоть славяно-

¹ Леонтьев К. Н. Письма из Оптиной Пустыни // Литературная учеба. М., 1996. Кн. 3. С. 165.

² Характеристику консервативной философии Леонтьева см.: Фетисенко О. Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой четверти XX века). СПб., 2012; Гаврилов И. Б. К вопросу о специфике консервативной философии К. Н. Леонтьева // Актуальные проблемы философских наук. Сборник научных трудов профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов по итогам НИР 2014 года. Март – апрель 2015 года. Под ред. А. Ю. Григоренко, С. И. Тягунова. СПб., 2015. С. 35–38. Также см. анализ философских идей русского консерватизма: Минаков А. Ю. Русский консерватизм первой четверти XIX века. Воронеж, 2011; Гаврилов И. Б. Степан Петрович Шевырев о «русском воззрении» // Христианское чтение. СПб., 2016. № 1. С. 229–289; Фатеев В. А. Первая энциклопедия русского консерватизма // Христианское чтение. СПб., 2015. № 3. С. 251–265 и др.

фильское чувство и любопытство понудило бы Вас когда-нибудь посетить нашу знаменитую Пустынь. – „Здесь русский дух! Здесь Русью пахнет!“ И во многих отношениях Русью очень старой даже, до сих пор еще отстаивающей себя от России новой, либеральной и космополитической; от мерзкой России пара, телефонов, электрического света, суда присяжных, пиджака, „Вестника Европы“ <...>. Здесь – именно тот русский византизм, <...> без которого будет конец не только для России, но и для всего остального славянства»¹.

Завершим нашу публикацию словами епископа Димитрия (Добросердова)², прозвучавшими 100 лет назад, в 1916 году, на заседании Братства святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа в Чудовом монастыре: «Я должен покаяться: я мало читал Леонтьева, почти вовсе не знаком с ним, но его „Письма с Афона“ произвели на меня такое впечатление, что я считаю их лучшим в светской литературе изображением монашества и монастыря. Теперь же я чувствую, что если бы мы больше знали Леонтьева, какая была бы великая польза для нас и Церкви!»³

Источники и литература:

Бердяев Н. А. Константин Леонтьев – философ реакционной романтики // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей 1891–1917 гг. Антология в 2-х кн. СПб., 1995. Кн. 1. С. 208–234.

Бердяев Н. А. Константин Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли) // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей 1891–1917 гг. Антология в 2-х кн. СПб., 1995. Кн. 2. С. 29–179.

Гаврилов И. Б. К вопросу о специфике консервативной философии К. Н. Леонтьева // Актуальные проблемы философских наук. Сборник научных трудов профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов по итогам НИР 2014 года. Март – апрель 2015 года. Под ред. А. Ю. Григоренко, С. И. Тягунова. СПб., 2015. С. 35–38.

Гаврилов И. Б. Степан Петрович Шевырев о «русском воззрении» // Христианское чтение. СПб., 2016. № 1. С. 229–289.

Говоруха-Отрок Ю. Н. Несколько слов по поводу кончины К. Н. Леонтьева // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей 1891–1917 гг. Антология в 2-х кн. СПб., 1995. Кн. 1. С. 15–19.

¹ *Леонтьев К. Н.* Письма из Оптиной Пустыни... С. 141.

² Архиепископ Димитрий (в миру Иван Иванович Добросердов; 1865–1937). В 2000 году прославлен Русской Православной Церковью в лике священномучеников (в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской).

³ Цит. по: *Резвых Т. Н.* «Я чувствовал себя как бы его внуком – через сына – через о. Иосифа» (Отец Сергей Дурьлин – исследователь творчества К. Н. Леонтьева) // Христианство и русская литература. СПб., 2012. Сб. 7. С. 286.

Иваск Ю. П. Константин Леонтьев (1831–1891) // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей 1891–1917 гг. Антология в 2-х кн. СПб., 1995. Кн. 2. С. 229–650.

Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. М., 2007.

Леонтьев К. Н. Избранные письма (1854–1891). СПб., 1993.

Леонтьев К. Н. Письма из Оптиной Пустыни // Литературная учеба. М., 1996. Кн. 3. С. 141–173.

Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем: В 12-ти т. М., 2004.

Малый энциклопедический словарь: В 86-ти т. Т. 1. СПб., 1907.

Мережковский Д. С. Страшное дитя // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей 1891–1917 гг. Антология в 2-х кн. СПб., 1995. Кн. 1. С. 241–249.

Минаков А. Ю. Русский консерватизм первой четверти XIX века. Воронеж, 2011.

Резвых Т. Н. «Я чувствовал себя как бы его внуком – через сына – через о. Иосифа» (Отец Сергей Дурылин – исследователь творчества К. Н. Леонтьева) // Христианство и русская литература. СПб., 2012. Сб. 7. С. 274–356.

Русский Афон XIX–XX веков: В 25-ти т. Т. 10. Письма выдающихся церковных и светских деятелей России старцам Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Святая Гора Афон, 2015.

Соловьев В. С. Византизм и Россия // *Соловьев В. С.* Соч.: В 2-х т. М., 1989. Т. 2. С. 562–601.

Соловьев В. С. Леонтьев // *Соловьев В. С.* Сочинения: В 2-х т. М., 1990. Т. 2. С. 414–419.

Фатеев В. А. Первая энциклопедия русского консерватизма // Христианское чтение. СПб., 2015. № 3. С. 251–265.

Фетисенко О. Л. «Гепгастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой четверти XX века). СПб., 2012.

Чаадаев П. Я. Философические письма. // *Чаадаев П. Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма: В 2-х т. М., 1991. Т. 1. С. 320–440.

С.В. Алексеев

Святой земли жилец заочный...

Каково бы ни было достоинство моей кисти, я все-таки не могу согласиться, чтобы она служила такому делу, истины которого я не признаю...

Александр Иванов

В конце зимы 1858 года по столичному Санкт-Петербургу среди любителей живописи поползли слухи. «Наконец-то наш затворник сподобился... К лету картину привезут... По морю... А верно говорят, что мастер наш жил в Риме как схимник: ни с кем не общался, картины не продавал, денег не имел, а только безвылазно работал в своей келии-мастерской?.. И никого, кроме Гоголя, к себе не пускал?.. Тот видел картину... И вроде бы в восторге... Но, правда, Гоголь и сам со странностями... А размеры-то, размеры! Побольше „Помпей“...»

Картина была настолько велика (семь с половиной метров по ширине и пять метров сорок сантиметров по высоте), что доставка ее из Рима на родину было делом очень непростым. После многих злоключений: ящик с картиной не помещался в трюм корабля, его не смогли разместить на железнодорожной платформе – все же в мае 1858 года полотно «Явление Христа народу» было привезено в Санкт-Петербург. Вначале картину выставили в Белом зале Зимнего дворца для показа членам императорской семьи, а затем, в июне, перенесли в Академию художеств.

Двадцатилетний труд живописца ждал оценки соотечественников...

Александр Андреевич Ива́нов родился в 1806 году в Санкт-Петербурге, в семье художника, профессора Академии художеств, Андрея Ивановича Ива́нова. Одиннадцатилетним мальчиком был принят в Академию, которую закончил с Большой золотой медалью за дипломную картину «Иосиф, толкующий сны заключенным с ним в темнице виночерпию и хлебодару» (1827).

Получив в 1830 году от Общества поощрения художеств право за казенный счет совершенствовать свое мастерство за границей, молодой художник посещает наиболее известные художественные музеи Европы, затем останавливается в Риме. Там он пишет картины «Аполлон, Гиацинт и Кипарис, занимающиеся музыкой и пением» (1831–1834) и «Явление Христа Марии Магдалине» (1835), в которых успешно развивает принципы классической академической живописи. На родине эти произведения получают самую высокую оценку, а среди любителей живописи даже поговаривают о новом значительном художнике, не уступающем в мастерстве «Карлу Великому» – знаменитому Карлу Брюллову. В 1836 году Александр Иванов получает звание академика живописи и возможность дальнейшего пребывания в Италии с гарантированным материальным обеспечением.

Теперь перед живописцем встает задача написать масштабное произведение, которое прославило бы отечественную живопись так же, как в свое время «Последний день Помпеи» Брюллова. Тема, предложенная Обществом поощрения художеств, – «Братья Иосифа находят чашу в мешке Вениамина» показала художнику малозначительной. Сделав более двадцати эскизов, Александр Иванов понял, что отображает всего лишь один не самый главный эпизод из Священной истории. Ему же хотелось найти нечто более значимое.

И художник засел за книги.

Надо сказать, что среди своих соотечественников за рубежом, да и в целом среди русских живописцев первой половины XIX века Александр Иванов считался одним из самых читающих и образованных людей. Он был знаком с художником Иоганном Овербеком, основателем художественного объединения «братство назарейцев» и скульптором Бертелем Торвальсеном, находился в переписке со многими деятелями отечественной культуры, в первую очередь с Н. В. Гоголем, интересовался идеями философского кружка Д. В. Веневитинова и славянофилов. Был близко знаком с А. И. Герценом. Живо интересовался теорией философа Фридриха Шеллинга, в которой искусство рассматривается как одна из высших форм познания мира.

Желание изучить все, что непосредственно связано с искусством, ревностное отношение к своему делу, которое он считал служением, наложило определенный отпечаток на характер художника.

Характер очень непростой.

Сохранились воспоминания современников о том, как неприязненно относился Александр Иванов к развлечениям и пустому времяпрепровождению своих сотоварищей по искусству. Он мог прилюдно отчитать своих друзей, занятых карточной игрой в знаменитом рим-

ском кафе «Греко» – излюбленном месте русской диаспоры, мог демонстративно отказаться от пирушки «по случаю и без», мог разорвать отношения с человеком, поведение которого считал недостойным высокого звания художника. Естественно, все это не могло нравиться, склонному к божемному образу жизни художническому сообществу. «Больной, сумасшедший, тоже мне – монах!» – такие эпитеты сопровождали Александра Иванова всю его жизнь.

Но был и небольшой круг истинных друзей. В беседах с ними, в размышлениях о прочитанном и сложилась идея будущего полотна – «всемирный сюжет», по словам самого художника.

На другой день видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: вот Агнец Божий, Который берет [на Себя] грех мира. Сей есть, о Котором я сказал: за мною идет Муж, Который стал впереди меня, потому что Он был прежде меня. Я не знал Его; но для того пришел крестить в воде, чтобы Он явлен был Израилю (Ин.1:29–31).

Тему «Явления Мессии народу» Александр Иванов стал обдумывать еще в начале 1830-х годов. Вот что писал он в 1833 году в Обществе поощрения художеств: «...Таким образом <...> я остановился на Евангелии – на Евангелии Иоанна! Тут на первых страницах увидел я сущность всего Евангелия – увидел, что Иоанну Крестителю поручено было Богом приуготовить народ к принятию учения Мессии и наконец, лично представить его народу! Сей-то последний момент, выбираю я предметом картины, т. е. когда Иоанн, увидев Христа, идущего к нему, говорит народу: „Се агнец Божий, вземляй грех мира!“ Предмет сей никем еще не сделан, следовательно, будет интересен уже и по новизне своей».

Действительно, в мировой религиозной живописи был отражен в основном только момент крещения Иисуса Христа. Александр Иванов же решил показать реакцию народа на слова Предтечи о пришествии в мир Мессии и передать живописными средствами осознание этого величайшего события каждой отдельной личностью, представленной на полотне.

1837 год – официальная дата начала работы художника над произведением. Ни сам автор, ни его друзья, ни нетерпеливо ждущая публика не предполагали, что этот, потребовавший напряжения всех творческих сил, титанический труд растянется на двадцать лет. Были сделаны сотни этюдов (около 600!), художник тщательно подбирал типажи, мучительно искал способы максимально точно отобразить главную идею картины. Он даже просил за минимальные средства организовать ему поездку на Святую землю, но получил категорический отказ. Что, впрочем, не помешало художнику предельно реалистично передать на холсте ощущение наполненной солнцем палестинской природы.

И все это время Александру Иванову оказывал неоценимую творческую помощь его близкий друг – Николай Васильевич Гоголь. Они познакомились в Риме, в 1838 году. Николай Васильевич, как человек не чуждый изобразительному искусству¹, сразу понял всю грандиозность замысла художника. И в личных беседах, и в переписке они детально обсуждали характеры персонажей, выстраивали основную концепцию произведения.

Но больше всего на Гоголя произвели впечатление личность художника, его жизненная позиция и самоотдача. Защищая Александра Иванова от нападков и едкой критики современников, Гоголь в книге «Выбранные места из переписки с друзьями» писал: «Сюда принеслись нелепые слухи, будто художники и все профессора вашей Академии художеств, боясь, чтобы картина Иванова не убила собою все, что было доселе произведено нашим художеством, из зависти стараются о том, чтоб ему не даны были средства на окончание. <...> Чего им опасаться Иванова? Он идет своей собственной дорогой и никому не помеха. Он не только не ищет профессорского места и житейских выгод, но даже просто ничего не ищет, потому что уже давно умер для всего в мире, кроме своей работы»².

И далее, прося о материальной помощи для художника, восклицает: «Устройте так, чтобы награда выдана была не за картину, но за самоотвержение и беспримерную любовь к искусству, чтобы это послужило в урок художникам. Урок этот нужен, чтобы видели все другие, как нужно любить искусство. Что нужно, как Иванов, умереть для всех приманок жизни; как Иванов, учиться и считать себя век учеником; как Иванов, отказывать себе во всем, даже и в лишнем блюде в праздничный день; как Иванов, надеть простую плисовую куртку, когда оборвались все средства, и пренебречь пустыми приличиями; как Иванов, вытерпеть все и при высоком и нежном образовании душевном, при большой чувствительности ко всему вынести все колкие поражения и даже то, когда угодно было некоторым провозгласить его сумасшедшим и распустить этот слух таким образом, чтобы он собственными своими ушами, на всяком шагу, мог его слышать. За эти-то подвиги нужно, чтобы ему была выдана награда»³.

Но не только беспримерное трудолюбие и служение своему делу восхищало Гоголя. Писатель поражался особым духовным видением художника, которое так необходимо для человека, пытающегося в зримых образах донести до людей евангельские истины. И которое немислимо без веры:

«Но как изобразить то, чему еще не нашел художник образца? Где мог найти он образец для того, чтобы изобразить главное, составляю-

щее задачу всей картины, – представить в лицах весь ход человеческого обращения ко Христу? Откуда мог он взять его? Из головы? Создать воображеньем? Постигнуть мыслью? Нет, пустяки! Холодна для этого мысль и ничтожно воображенье.

«...»Нет, пока в самом художнике не произошло *истинное обращение ко Христу*, (выделено мною – С. А.) не изобразить ему того на полотне»⁴.

Картина завершена⁵. Закончился длинный период творческого и аскетического подвига. Удалось ли отобразить на полотне переломный момент человеческой истории? Доступны ли оказались мысли и идеи автора для зрителей?

28 мая 1858 года картину посмотрели члены императорской семьи. Ни сам Александр II, ни президент Академии художеств великая княгиня Мария Николаевна (дочь Николая I), ни сопровождающие их представители высшей государственной власти не высказали ничего определенного. Чувствовалось уважение к многолетнему труду автора и легкий холодок непонимания. *Не-при-выч-но*. Картина Иванова не поразила двор так, как в свое время, картина Брюллова «Последний день Помпеи».

3 июня, через секретаря гофмаршала императорского двора графа Шувалова художнику было передано, что картина его больше не может находиться в Зимнем дворце, а поместить ее в Испанскую галерею Эрмитажа для всеобщего обозрения, как предполагалось ранее, не представляется возможным. Полотно должно быть немедленно перенесено в Академию художеств.

Во вторник 10 июня 1858 года картину, вместе с эскизами, увидела публика⁶. Реакция была разной. Писатель и очеркист Василий Толбин в журнале «Сын Отечества» выразил убеждение определенной части художественной интеллигенции, что автор не оправдал надежд и ожиданий. Академики живописи – представители традиционной школы – усмотрели в картине нарушение канонов, присущих исторической живописи: отсутствие «театрализованных мизансцен» и «героизации» главного персонажа, неприемлемый колорит, а также другие непонятные «вольности». Даже такой тонкий лирик, как Тютчев, назвал изображенных на картине апостолов «семейством Ротшильдов».

Значительная часть молодых художников пожимала плечами: «Зачем все это?» В их понимании время классической религиозной живописи прошло. Уже ушел из жизни основатель критического реализма П. А. Федотов, надвигались шестидесятые с их острым социальным анализом современного российского общества, а вскоре и семидесятые

с отказом студентов Академии писать дипломную работу на заданную тему и возникновением «Товарищества передвижных художественных выставок».

Но среди будущих «бунтарей» были и те, кто по достоинству оценил всю художественную и духовную мощь полотна Александра Иванова. Молодой студент Академии Иван Крамской, будущий глава Передвижников, в статье «Взгляд на историческую живопись» написал: «Твоя картина будет школой, в которой окрепнут иные детали, и она же укажет многим из молодого поколения их назначение...»⁷

Идеолог славянофильства А. С. Хомяков воскликнул: «Видеть картину Иванова не только наслаждение, но гораздо большее: это событие жизни».

Так что же такого нового и нетрадиционного было в произведении Александра Иванова? Что вызвало столь противоречивые отзывы современников?

В первую очередь, – это главная тема картины: свобода выбора человеком собственного пути. Тема, никогда до Иванова не поднимавшаяся в отечественном изобразительном искусстве. Художник решает ее следующим композиционным приемом: фигуру Христа (в отличие от первоначального эскиза) изображает на дальнем плане, а весь план передний заполняет фигурами людей. Именно через их позы, жесты, выражения лиц Александр Иванов показывает, как эти люди разного социального положения, возраста и духовного уровня, пришедшие на берег Иордана креститься, воспринимают слова Иоанна Предтечи о явлении долгожданного Мессии.

Н. В. Гоголь писал: «Все <...> устремляются внутренним ухом к речам пророка, как бы схватывая из уст его каждое слово и выражая на различных лицах своих различные чувства: на одних – уже полная вера; на других – еще сомненье; третьи уже колеблются; четвертые понурили главы в сокрушение и покаянье; есть и такие, на которых видна еще кора и бесчувственность сердечная. В это самое время, когда все движется такими различными движениями, показывается вдали Тот Самый, во имя Которого уже совершилось Крещение, – и здесь настоящая минута картины»⁸.

Другой отличительной стороной картины Иванова является тонко разработанный психологизм каждого образа. Каждый персонаж полотна – плод кропотливой работы автора, художественный синтез множества этюдов.

И, наконец, символика полотна. Александр Иванов не стремился привнести в картину какие-то таинственные, конспирологические знаки. В письме к отцу он писал о том, что хотел бы сделать своих персона-

Александр Иванов. Явление Христа народу. 1837–1857. ГТГ

жей узнаваемыми и понятными для зрителей. И действительно, глядя на полотно, мы сразу же определяем конкретного человека – воина, фарисея или раба. Но было бы весьма предосудительно считать, что картина предельно открыта и понятна. При доступности главного, она содержит символы и образы, для восприятия которых требуется определенный уровень знаний и развитое духовное начало.

Например, фигура раба – одна из важнейших. То, что этот, сидящий на корточках персонаж – раб, становится понятно сразу. Но в гамме чувств, отображенных на лице этого человека, читается не только его социальный статус – это образ *человеческой души, получившей возможность освободиться от рабства греха*. Поэтому и изобразил художник рядом с рабом его господина, холеная обнаженная спина которого так контрастирует с аскетичной фигурой Иоанна. Жест правой руки господина будто бы останавливает, запрещает рабу повернуться в сторону приближающегося Христа. В этих трех фигурах переднего плана ярко выражены и высота духовной жизни (Иоанн Предтеча), и низменность жизни плотской (господин), и жажда избавления от первородного греха (раб).

Или крест на посохе Иоанна. Это не только символ Креста Спасителя, но и креста, который берет на себя христианин, следующий за Христом.

Нельзя не сказать о традиции, характерной как для западноевропейской, так и для русской живописи. В исторических полотнах художники иногда изображали сами себя, подчеркивая этим свою *сопричастность* к людям и событиям, изображенным на картине. Так было в «Последнем дне Помпеи», где Карл Брюллов написал себя в виде юноши-живописца. Так же и в «Явление Мессии» (авторское название картины) изобразил себя Александр Иванов. За фигурой Иоанна Предтечи, в группе сидящих людей, виден странник в шляпе, черты лица которого напоминают самого художника. А профиль длинноволосого мужчины в красном плаще (в правой верхней части композиции) имеет явное сходство с Гоголем.

Любой автор в своем произведении старается поставить вопрос: «А как вы, зрители, слушатели, читатели относитесь к тому, о чем я вам рассказал?» И такой вопрос звучит в картине Александра Иванова: «Что для вас, современники, значит приход в мир Спасителя?»

В 1880 году, в статье «О значении Иванова в русском искусстве» выдающийся критик В. В. Стасов подвел итог двадцатилетним спорам о главной картине художника: «...картина, совокупившая, как в сжатом фокусе, все лучшее из лучшего, собранное, словно драгоценные жемчужины, многими годами, представляет такое соединение необычайных достоинств, которое не превзойдено никаким на свете живописцем одного с Ивановым рода и направления»².

Александр Андреевич Иванов скончался 3 июля 1858 года, меньше чем через месяц после публичного показа своего главного труда.

Из домово́й церкви Академии художеств, где при стечении большого количества народа проходило отпевание, скромный гроб пронесли на руках до кладбища Новодевичьего монастыря. И на пути следования прозвучали строки поэта Петра Вяземского:

... Поэт и труженик-художник!
 Отвергнув лъстивых муз треножник
 И крест единый возлюбя,
 Святой земли жилец заочный,
 Её душой ты угадал
 <...>
 И то прозрел, что никогда
 Не увидать телесным оком.
 <...>
 Священной книги чуда
 Тебе явились без покрова,
 И над твоей главою снова
 Разверзлись в славе небеса.

<...>

В картине, полной откровенья,
 Всё это передал ты нам,
 Как будто от Предтечи сам
 Ты принял таинство крещения.

Примечания

¹ В Нежинской гимназии Н. В. Гоголь занимался живописью, книжной графикой и театральной декорацией, а в Петербурге посещал занятия в вечерних классах Академии художеств. К сожалению, за исключением нескольких графических набросков, работы Гоголя не сохранились.

² *Н. В. Гоголь*. Выбранные места из переписки с друзьями. М., 1993. С. 137–138.

³ *Н. В. Гоголь*. Выбранные места из переписки с друзьями. М., 1993. С. 144–145.

⁴ *Н. В. Гоголь*. Выбранные места из переписки с друзьями. М., 1993. С. 140.

⁵ Сам автор считал картину незавершенной, но, тем не менее, решил поставить точку в своем многолетнем труде. Его уже увлекала другая идея: создать настенные росписи для особого общественного здания, в которых была бы отражена вся Священная История. Из задуманных 500 сюжетов было выполнено в виде акварельных эскизов только 200.

⁶ Выставку посетило около 30 тысяч человек.

⁷ Цит. по: *В. В. Стасов*. Крамской и русские художники. URL:http://az.lib.ru/s/stasow_w_w/text_1888_kramskoj_i_russkie_khudozhniki.shtm

⁸ *Н. В. Гоголь*. Выбранные места из переписки с друзьями. М., 1993. С. 139

⁹ *В. В. Стасов*. О значении Иванова в русском искусстве. URL:<http://www.rulit.me/books/o-znachenii-ivanova-v-russkom-iskusstve-read-332418-31.html>

Символика света и тьмы в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Какое общение у света с тьмою,
какое согласие между Христом
и Велиаром?

(2 Кор. 6, 15)

Проблема соотношения света и тьмы – центральная мировоззренческая проблема итогового романа М. А. Булгакова. Без осмысления этой проблемы суть романа не может быть понята. «Познай, где свет – поймешь, где тьма», советует А. Блок в прологе к поэме «Возмездие». Следуя этому призыву, попробуем, прежде чем говорить о действии тьмы в романе, выяснить, какое место занимает в нем свет, и каковы градации и функции света в художественном космосе «Мастера и Маргариты».

Начнем с наиболее простого – с двух небесных светил, которые активно участвуют во всех происходящих в романе событиях, но участвуют по-разному. Есть основания даже утверждать, что солнце и луна в системе художественных образов романа противостоят друг другу, являются своего рода антиподами.

Итак, дело было весной, «в час небывало жаркого заката».¹ Этот закат – вовсе не «Свете тихий», не умиротворяющие прощальные лучи вечернего солнца, которые так любил Достоевский. Закатное солнце в романе Булгакова оказывается нестерпимо раскаленным. Председатель правления Массолита Михаил Александрович Берлиоз и молодой рифмоплет Иван Бездомный, оказавшись на Патриарших прудах, не случайно первым делом бросились к будке с газированной водой. «<...> Солнце, раскалив Москву, в сухом тумане валилось куда-то за Садовое кольцо» (12).

В повествовании о Понтии Пилате, начатом на тех же Патриарших прудах таинственным «иностранцем», события происходят тоже вес-

---

¹ Булгаков М. Мастер и Маргарита. М.: Художественная литература, 1988. С. 11. Далее ссылки на это издание будут даны внутри текста: в круглых скобках указываются страницы.

ной – 14 числа весеннего месяца нисана. Начинаются они ранним утром, а затем продолжаются на «безжалостном ершалаимском солнцепеке». Солнце, «с какою-то необыкновенной яростью сжигавшее в эти дни Ершалаим» (37), вызывает у Пилата нестерпимый приступ головной боли. В таком крайне болезненном и раздраженном состоянии Пилат ведет допрос Иешуа. «Пилат поднял мученические глаза на арестанта и увидел, что солнце уже довольно высоко стояло над гипподромом, что луч пробрался в колоннаду и подползает к стоптанным сандалиям Иешуа, и что тот сторонится от солнца» (29; здесь и далее выделение в цитатах мои. – О. С.). В решающий момент допроса, когда решался вопрос о жизни или смерти арестанта, Пилат поднял руку, «как бы заслоняясь от солнечного луча» (33), и послал простодушному философу какой-то намекающий взгляд. Намек, к великой досаде прокуратора, не был понят. Далее происходит напряженный разговор Пилата с Каиафой, когда окончательно решается участь Иешуа. В это время «раскаленный шар солнца стоит над самой <...> головой (41), тени сжимаются и исчезают. Объявляя смертный приговор, «Пилат задрал голову и уткнул ее прямо в солнце. Под веками у него вспыхнул зеленый огонь, от него загорелся мозг» (43). Сжигаемый отвесными солнечными лучами, «упершись лицом в небо», он прокричал имя отпущенного на свободу преступника Вар-раввана. «Тут ему показалось, что солнце, зазвенев, лопнуло над ним и залило ему огнем уши. В этом огне бушевали рев, визги, стоны, хохот и свист» (44). Во время казни сжигаемый солнцем Иешуа висит на «столбе». По обе стороны от него висят разбойники Дисмас и Гестас. Один злобствует, другой сходит с ума от слепней и солнца.

Есть «столб», и нет Креста, поскольку отсутствует спасительный смысл крестных страданий. Происходящее – всего лишь «нелепая казнь». Нет и евангельского «благоразумного разбойника», на его месте – безумный человек. А верный ученик Левий Матфей, «как обуюнный силой черной», бунтует и шлет проклятия солнцу, а вместе с ним Богу.

Таким образом, во всех названных сценах солнце невыносимо жжет, мучает, испепеляет – оно враждебно человеку, враждебно всему живому. Между тем, уже в дохристианской Руси солярные знаки призваны были оберегать человека от сил тьмы, от «навьих чар». В христианской традиции образ солнца имеет устойчивую связь с образом Христа, что нашло отражение во многих тропарях к Господним праздникам и в акафистах. В них повторяется вновь и вновь, что Свет от Света, Солнце Правды, Христос Бог наш «просвещает сущих во тьме».

Образ солнца в последнем романе Булгакова никак не соотносится с христианской литургической традицией и гимнографией. Он близок

к тем восточным религиям, где имеется культ черного солнца. ¹ Такое солнце подобно испепеляющей смерти и вызывает чувства ужаса и трепета. Этот образ активно использовался в оккультных учениях, которыми М.А. Булгаков интересовался.

В отличие от солнца, луна в романе часто выполняет милующую, утешающую, умудряющую роль. На Патриарших прудах, например, с появлением луны «дышать стало гораздо легче, и голоса под липами теперь звучали мягче, по-вечернему» (46). Появившийся на аллее Воланд осуществляет «седьмое доказательство», связанное с собственным существованием в мире, когда «совершенно отчетливо была видна в высоте полная луна, но еще не золотая, а белая» (46). При «золотом» лунном свете успокаивается и пересматривает свои взгляды Иван Бездомный, в полнолуние происходит столь важное для его последующей судьбы знакомство с Мастером. В конце романа свет луны беспокоит больного профессора Ивана Николаевича Понырева, но в этом свете он видит «счастливые сны» (382-383). В полнолуние Маргарита летит над землей на бал у Воланда и в восторге кричит: «Невидима и свободна! Невидима и свободна!» (228). И финальный полет героев над грустной землей происходит при багровой и полной луне, в свете которой Мастер и Маргарита видят преображение Воланда и его свиты. Лунный свет торжествует на последних страницах книги полностью: он словно бы вскипает, лунная река разливается во все стороны, луна властвует, играет, танцует, шалит, луна неистовствует. Она одерживает победу над солнцем, «разбитым вдребезги» (370) в отразившем его стекле.

Однако не следует забывать, что лунный свет в христианской культурной традиции часто трактуется как обманчивый, иллюзорный. Луна привлекает к себе inferнальные силы, и они могут использовать ее притягательный и таинственный свет в своих интересах и целях. Такова у Пушкина картина метельного мира, в котором бесы водят и кружат заблудившихся людей: «<...> Невидимкою луна освещает снег летучий. Мутно небо, ночь мутна».

Не желая блуждать, постараемся выяснить, не в лунном ли ненадежном, изменчивом свете предстают перед нами персонажи романа. Для этого изучим способы авторской характеристики лиц и событий.

Иешуа. Это странствующий философ-гуманист, растерянный «маленький человек», способный вызвать сострадание, но никак не преклонение. Он многоречив, беспокоен, суетлив, ему свойственно «тре-

¹ См.: *Вассоевич А. Л.* Духовный мир народов Древнего Востока. СПб, 1998; *Завадская Е. В.* Философско-эстетическое осознание тени в классической культуре Китая // Из истории культуры Средних веков и Возрождения. М., 1976.

возное любопытство» (24). Он плохо представляет себе будущее и не помнит прошлого: « <...> Я не помню моих родителей. Мне говорили, что мой отец был сириец <...> » (26). Он, таким образом, не знает своего Богосыновства, своей единосущности с Отцом Небесным и своей миссии исполнить волю Отца.

В отличие от евангельского Иисуса, булгаковский Иешуа не идет добровольно и сознательно на искупительную смерть, а жалобно просит «доброго человека» Пилата о своем освобождении. Да и является ли его смерть в романе искупительной? Следует ли за нею Воскресение? В романе мы находим такие подробности в сцене казни: «Мухи и слепни... совершенно облепили его, так что лицо его исчезло под шевелящейся черной массой. В паху, и на животе, и под мышками сидели жирные слепни и сосали желтое обнаженное тело» (178). Отметим, что по своему отталкивающему натурализму эта сцена значительно превосходит известную картину Гольбейна Младшего «Мертвый Христос», по преданию, написанную с утопленника ¹. «Да от этой картины у иного еще вера может пропасть!» – так Ф. М. Достоевский выразил собственное впечатление в восклицании князя Мышкина, который увидел копию картины в мрачном доме Рогожина. « – Пропадет и то, – неожиданно подтвердил вдруг Рогожин». ²

Приведем еще один пример разительного отличия образа Христа в Евангелии от образа Иешуа в романе. В ответ на философский вопрос Пилата: «Что есть истина?» – евангельский Христос молчит, поскольку Он и есть сама Истина (Ин.18, 38).³ В романе же Иешуа торопится сообщить: «Истина прежде всего в том, что у тебя болит голова, и болит так сильно, что ты малодушно помышляешь о смерти <...> » (28). Универсальная Истина подменена эмпирическим фактом, вечное – преходящим. Как верно отмечено некоторыми исследователями, Иешуа является тонким психологом, с некоторыми экстрасенсорными способностями, и только: «...Мы ждем ответа на величайший вопрос, какой только может задать человек Богу, ибо ответ должен звучать для вечности, и не один лишь прокуратор Иудеи будет внимать ему. А все сводится к заурядному сеансу психотерапии. К излечению игемона от головной боли. Мудрец-проповедник на поверку оказался средней руки экстрасенсом...».⁴

¹ См.: Карамзин Н. М. Избранные сочинения. Т. 1. М., 1964. С. 208–209.

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти тт. Т. 8. Л.: Наука, 1973. С. 182.

³ Перед крестными страданиями, в последний раз беседуя с учениками, Христос сказал: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14, 6).

⁴ Дунаев М. М. Рукописи не горят? (Анализ романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»). Пермь, 2000. С. 13.

Точно так же ни одно другое заявление Иешуа не может быть принято как безусловная правда. Например, о том, что «злых людей нет на свете» (31); в том числе Иуда – «очень добрый и любознательный человек» (34), и Марк Крысобой – добрый человек, «правда, несчастливый» (31). Перед нами – какой-то сентиментальный и до глупости наивный гуманизм. Если бы сказанное было правдой, Богу незачем было бы приходиться в мир и спасать человечество. Да и какой из Иешуа Спаситель? Сомнительно также его заявление, что нет большего порока, чем трусость. Ведь никто из людей не может быть уверен, что не проявит малодушия в той или иной ситуации. Когда такую уверенность высказал апостол Петр, Христос предрек ему троекратное отречение до того, как пропоет петух. И это предсказание сбылось. Но Петр, как известно, горячо раскаялся и был не только прощен, но и поставлен первым над апостолами. Потом его уже не страшили ни гонения, ни темница, а в конце жизни он принял крестную смерть за Христа. Если человек по слабости своей когда-либо струсил, это еще не конец, не окончательный приговор.

Итак, булгаковский Иешуа «солнцем правды» не является. И имя, и описываемые события указывают на то, что перед нами – сниженный, искаженный образ Иисуса из Назарета, показанного совсем не Бого-человеком. Но важно понять, для чего это сделано. Для того ли, чтобы максимально сблизить образ этого «маленького человека» с личностью и судьбой Мастера и самого писателя? Или для того, чтобы возвысить над ним Воланда?

Воланд. Этот персонаж действительно выглядит величественно в лунном свете романного мира. Его родственник и литературный предтеча – гётевский Мефистофель – кажется неизмеримо мельче и пошлее. О главенствующем положении Воланда в романе Булгакова свидетельствуют варианты названий первой редакции («Черный маг», «Копыто инженера», «Жонглер с копытом», «Сын В(елиара)», рабочее название «Евангелие от сатаны» и т. д.) и эпитафия к окончательной редакции, взятый из «Фауста»: «Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Эта характеристика князя тьмы, данная им самому себе, не что иное, как самооправдание. Однако не следует слишком доверчиво относиться к его словам, «ибо нет в нем истины; когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Ин. 8, 44). На самом деле только Бог может обратить зло, которое хочет сотворить дьявол, во благо человеку. А лукавый дух пытается поставить Божие деяние себе в заслугу, присвоить себе то, что Богу принадлежит.

Как раз такое присвоение дьяволу божественных свойств очень тонко осуществлено в романе Булгакова. Не сразу можно заметить, что Во-

ланд выглядит столь торжественно и величественно в значительной мере по одной причине: ему отданы все основные prerogatives Божества, а именно: всеведение, всемогущество и правый суд. А затем еще одно поистине божественное свойство будет отдано Воланду – милость.

Его всеведение обнаруживается с первых страниц романа. Таинственный иностранец угощает Берлиоза и Ивана Бездомного папиросами «Наша марка», вынув портсигар, который был «громоздких размеров, червонного золота, и на крышке его при открывании сверкнул синим и белым огнем бриллиантовый треугольник» (19). Алмазным треугольником были украшены и золотые часы Воланда, извлеченные им из кармана в спальне Степы Лиходеева. И. Ф. Белза справедливо отмечает, что «треугольник, изображавшийся на «царских воротах» и на порталах храмов, всегда был символическим изображением «Всевидающего ока» – иными словами, первой ипостаси Троицы».¹ Тот же исследователь обращает внимание еще на один символический атрибут, подтверждающий всеведение Воланда: «Рядом с Воландом на постели, на тяжелом постаменте, стоял странный, как будто живой и освещенный с одного бока солнцем глобус» (247). Глобус этот имел способность в том или ином месте превращаться «как бы в рельефную карту», на которой были отчетливо видны происходящие там события.

Но Воланд, и не только он, но и его свита, как убеждает автор, могут видеть не только внешние события, но и то, что происходит в душах людей, их «подноготную». Кроме того, они достоверно знают, что должно произойти в будущем. Прежде всего, Воланд предсказывает скорый и плачевный конец ученого атеиста Берлиоза, уверенного в том, что человек – хозяин своей судьбы. «Иностранный консультант», в ответ на это утверждение, резонно напоминает, что человек смертен, «и иногда внезапно смертен, вот в чем фокус!» (19). Ближайшие события подтверждают его правоту...

Сила его слов, аргументов и доказательств у Булгакова намного убедительней расплывчатых прекраснодушных заявлений Иешуа. Именно Воланду дана в романе prerogativa посрамить и высмеять атеизм, положенный в основу государственной идеологии советской эпохи. И это не могло не вызвать одобрения в кругах читателей, впервые познакомившихся с романом в конце 1966 – начале 1967 гг.

Время так называемой хрущевской «оттепели» 1960-х гг., как известно, было временем возобновления прежних, прерванных Великой Отечественной войной гонений на религию и церковь. Взрывали хра-

¹ Белза И. Ф. Генеалогия «Мастера и Маргариты» // Контекст. 1978. Вып. 7. М.: Наука, 1978. С. 192.

мы, закрывали монастыри, всячески унижали и ущемляли в правах священников и мирян, устраивали за ними слежку, за чтение и распространение религиозной литературы отправляли в ссылки. Хрущев пообещал народу в недалеком будущем показать по телевидению «последнего попа». Сила действия, как всегда, рождала, особенно в интеллигентской среде, силу противодействия: росло недоверие и отвращение к «научному атеизму», усиливался интерес к религиозной философии, шел активный духовный поиск. Некоторые тайно крестились и постепенно воцерковлялись. Но большинство находилось на перепутье: пытались проникнуть в самые разные религиозные учения и направления, в том числе восточные, нередко любопытствовали по поводу магии, оккультизма, спиритизма, НЛО и т. п. В моду входила литература и культура Серебряного века, а там ведь можно было найти все, что угодно: и религиозный ренессанс, но и ницшеанство, и антропософию, и оккультизм, и «третий завет», и заигрывания с черной магией... И вот именно тогда, в 1960-е, словно навстречу запросам времени, в журнале «Москва» публикуется – с задержкой на четверть столетия – последний роман Булгакова. Он вызвал потрясение, восторг, стал сенсацией. Он весело, махом опрокинул атеизм и стал для многих путеводителем к вере. Но какой именно вере? Ведь не случайно наши предки предпочитали задавать не вопрос: «Веруешь ли?» – но: «Како веруеши?» В романе «консультантом» (какое неслучайное слово!) в этом наиважнейшем вопросе является все тот же таинственный незнакомец. И он стремится направить читательский интерес к таинственной духовной сфере в нужное ему русло. В ходе разговора на Патриарших прудах названный «консультант» выражает «беспокойство» по поводу того, «кто же управляет жизнью человеческой и всем вообще порядком на земле» (18). Последующие события и решение судьбы главных героев дают вполне однозначный ответ на этот вопрос. «Сатана там правит бал» – и не только на этом свете, но и за его пределами. «Военная хитрость» Воланда состоит в следующем. Он утверждает совершенно определенно: «Имейте в виду, что Иисус существовал» (22). И тут же начинает свое повествование о Понтии Пилате как единственный свидетель, знающий, каким Иисус был «на самом деле». Таким образом, он захватывает инициативу, исподволь подсказывая нужное ему впечатление. Он не скрывает ни ума, ни доброты, ни внутренней свободы, ни других привлекательных душевных качеств Иешуа, лукаво прикидываясь объективным летописцем. Ему важно отменить главное: Богосыновство, Крест, Искушение, Воскресение. По поводу всего остального можно не мелочиться. Как уже говорилось, симпатичный Иешуа столь же беспомощен, как и Мастер, его двойник. Он не может составлять серьезную

конкуренцию князю тьмы. Воланд, следуя своей древней сатанинской гордости, делает все, чтобы поставить себя на место Божие.

Помимо всеведения и всемогущества ему, как было сказано, по воле автора романа отдано право на справедливое наказание и суд. Но если Бог наказывает людей ради их исправления, то ни одно наказание Воланда не является спасительным. Наказан за свою самонадеянность Берлиоз, уверенный, что вечером будет председательствовать на заседании в МАССОЛИТе – вместо этого колесами трамвая ему отрезало голову. Но ведь он уже никогда не сможет одуматься – нечем! Наказан Степа Лиходеев – в мгновение ока перенесен из Москвы в Ялту и, что самое обидное, без копейки в кармане. Но какие перемены произошли в нем после возвращения? Да вовсе никаких – он остался тем же прохиндеем. Только перестал пить портвейн и принялся за водку. Доносчик Алоизий Могарыч, по приказу Воланда кубарем вылетевший из квартиры Мастера, им занятой, впоследствии сделал карьеру и оказался на месте финдиректора театра Варьете – Римского. А за что наказан Римский? За то, что был умен и догадался об inferнальной природе «иностранный консультанта» и его свиты. (В ранней редакции его фамилия звучала более прозрачно – Библейский). Один лишь Никанор Иванович Босой оказался способным к покаянию, а значит, и к возможному исправлению. Но его покаяние показано в смешном свете.

Вообще важно обратить внимание на природу смеха в романе. Булгаков всегда умел смеяться метко, умно и заразительно. Смех звучит во всех его произведениях, даже самых трагических. Но в «Мастере и Маргарите», присмотревшись и прислушавшись, мы можем обнаружить, что смех вовсе не «излетает из светлых недр души» автора и во все не скрывает его «невидимые миру слезы», как это было у Гоголя, чьим литературным наследником считают создателя «Мастера и Маргариты». Совсем не гоголевский по своей духовной природе смех раздается в последнем романе Булгакова: он исходит из «недр» воландовской веселой компании, и потому по преимуществу глумлив, презрителен, а подчас и жесток. Очень весело звучит, например, в устах Коровьева перспектива рака печени для проворовавшегося буфетчика. Но, наверное, при всей неслучайности такого конца, ангелы над ним плачут, а вот бесы смеются до упаду. И чем больше потешаются они над людскими слабостями и пороками, тем более, вроде бы, возвышаются над этим жалким человеческим стадом, которое несколько не изменилось по прошествии веков и тысячелетий. И еще вот ведь что замечательно: эта развеселая компания сумела выставить в самом смешном свете одно грозное, вездесущее и всесильное ведомство. Данное ведомство обнаружило поистине младенческую беспомощность в борьбе с

потусторонней силой и ничего не сумело сделать даже вальяжному черному коту, когда он, как все помнят, сидел, никому не мешал и чинил примус, а потом висел на люстре и притворно ужасался гремевшим со всех сторон выстрелам. Именно полное фиаско, которое потерпели органы НКВД в их столкновении с бесовской шайкой, должно было привлечь на сторону этой шайки горячие симпатии читателей и окончательно уверить их во всемогуществе Воланда и его свиты.

Все вышесказанное наводит на мысль, что автор, в общем-то, вполне симпатизирует «таинственному иностранцу» и исподволь подводит читателя к мысли, что борьба с ним совершенно бесполезна, а вот наладить добрые отношения было бы весьма умно. Об этом свидетельствует и выбор Маргариты, и выбор Ивана Бездомного, который из Иванушки-дурачка, примирившись с «ученым иностранцем», превратился в умного Ивана. Но об этих персонажах речь еще впереди. А здесь нам важно обратить внимание на то, что, в отличие от них, Левий Матвей, ученик Иешуа и непримиримый враг князя тьмы, неоднократно характеризуется как глупый и презренный раб.

Каким образом освещен в романе бывший сборщик податей, рассмотрим подробнее.

Левий Матфей. Факты его биографии, указанные в романе, в основном совпадают с тем, что известно из церковного Предания и Писания. Матфей был сыном Алфея, иначе именуемого Левием, и призван из мытарей. Он сидел у сбора пошлин, когда услышал обращенный к нему проникновенный голос Христа: «Следуй за Мною». Беспрекословно подчинившись этому призыву, Матфей оказался в числе 12-ти избранных учеников. Из Евангельского повествования известно, что после своего обращения он сделал большое угощение для Господа, и тогда фарисеи осудили Христа за общение с мытарями и грешниками (Мф. 9, 9-12).¹ Из Священного Предания о нем известно, что, по Вознесении Христа, он долгое время проповедовал евангельское учение в Палестине иудеям, а затем отправился на проповедь к другим народам (эфиопам и парфянам, по иным сведениям – к персам). Перед его отплытием уверовавшие во Христа иудеи попросили апостола записать то, что он проповедовал им устно. Так, спустя всего 8 лет после Вознесения, появилось Евангелие от Матфея. По преданию, апостол Матфей принял мученическую смерть в огне.²

¹ Похоже, что в романе Булгакова сохранилось фарисейское презрительное отношение к апостолу Матфею в связи с прежним его занятием, которое он так решительно оставил.

² См.: Библейская энциклопедия. М: Троице-Сергиева лавра, 1990. С. 461.

И вот этот верный ученик Христа и первый Евангелист в романе Булгакова поруган и растоптан. Хотелось бы подчеркнуть, что фарисейски презрительное отношение к нему сохраняется не только в главах Мастера о Пилате, но и в «современных» главах, где повествование ведется от лица самого писателя. Мы обращаем на этот факт особое внимание, поскольку в известной книге диакона Андрея Кураева «Мастер и Маргарита: за Христа или против»¹ делается попытка противопоставить взгляды писателя мировоззренческой позиции его героев, в первую очередь Мастера с его «кощунственными главами о Пилате», как вполне справедливо определяет «роман в романе» автор исследования. Используя огромный арсенал своих богословских и философских знаний, Кураев стремится отделить горячо почитаемого им М. А. Булгакова и от Воланда, и от Мастера и Маргариты, и от Иешуа, и доказать якобы сугубо отрицательное отношение писателя ко всем названным персонажам. Он словно бы забыл твердое убеждение самого Булгакова: «Героев своих надо любить. Если этого не будет, не советую никому братья за перо».² И каждый непредубежденный читатель имеет возможность убедиться при чтении романа в авторской любви, сострадании, сердечном сочувствии к Мастеру и его подруге, а также к Иешуа, Ивану Поньреву, Понтию Пилату. Нам представляется, что о. Андрей Кураев сделал в своем исследовании множество очень ценных частных наблюдений, но с его конечными выводами невозможно согласиться. Задавшись целью защитить писателя и от сил тьмы, и от православных критиков романа, с тем, чтобы представить позднего Булгакова твердо верующим христианином, о. Андрей, на наш взгляд, не сумел избежать «предрассудков любимой мысли», об опасности каковых предупреждал нас Пушкин. Для того чтобы не погрешить против истины, требовалось не только и не столько продемонстрировать собственную эрудицию, но, прежде всего, просто и беспристрастно всмотреться в цельную идейно-художественную вселенную романа. Важно было не слишком отвлекаться от литературного текста с его четко выраженными эмоционально-смысловыми акцентами и ясными оценочными характеристиками.

В качестве выразительного примера этих последних можно привести как раз образ Левия Матвея в романе. В главах Мастера о Пилате Иешуа жалуется на привязавшегося к нему сборщика податей: «...Хо-

¹ *Диакон Андрей Кураев. «Мастер Маргарита»: за Христа или против? Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2006.*

² *Булгаков М. Театральный роман (записки покойника) // Булгаков М. Пьесы. Романы. М., 1991. С. 234.*

дит, ходит один с козлиным пергаментом и непрерывно пишет. Но я однажды заглянул в этот пергамент и ужаснулся. Решительно ничего из того, что там записано, я не говорил. Я его умолял: сожги ты Бога ради свой пергамент! Но он вырвал его у меня из рук и убежал» (27). Как видим, Мастер стремится к полному развенчанию наиболее опасного для себя персонажа. Ведь Левий Матвей – главный идейный противник Воланда и основной литературный соперник Мастера. Поэтому, чтобы показать уникальную значимость гениального творения Мастера, надо было развенчать Евангелие и дискредитировать евангелиста. «Путаница будет продолжаться очень долгое время, – сокрушенно говорит Иешуа, – и все потому, что он неверно записывает за мной» (27). Ничего не скажешь, это поистине змеиный укус...

Как уже говорилось, в самом начале романа, во время разговора с Берлиозом и Иваном Бездомным, Воланд представляет себя единственным достоверным свидетелем событий, происходивших в Ершалаиме около двух тысячелетий тому назад. Его рассказ продолжен Мастером во время встречи с Иваном Бездомным в психиатрической клинике в той же стилистике, в том же смысловом ключе. Таким образом, «гениальное произведение» Мастера – своего рода «автоматическое письмо», вдохновленное и продиктованное князем тьмы. В XX веке, увы, уже мало кто сомневался, что гений и злодейство, гений и силы тьмы – есть вещи вполне совместные. И крупнейший русский писатель XX столетия сумел показать, что из-под пера его героя, направляемого незримым «опекуном», вышло действительно талантливое произведение («роман о Пилате»), выдающееся по своему блистательному мастерству. Да вот «беда»: оно все же не выдерживает никакого сравнения с величественно простым и – что несравненно важнее – боговдохновенным евангельским текстом. Бывший мытарь, преображенный Святым Духом и призванный к апостольскому служению, неизмеримо превзошел в тихом свете своего неотразимо правдивого повествования самую ослепительную игру воображения и самое изощренное писательское мастерство.

Евангелиста (именно как исторически реального антагониста булгаковского Мастера) надо было обезопасить – низложить, унижить, в конечном счете – уничтожить в глазах читателя. Какими методами? Да все теми же, обычными. Вспомним, как в романе уничтожали Мастера его противники – Ариман, Латунский и иже с ними. Все шло в ход: злобные наветы, моральная дискредитация, травля, клевета.¹ Но разве

¹ Через все это прошел, как хорошо известно, и сам М. А. Булгаков. Гонители Мастера имеют реальных прототипов в лице Авербаха, Гроссмана-Рощина, Орлинского, Блюмкина и т.д.

не подобные же методы применяет сам Мастер, а вместе с ним и автор романа, в отношении Левия Матфея? Ведь в главах о Пилате и в современных главах романа, пожалуй, не найти более отвратительного, зловещего и одновременно жалкого персонажа. Напомним некоторые эпизоды.

Во время казни Иешуа Левий впадает в ярость, проклиная себя, отца и мать, грозит кулаком солнцу и, в конце концов, проклиная Бога. Он крадет нож и готов совершить убийство и самоубийство. После казни, вызванный на допрос к прокуратору, «Левий с ненавистью посмотрел на Пилата и улыбнулся столь недоброй улыбкой, что лицо его обезобразилось совершенно» (319). Таков образ Левия в изображении Мастера (с подачи Воланда) в главах о Пилате. Но и в современной Москве, на крыше Румянцевского музея, он показан уже самим автором романа все таким же – отвратительным, грязным и мрачным человеком в хитоне, который говорит с Воландом, «все более озлобляясь». «Ты глуп», – презрительно бросает ему мессир и называет «рабом» (349). Как видим, вопреки мнению диакона Андрея Кураева, писатель вовсе не противостоит Мастеру в своем видении людей и событий. И в «пилатовых», и в современных главах персонажи предстают в одном и том же свете.

На крыше Румянцевского музея Воланд затевает со своим идейным противником важнейший мировоззренческий спор. Этот спор о тьме и свете имеет, как уже было сказано, основополагающее значение для понимания проблематики романа и осознания духовного выбора его автора. Поэтому на нем следует остановиться подробнее.

При своем появлении Левий Матвей именуется Воланда «духом зла и повелителем теней» и дерзко заявляет, что не приветствует его потому, что не желает ему здравствовать. «Но тебе придется примириться с этим, – возразил Воланд, и усмешка искривила его рот, – не успел ты появиться на крыше, как сразу же отвесил нелепость, и я тебе скажу, в чем она, – в твоих интонациях. Ты произнес свои слова так, как будто ты не признаешь теней, а также и зла. Не будешь ли ты так добр подумать над вопросом: что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как выглядела бы земля, если бы с нее исчезли тени? Ведь тени получаются от предметов и людей. Вот тень от моей шпаги. Но бывают тени от деревьев и живых существ. Не хочешь ли ты ободрать весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и все живое, из-за твоей фантазии наслаждаться голым светом? Ты глуп» (349).

Что стоит за этой отповедью сатаны (именно так, напрямую, именуется этот персонаж в данной главе романа)? Во-первых, он стремится выставить своего противника в смешном, нелепом и недобром свете –

фанатиком, готовым ради религиозной догмы истребить все живое на земле. Себя же Воланд «позиционирует», как принято ныне говорить, истинным гуманистом. Между прочим, такими же приемами манипулирует дьявол в Книге Бытия, соблазняя Еву вкусить плод от дерева познания и представляя Бога завистником людей, а себя – их доброхотом и благодетелем. Богоборческий «гуманизм» впервые обнаруживает здесь свою истинную природу. Напомним, что во время этой центральной в идейном отношении сцены на западе города, отражаясь в стеклах, пожаром горит «изломанное ослепительное солнце» (348).

Апеллируя к законам материального мира, Воланд в этом споре хочет доказать, что добро будто бы не может обойтись без зла, Бог не может обойтись без дьявола, поскольку солнечный свет не может обойтись без тени. Эта трогательная верность физическим законам тоже «от лукавого»: при желании Воланд запросто нарушает любые из них, когда, например, во мгновение ока переносит Степу Лиходеева из Москвы в Ялту, или организует в квартире № 50 некое «четвертое измерение» с бесконечными анфиладами залов, зимними садами и лестницей, уходящей куда-то в бесконечность (сцена бала). «Праздничную полночь приятно немного и задержать», – говорит в этой сцене Воланд, демонстрируя свою способность повелевать не только пространством, но и временем. Кстати, вопреки земным законам, inferнальные представители иного мира не отбрасывали тени, и наблюдательный Римский с ужасом догадался, что вместо Варенухи перед ним – оборотень именно по этому признаку (156). Однако нетрудно вспомнить, что даже в обычных земных условиях тени исчезают, когда солнце находится в зените.

Да ведь речь в затеянном диспуте на самом деле идет не о земном, физическом, а о духовном мире. В этом мире, согласно Евангелию, «Свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1,5). «Бог есть свет и нет в нем никакой тьмы» (1 Ин. 1,5). И, наконец, «Какое общение у света с тьмою, какое согласие между Христом и Велиаром?» (2 Кор. 6, 15) Главный персонаж романа Булгакова настаивает на таком общении. И автор романа самым фактом ходатайства Иешуа к Воланду стремится подтвердить эту связь сил света и тьмы и даже их «деловое партнерство».

В мировоззренческой основе романа о Мастере и Маргарите, как отмечалось целым рядом исследователей, заложен дуализм – мысль о вечном сосуществовании добра и зла, вера в два равноправные и равновеликие начала – светлое и темное, доброе и злое. Хотелось бы обратить внимание на необычный возглас, часто встречающийся на страницах романа Булгакова: «Боги, боги мои!» Не является ли этот возглас

еще одним подтверждением дуалистических взглядов писателя? Ведь христианин воскликнул бы «Боже мой!» или «Господи!» Дуализм исповедовали поклонники зороастризма, древние гностики, манихеи, богомилы, альбигойцы, тамплиеры и т. д. В юности М. Булгаков читал хранящиеся в библиотеке отца книги по истории западной церкви, в которых содержались сведения о борьбе церкви с еретическими учениями. В зрелые годы он мог найти интересующую его литературу, связанную с дуалистическими ересями и черной магией, в Ленинской библиотеке (бывшем Румянцевском музее). Ведь не случайно Воланд представился в начале романа Ивану Бездомному и Берлиозу иностранным профессором-консультантом и сообщил им, что «в государственной библиотеке обнаружены подлинные рукописи чернокнижника Герберта Арвилакского, десятого века. И вот требуется, чтобы я их разобрал» (22). Таким образом, здание библиотеки является его «рабочим местом», и именно на крыше этого здания произошел столь значимый спор о свете и тьме между ним и Левием Матвеем.

Как установила в своем исследовании «Загадки известных книг» И. Л. Галинская, с начала 1930-х гг. в главной библиотеке страны хранился первый том знаменитого памятника провансальской литературы «Песнь об альбигойском крестовом походе» (XIII в.). В нем разрабатывалась и обыгрывалась тема света и тьмы¹. Здесь же находилась книга французского историка Наполеона Пейра «История альбигойцев», где сообщалось, что в одной из рукописей названной «Песни», в вignetке заглавной буквы содержалось изображение автора в фиолетовом плаще. Этот автор, альбигойский рыцарь-трубадур, был участником войны с крестоносцами. Он называл себя «учеником волшебника Мерлина и геомантом, умеющим видеть потаенное и предсказывать будущее <...>, а также некромантом, способным вызывать мертвецов и беседовать с ними».² В «Песне об альбигойском крестовом походе» обыгрывается тема света и тьмы. Булгаков обнаруживает в своем романе превосходное знание этого памятника – в тексте «Мастера и Маргариты» немало скрытых ссылок на него, да и вообще немало оглядок на дуалистическую ересь альбигойцев и близких им по духу рыцарей-тамплиеров. Так, в финальном полете над грустной землей, в свете луны преображаются Воланд и его свита. У них появляются рыцарские плащи и шпаги.

Chlamydati (облаченные в хламиды, т.е. военные плащи) – таково было средневековое название тамплиеров и рыцарей некоторых дру-

¹ См.: Галинская И. Л. Загадки известных книг. М.: Наука, 1986. С. 100.

² Там же. С. 101.

гих орденов, например, иоаннитов. В древние плащи-хламиды были облачены теперь спутники Мастера и Маргариты. Особое внимание привлекает совершенно преобразившийся Коровьев-Фагот: он превратился в темно-фиолетового рыцаря с никогда не улыбающимся лицом. Как выяснилось, «рыцарь этот когда-то неудачно пошутил» – он составил каламбур о свете и тьме. И. Л. Галинская сумела выяснить, как именно звучал этот каламбур. В «Песне об альбигойском крестовом походе» описывается гибель графа Симона де Монфора, возглавившего крестовый поход против еретиков и осадившего Тулузу, являвшуюся их главной цитаделью. Граф де Монфор поспешил на помощь брату, раненному стрелой, и был убит камнем, пущенным из камнеметной машины. Эта гибель главного врага вызвала в стане еретиков такой восторг, как будто, как пишет рыцарь – автор «Песни», «из тьмы воцарился свет». На провансальском диалекте это выражение содержит игру слов: «L'escurs esclarzic»¹. Отсюда становится понятной соль «неудачной шутки» темно-фиолетового рыцаря, в которого превратился бывший шут и по совместительству регент Коровьев. По смыслу каламбура получается, что тьма изначально по отношению к свету, и Бог света зависит от князя тьмы, который принадлежит первичной темной бездне, а потому превосходит Бога.

На постулате о превосходстве тьмы над светом основана в романе иерархическая вторичность Иешуа по отношению к Воланду. В некоторых статьях о «Мастере и Маргарите» уже обращалось внимание на то, что в первой редакции романа Левий Матфей появлялся на крыше Румянцевского музея, чтобы передать Воланду приказ от своего учителя о решении участи Мастера и Маргариты. В последней редакции это была уже просьба определить судьбу героев. Тем самым автор вновь подтверждает, что Воланд является высшей инстанцией в художественном мире романа.

Итак, в романе нет превосходства света над тьмою, как это явлено в Священном Писании, более того, в нем отсутствует даже декларируемая равнозначность света и тьмы. Воистину, как сказано в Евангелии, никто «не может служить двум господам, ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть» (Лк. 16,12). Полное подтверждение эта мысль нашла в истории ордена тамплиеров, который начинался с горстки «бедных соратников Христа и Соломонова Храма» (от слова «храм» – «temple», и произошло название ордена). Сначала это были верные и доблестные рыцари, бесстрашные защитники христианства на Святой земле. Затем,

благодаря богатым пожертвованиям королей и пап и освобождению от уплаты налогов, ордер разбогател. Тамплиеры начали заниматься ростовщичеством, и в связи с этим их богатства достигли невероятных размеров.¹ Между прочим, именно они стали основателями банковского дела в Европе. Безналичный расчет, чеки, аккредитивы, ссуды под проценты были изобретены ими – теперь уже отнюдь не «бедными», а с некоторых пор «скупыми» рыцарями, обладавшими несметными богатствами. Они давали ссуды под большие проценты и христианским королям, и мусульманским монархам. В конце концов, тамплиеры-храмовники стали банкирами всех крупнейших домов Европы.

Сребролюбие часто влечет за собой предательство. И тамплиеры совершили Иудин грех: предали христианское дело в Палестине, способствовали провалу последних крестовых походов. Внешне они оставались христианами, но основой их тайного учения стал дуализм. Согласно их учению, высший Бог, творец духов и добра, чужд человечеству и удален от него, поэтому предпочтительней поклоняться низшему богу, от которого можно получить все земные блага, земную любовь, творческие дарования, тайны мастерства. Низшим богом был Люцифер (по самому имени – бывший ангел света, превратившийся в князя тьмы); его идол получил у тамплиеров название Баффомет. В некоторых исследованиях о последнем романе Булгакова высказывалось предположение, что Воланд и есть Баффомет, понятый как судья мира и людей.

Итак, в среде тамплиеров произошло предательство Христа под маской служения Ему. При французском короле Филиппе II и папе Клименте V орден был разогнан, магистр ордена Яков Моле вместе с великим прецептором в 1313 г. сожжены на костре. В комнате замка, где содержался под стражей Яков Моле перед казнью, были найдены иероглифические надписи, содержащие смертные проклятия королю и папе. Действительно, в следующем году оба умерли один за другим в страшных муках (предположительно, были отравлены неизвестным ядом).² Большинство рядовых членов ордена остались на свободе. Уцелевшие рыцари-тамплиеры ушли в тайное существование среди корпораций строительных каменщиков и передали свое учение так называемым интеллектуальным, или символическим, строителям, которые сохранились после распада ремесленных строительных обществ. Символические строители ставили целью создание общечеловеческого храма

¹ См.: Тихомиров Л. А. Религиозно-философские корни истории. М.: Москва, 1997. С. 418–425.

² Тихомиров Л. А. Указ. соч. С. 423.

разума, свободы и прогресса. У них были три начальных степени – ученик, подмастерье (товарищ) и мастер.

В связи с выявленной рядом ученых связью последнего романа Булгакова с преданиями и воззрениями альбигойцев, тамплиеров и генетически связанных с ними масонов, наводит на размышления то, почему безымянный герой романа назван Мастером и носит, не снимая, черную шапочку с вышитой на ней монограммой «М». Вполне допустимо, что писатель имел в виду не только писательское мастерство героя и не только его претензию на ученое толкование священных книг, ведь роман в смысловом отношении многослоен. И вот еще на что хотелось бы обратить внимание. Мастер вкладывает в уста Иешуа утверждение, которое представлено как выражение его заветных мыслей («правду говорить легко и приятно»): «Рухнет храм старой веры и создастся новый храм истины» (28). Вера в этой фразе противопоставлена истине. Новый «храм истины», судя по всему, имеет отношение к древу познания и его плодам, и этот масонский храм будут строить без краеугольного камня – Христа, вопреки Его напоминанию: «Неужели вы никогда не читали в писании: Камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла?» (Мф.21, 42). Далее в романе читаем: «В числе прочего я говорил, – рассказывал арестант, – что всякая власть является насилием над людьми и что настанет время, когда не будет власти ни кесарей, ни какой-либо иной власти. Человек перейдет в царство истины и справедливости, где вообще не будет надобна никакая власть» (34). Перед нами – политическое заявление. Подобных заявлений никогда не делал настоящий Христос, но в романе именно оно погубило пленника. Заявление это оформлено в духе масонской риторики. Но неужели так уж непереносима и подлежит уничтожению «всякая власть»: власть Бога на небе и на земле, власть отца в семье, власть государственная? Хотелось бы напомнить мысль Владимира Соловьева о том, что государство существует не для того, чтобы на земле был рай, но для того, чтобы на ней не было ада.

Вечные враги тамплиеров – король и папа. Цель воспринявшего их традиции масонства – разрушение государства (в первую очередь, христианской монархии), церкви и семьи, поскольку семья есть начальная клеточка государства и «малая церковь». Нельзя не обратить внимания, что ведь и роман Булгакова идейно направлен против государственной «власти кесарей» (в заявлении Иешуа), против церкви (в лице апостола и евангелиста Матфея) и против семьи (в истории «свободной любви» Мастера и Маргариты).

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что к 1929 г., когда было положено начало работы над романом, некоторые взгляды

М. А. Булгакова претерпели существенные изменения. Прежде, как хорошо известно, он был монархистом, и, например, в статье «Грядущие перспективы», написанной в Грозном в 1919 г., утверждал, что крушение монархической власти – это во многом крушение самой России и что неизбежна будущая всенародная жестокая расплата за содеянное. И вот, в период работы над итоговым романом, монархист превратился в анархиста, отрицающего всякую власть на земле и на небе. Отношение М. А. Булгакова к Церкви, очевидно, тоже должно бы изначально быть иным, ведь он был внуком орловского священника и сыном преподавателя Киевской Духовной академии. Татьяна Николаевна, первая жена писателя, свидетельствует, что он «верил в Бога, только не показывал этого: никогда не молился, в церковь не ходил, крестика у него не было, но верил»¹. Без молитвы и креста христианину трудно оградить себя от темных сил и невозможно успешно вести «невидимую брань». Тем не менее, и писатель, и герои его ранее написанных произведений в некоторых случаях были весьма решительно настроены против разного рода нечисти. В романе «Белая гвардия» Алексею Турбину однажды под утро приснился сон, и в этом сне «явился к нему маленького роста кошмар в брюках в крупную клетку и глумливо сказал: “ – Голым профилем на ежа не сядешь! Святая Русь – страна деревянная, нищая и... опасная, а русскому человеку честь – только лишнее бремя”. – Ах ты! – вскричал во сне Турбин, - г-гадина, да я тебя. – Турбин во сне полез в ящик стола доставать браунинг, сонный, достал, хотел выстрелить в кошмар, погнался за ним, и кошмар пропал».²

Прошло время, и в романе «Мастер и Маргарита» «некто в клетчатом» и иже с ним уже не встречают отпора, и никакими браунингами их не испугать, а когда кухарка при виде воландовской шайки хочет совершить крестное знамение, ей грозно кричат: «Отрежу руку!» (360). И теперь уже не люди гонят бесов, а бесы гонят людей, куда им только заблагорассудится. Россия стала иной с тех пор? Да, во многом. Но, смеем утверждать, при всех внешних переменах, она в главном, заветном, осталась верна себе. Разве не знал М. А. Булгаков, сколько русских людей в 1920-е и 1930-е годы шли за веру в лагеря и ссылки, принимали смерть? Их было больше, чем во все века гонений на христиан. При всей своей циничной проницательности, чего-то все же не разглядел Воланд в москвичах, увидев среди них в основном только мелких корыстолюбцев, отъявленных прохвостов и самоуверенных бездарностей.

¹ См.: Чудакова М. Жизнеописание М. А. Булгакова. М., 1988. С. 387.

² Булгаков М. Белая гвардия. Роман, повесть, пьесы. М.: Современник, 1991. С. 92.

Он надменно взирал на Москву с крыши Румянцевского музея и с высоты Воробьевых гор в самый канун «сороковых роковых». Через год после того, как был написан роман и ушел из жизни его автор, Россия поднялась на священную войну с «фашистской силой темною» и подтвердила верность своему призванию сражаться с мировым злом. Воланд, полномочный представитель этого зла в романе, все же недооценил москвичей и переоценил свои силы. Святой Георгий, побеждающий змея, словно сошел с древнего герба Москвы на поля жестоких сражений, в горнило нашей новейшей исторической судьбы. Значит, духовная панорама страны не была однозначной ни в одно из десятилетий, и «невидимая брань», проявлявшаяся в видимых событиях, продолжалась. Нам важно теперь понять, прояснить, какую позицию занял в отношении к этой брани сам М. А. Булгаков.

Позволим, – разумеется, с должной осторожностью, не претендуя на окончательные выводы, – выдвинуть следующую гипотезу. В 1929 году, который известен как трагический «год великого перелома» в судьбе страны, судьбе народа, некий – тоже трагический – перелом произошел и в судьбе, и в мировоззрении большого русского писателя. В этом году, в феврале, начался его роман с Еленой Сергеевной Бокшанской, ставшей прототипом Маргариты. Между прочим, сама Елена Сергеевна свидетельствовала, что один таинственный знакомый Михаила Афанасьевича, с белой бородой и молодым лицом, недавно вернувшийся из ссылки, при встрече назвал ее ведьмой, и писатель с изумлением отреагировал: «Как ты догадался?»¹. В том же году Булгаков, по некоторым сведениям (скажем, опять же, осторожно), сблизился с учением тамплиеров². И, наконец, именно в этом году он вплотную приступил к созданию «романа о дьяволе», как сам писатель определил его в одном из писем и называл в черновых записях.

28 марта 1930 года Булгаков сжег первую редакцию романа. Тем же числом, что знаменательно, было датировано его известное письмо Сталину, написанное с мужеством и достоинством.

Однако через несколько лет «невидимая брань», которую до этого вел писатель, заканчивается возобновлением его работы над романом. 2 августа 1933 года М. А. Булгаков пишет В. В. Вересаеву: «В меня вселился бес. Уже в Ленинграде и теперь здесь, задыхаясь в моих комна-

¹ См.: *Лакшин В. Я.* Елена Сергеевна рассказывает... [Текст] / В. Я. Лакшин // *Огонек*. № 19 (3120). – 1987. С. 22–23. О том же: *Лакшин В. Я.* Воспоминания о Михаиле Булгакове / Сост. Е. С. Булгакова и С. А. Ляндрес; Вступ. ст. В. Я. Лакшина; Послесл. М. О. Чудаковой. – М.: Сов. писатель, 1988. – 525, [1] с. – С. 412–420.

² См.: *Воробьевский Ю.* Русский Голем. Часть 1. М., 2004, С. 92.

тенках, я стал марать страницу за страницей наново тот свой уничтоженный три года назад роман. Зачем? Не знаю. Я тешу себя сам! Пусть упадет в Лету. Впрочем, я, наверное, скоро брошу это».¹ Но – не бросил. Работа над романом продолжалась до конца жизни. Художественное мастерство писателя достигло своей вершины. Однако Булгаков периода «Мастера и Маргариты», оставаясь превосходным художником и еще более совершенствуясь в мастерстве, по некоторым существенным мировоззренческим позициям был уже не тем Булгаковым, который создал «Белую гвардию» и «Собачье сердце». Что ж, нам известны перевероты, «обращения» в мировоззрении великих русских писателей. Серьезнейшим образом изменились, например, некоторые, в том числе религиозные, взгляды Пушкина в период Михайловской ссылки. Достоевский пережил на каторге настоящую «умопрему». Кардинальные изменения в видении вещей и событий произошли у выдающегося современника М. А. Булгакова, писателя Андрея Платонова. Возможно, некий переверот, некое «обращение», только с противоположным знаком, пережил и автор «Мастера и Маргариты» в период работы над романом. Скорее всего, такое «обращение» исподволь готовилось и в его внутреннем мире, и в его творчестве. Этой непростой проблеме можно было бы посвятить отдельное исследование. В данной же статье, в которой исследуется тема света и тьмы, представляется важным обратить внимание на то, что состояние «обращения» и даже «преображения» переживают едва ли не все основные персонажи последнего романа М. А. Булгакова.

Напомним, что в православной богословской традиции светом Преображения был признан нетварный Божественный свет, исходящий от Христа на горе Фавор. Его увидели, насколько могли, Петр, Иоанн и Иаков. Перед этими самыми близкими своими учениками Христос впервые явился в Славе – той Славе, которая была Ему присуща всегда, потому что, согласно Писанию, Бог есть Свет. Но до времени этот невещественный Свет был сокрыт от людей. В момент Преображения изменение произошло не во Христе, а в учениках. По благодатному воздействию светоносных энергий, сообщенных им Духом Святым, они преобразились в свете, и тогда сумели воспринять свет славы Учителя. Подобное познается подобным. «Чистые сердцем Бога узрят». Только очищенный покаянием, просветленный человек может встретиться с Творцом. Здесь – тайна «восьмого дня», то есть будущего века. Обо всем этом свидетельствовали многие святые отцы – Григорий Бо-

¹ Чудакова М. Творческая история романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вопросы литературы, 1976, № 1. С. 219.

гослов, Кирилл Александрийский, Максим Исповедник, Иоанн Дамаскин. О светоносных энергиях, как о «лучах Божества», как о творческих силах, пронизывающих мир и изменяющих природу человека путем обожения, писали Дионисий Ареопагит и Григорий Палама. Итак, человек призван к обожению, к преображению в свете. Но, как говорит Симеон Новый Богослов, те, кто не сподобились вкусить фаворский свет, какого бы они ни были звания, пусть даже самого высокого, «еще во тьме сидят и во тьме ходят, и не хотят, как должно, покаяться. Покаяние есть дверь, которая выводит человека из тьмы и вводит в свет <...> Творящий же грех раб есть греха и ненавидит свет, чтобы не обнаружилась дела его».¹

В романе Булгакова из всех основных персонажей глубокие покаянные муки испытывает только Понтий Пилат. Вот почему его образ вышел наиболее близким евангельскому прототипу, наиболее тонко и глубоко психологически разработанным, внутренне интересным, неоднозначным. В романе он кается и мстит Иуде за Христа, кается и мучится уготованным ему бессмертием. Его покаяние, однако, было смешано с жалостью к себе, а потому не могло быть полным. Не случайно в конце романа, уходя по лунной дорожке с бродячим философом, прокуратор не просит прощения, а лишь умоляет подтвердить, что ничего не было, не было этой «пошлой казни». Поэтому преображение Пилата так и не смогло произойти. Другие важнейшие персонажи романа переживают «преображение» в полной мере, но оно осуществляется не в свете, а имеет обратный знак. Посмотрим, как это происходит.

Иван Бездомный. Был он сначала, несомненно, Иваном дураком: ничего не знал и писал плохие стихи. Однако чувствовалось в нем и что-то очень привлекательное: прямодушие и простодушие, непримиримость к злу. Но, с другой стороны, как смехотворно выглядела эта самая непримиримость! Иван истово, упорно, но совершенно безрезультатно гонялся за темной силой с бумажной иконкой и свечкой, в одних подштанниках. Ну и добегался, голубчик, – угодил в психиатрическую клинику профессора Стравинского. Начал было по лукавому совету профессора писать объяснительную записку, смешно запутался. И вот, при свете полной луны, начинает потихоньку успокаиваться Иван и... «умнеть». В голову ему приходят неожиданные мысли: «Почему, собственно, я так взволновался из-за того, что Берлиоз попал под

¹ Цит. по: Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Православной Церкви. М., 1991, С. 143. Также см.: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/43846>; Аверинцев. Метафизика света // Аверинцев Сергей. Собр. соч. / Под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова/. София-Логос. Словарь. К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2006. С. 310.

трамвай? – рассуждал поэт, – в конечном счете, ну его в болото! Кто я, в самом деле, кум ему или сват?» (116). Далее Иван сожалеет о том, что зачем-то «взбесился» на этого иностранца, загадочного консультанта и мага. «И вместо того, чтобы поднимать глупейшую бузу на Патриарших, не умнее ли было бы вежливо расспросить о том, что было далее с Пилатом и этим арестованным Га-Ноцри?» (117). После этого родившийся в его раздвоенном сознании «новый Иван» ехидно спросил «старого Ивана»: Так кто же я выхожу в этом случае? – Дурак, – отчетливо сказал чей-то бас, не принадлежавший ни одному из Иванов и чрезвычайно похожий на бас консультанта» (117). «Поумневший» Иван этой обидной, вроде бы, реплике почему-то приятно изумился. Духовная борьба, происходившая в нем, была недолгой. Сострадание смертным мукам знакомого человека сменилось полным равнодушием. Стремление бороться с нечистой силой уступило место «благоразумному» желанию контактировать с нею. «Новый Иван» победил, таким образом, «ветхого Ивана».

Слова «ветхий» и «новый» взяты из Евангелия, но использованы в романе опять же с обратным знаком. В тексте Священного Писания призываемся мы отрешиться от ветхого греховного человека в себе и преобразиться в новую, чистую и светлую личность, достойную вечности. В романе Булгакова «ветхим» является как раз христианский «атавизм» в душе Ивана. Преображение Ивана в «нового» человека имеет противоположный смысл. Так при свете полной луны происходит «преображение» Иванушки дурачка в умного Ивана, будущего профессора философии Ивана Николаевича Поньрева, ученика Мастера и поклонника Маргариты.

Маргарита. С ней происходит нечто подобное тому, что случилось с Иваном Поньревым. Перед встречей с темной силой она, проснувшись, торжественно повторяет: «Я верую!.. Я верую! Что-то произойдет» (213). Она предчувствует свое «обращение». Но, встретившись на скамейке с неизвестным рыжим гражданином, изо рта которого торчал клык, она поначалу отнеслась к нему подозрительно. Получив от него приглашение пожаловать к знатному иностранцу, сочла, что он сводник. «Дура!» – проворчал он вслед уходившей Маргарите. И остановил ее, внезапно процитировав строки из романа Мастера. Во время последней в своей земной жизни встречи с «милым Азазелло», Маргарита признает, что тогда, в Александровском саду, едва не совершила своим уходом роковую ошибку: «Ах, не напоминайте мне, Азазелло! Я была глупа тогда. Да, впрочем, меня и нельзя строго винить за это – ведь не каждый же день встречаешься с нечистой силой!» (357). Вступив в сделку с этой самой силой ради того, чтобы что-то узнать о Ма-

стере, Маргарита пережила полное «преображение» своей природы. И уже в образе ведьмы она была охарактеризована автором как «великого ума» и «непомерной красоты» женщина. Из всех земных персонажей романа она оказалась наиболее способной к решительным действиям. Это деятельное «фаустовское» начало, готовность на любой, самый рискованный эксперимент, достались в романе Булгакова женщине, а не мужчине.

Чешская исследовательница Э. Олонова имела немало оснований назвать этот роман «Антифаустом».¹ Образ булгаковской Маргариты действительно оказался кардинально противоположным образу ее тезки в «Фаусте». Юная Маргарита в трагедии Гете глубоко религиозна. С самого начала своего знакомства с героем она подозрительно относится к Мефистофелю и предупреждает Фауста, что его спутник опасен. Она совершает преступление, но не идет на сделку с Мефистофелем, который обещает ей избавление от тюремных уз и земное счастье с любимым человеком. Гретхен предпочитает претерпеть все отпущенные ей страдания и тем самым хотя бы отчасти искупить ими свою вину. Она не ищет избавления от мучений, не ищет покоя в забвении, как это делают героини булгаковского романа (и Маргарита, и Мастер, и Пилат, и близкая по вине и судьбе Фрида). Но, пройдя свой тяжкий путь до конца, не изменив Богу и не изменившись в своей нравственной природе, эта «первородная» Маргарита получает уже в ином мире возможность ходатайствовать перед Божией Матерью за душу возлюбленного. Благодаря верной Гретхен, Фауст, душа которого уже находилась во власти Мефистофеля, был спасен для вечности. Ее образ оказывается связанным с таинственной темой «вечной женственности». Маргарита в романе Булгакова – ее антипод. В известном смысле, она является антиподом и пушкинской Татьяны Лариной, которая не пожелала переступить через таинство брака, через любовь мужа, уважаемого, достойного, преданного ей человека. Своим отказом Татьяна спасала опустошенную душу Онегина и одновременно не давала погубить свою душу. Булгаковская Маргарита не озабочена спасением ни души своего возлюбленного, ни своей собственной. О внезапной любви, настигшей ее и Мастера, сказано так: «Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих» (139). Здесь просматривается достаточно прозрачная отсылка к «Анне Карениной» Л. Толстого: впервые овладев Анной, совершившей прелюбодеяние, Вронский чувствовал себя как убийца, склонившийся над жертвой.

Маргарита в романе Булгакова является антиподом не только своей тезки в «Фаусте», но и своей небесной покровительницы, св. мученицы Маргариты. По свидетельству современного православного философа Т. М. Горичевой, эту святую особенно почитают в Греции: во многих греческих церквах есть иконы, где святая изображается властно держащей бесов. Она – победительница темной силы. Ее имя переводится как «жемчужина». В Евангелии есть притча о драгоценной жемчужине, найдя которую, купец пошел и продал все, что у него имелось, чтобы приобрести ее одну. Царство Небесное подобно такой жемчужине. Маргарита в романе Булгакова об этой «жемчужине», похоже, совсем не думает и, разрывая мистическую связь со своей небесной покровительницей, безоглядно вступает с бесами в союз. Во время бала у Воланда она проходит через ряд тяжелых испытаний, своего рода инициацию. Достоинство выдержав экзамен, она единственная вместе с Воландом пьет кровь из «чаши» (головы Берлиоза). Мы присутствуем, таким образом, на анти-литургии и наблюдаем анти-евхаристию. Хотелось бы обратить внимание на то, чьей крови причащается Маргарита. Это кровь барона Майгеля, стукача и предателя, прототипом которого был Б. С. Штейгер, действительно происходивший из немецких баронов. Он работал в Наркомпросе, легко втирался в доверие к тем, кого в то время называли «бывшими», и был тайным осведомителем НКВД. Со своим начальником Енукидзе он впоследствии пошел под расстрел. Так вот, Маргарита причастилась предательской крови барона Майгеля, которая вошла в ее собственную плоть и кровь, соединилась с ее природой. В финале романа она признается Мастеру, что стала ведьмой, и восклицает: «Как я счастлива, как я счастлива, как я счастлива, что вступила с ним в сделку!» Троекратно повторенные слова наводят на мысль о том, что перед нами – формула «наоборот», пародирующая таинство крещения. Во время этого таинства крещаемый трижды отрекается от сатаны и трижды выражает согласие соединиться с Христом. Крестившийся человек называется новопросвещенным. «Обращение» Маргариты, подтвержденное троекратной формулой, направлено в противоположную сторону: от света к князю тьмы, пообещавшему ей и Мастеру не свет, но покой. О качестве этого покоя можно судить по тому «преображению», которое испытал в конце романа возлюбленный Маргариты.

Мастер с высоты Воробьевых гор в последний раз смотрит на город. «В первые мгновения к сердцу подкатилась щемящая грусть», но очень быстро она сменилась «сладковатой тревогой, цыганским волнением». Волнение перешло в чувство «глубокой и кровной обиды», но та, в свою очередь, сменилась «горделивым равнодушием, а оно – пред-

чувствием постоянного покоя» (364). Мастер начал жестикулировать, поднимать руки к небу, как бы грозя городу. Так вот, оказывается, каково качество обещанного покоя! Это «горделивое равнодушие» – состояние демоническое по своей сути.

Здесь уместно поставить еще один важный вопрос, имеющий самое непосредственное отношение к проблематике настоящего исследования: возможен ли покой без света? В конце православной панихиды с особенно сильным чувством поются слова: «Со святыми упокой ...» Покой после смерти, согласно христианскому мировоззрению, обретается только среди святых, в царстве незаходящего Света. В нашей книге уже шла речь о метафизике и мистике света в православном вероучении. В этом учении покой и свет связаны между собой глубочайше и неразрывно. Напомним, что исихазм – духовная практика стяжания нетварного света в «умном делании» – в переводе означает «покой молчания». Великий русский старец Серафим Саровский, преобразившийся перед своим учеником Мотовиловым в непередаваемо прекрасном, дивном свете, повторял вновь и вновь: «Радость моя, стяжи дух мирен, и тысячи людей спасутся возле тебя». «Дух мирен» и есть высший покой человеческого сердца, его внутренний свет. Отсутствие же света вносит в сердце не покой, а тревогу. И тот, кто обещал любownikам благополучное посмертное существование, тихое мещанское счастье с домиком, садиком и колбой с гомункулом, но вне царства света, не занимался ли опять столь свойственным ему надувательством? Все призрачно, все «виртуально» в этом завораживающем романе, все состоит из странных превращений и «преображений».

Виртуальное пространство романа имеет прямую связь с поистине блестящим иллюзионизмом автора и его центрального персонажа, великого мага и фокусника.

Здесь многое может подсказать центральная глава романа «Черная магия и ее разоблачение». Разоблачению, однако, в этой главе подверглась вовсе не магия, а как раз те, кто требовал «с научной точки зрения» объяснить происходящие на сцене чудеса. Весьма постыдное разоблачение, например, ожидало Аркадия Аполлоновича Семплеярова. А конференсье Бенгальскому за его настойчивые приставания по поводу «научных разъяснений» и вовсе оторвали голову, хотя потом представили по просьбе сердобольной публики. Словом, разоблачения черной магии не состоялось. Наоборот, она была явлена во всех своих феерических возможностях. «Класс! Вот это класс!» – восхищались потрясенные зрители. Им казалось, что они стали свидетелями невероятных фокусов и чудес, что на них сыплются с неба настоящие червонцы, что они облечены в королевские одежды и стали счастливыми облада-

телями превосходных, элитных, «эксклюзивных» вещей. Как выяснилось потом, «короли» и «королевы» в прямом и переносном смысле оказались голыми, и сокровища от нечистой силы рассыпались в прах.

Однако не является ли неким аналогом сеанса в Варьете весь этот восхитительный, феерический, блестящий роман? Не находим ли мы в указанной главе ключ к основному художественному приему, примененному М. А. Булгаковым в «Мастере и Маргарите»? В самом деле, в романе создана потрясающая иллюзия достоверности. Она осуществляется благодаря множеству узнаваемых реалий из жизни Москвы 1930-х гг. и массе точных топографических деталей, достоверных примет места и исторического времени в главах о Пилате. Мастерство писателя таково, что читатель словно бы вводится внутрь событий, «вживую» воспринимает и то, что творится в Москве, и то, что происходило в древнем Ершалаиме. Все кажется потрясающе «всамделишным», настоящим, совсем как придирчиво просмотренные на свет водяные знаки денежных купюр, сыпавшихся, как манна небесная, на зрителей в театре Варьете. И, подобно очарованной публике этого театра, читатель романа представляет себя свидетелем какого-то упоительного праздника, обладателем доставшихся ему несметных духовных сокровищ и великих тайн, драгоценных мыслей и чувств. Если он «обманываться рад», и полученное от чтения удовольствие дороже правды (а для большинства современных людей целью жизни является не спасение, а наслаждение), то он останется в блаженном неведении. И вместе с Маргаритой и свитой Воланда будет повторять: «Я в восхищении...» «Мы в восхищении...» (258, 259, 261).

Более внимательный и более свободный от гипнотических воздействий читатель может заподозрить в романе зияющую внутреннюю пустоту, подобную пустому глазу «мессира» – опытного иллюзиониста с многотысячелетним стажем. Кстати, эта пустота отчетливо обнаружилась в телесериале «Мастер и Маргарита» в постановке В. Бортко. Талантливые режиссер и актеры очень старательно, с огромным пиететом пытались воссоздать кинематографическими средствами и художественную плотность, и внутреннюю суть романа. Тем знаменательнее, что на поверку эта суть оказалась... никакой. А ведь предыдущие работы Бортко – и «Собачье сердце», и телесериал «Идиот» – были очень успешными: литературный материал обладал иным, подлинным содержанием.

Но есть же все-таки в романе что-то настоящее, не случайно же он так непритворно трогает и волнует сердца людей! Действительно, нечто подлинно настоящее, неподдельное в романе есть. Это – страдания героев романа и самого автора, а также их способность к состраданию.

По-настоящему страдает Мастер, который прошел через неистовую травлю коллег-писателей, через нервную болезнь и ночные кошмары, через арест и одинокое существование в психиатрической лечебнице. Он лишился имени, он потерял из-за доноса стукача-соседа крышу над головой, и память его была исколота иглами и измучена до предела. Страдает Маргарита от тоски, безвестности и тревоги, страдает отчаянно и иступленно, пока участь Мастера остается сокрытой от нее. Страдает она и тогда, когда видит, наконец, своего возлюбленного, видит, что сотворили с ним, каким он стал в результате перенесенных мук. Страдает пятый прокуратор Иудеи Понтий Пилат, страдает от непоправимости своего малодушного решения, от бесконечного одиночества, страдает от своей бессмертной славы и бессмертной памяти о том, что произошло четырнадцатого числа весеннего месяца нисана.

Перенесенные страдания делают героев способными к сердечному состраданию. Маргарита во время погрома, учиненного ею в доме Драмлита, видит испуганного ребенка и торопится успокоить его. На балу у Воланда она готова поступиться своей заветной просьбой о Мастере ради избавления от мук несчастной преступной Фриды.

Мастер из сострадания готов расстаться со своей возлюбленной и отсылает ее прочь, подальше от себя и своей безысходной участи. Разумеется, она никуда не уходит и остается с Мастером.

В итоговой главе романа Маргарита жалеет Пилата, который сидит в тяжелом каменном кресле на безрадостной плоской вершине одинокой скалы вот уже около двух тысяч лет. Она пронзительно кричит: «Отпустите его...» И тогда, с разрешения Воланда, Мастер «сложил руки рупором и крикнул так, что эхо запрыгало по безлюдным и безлесым горам: «Свободен! Свободен! Он ждет тебя!»» (370). Тогда рухнули скалистые стены, над черной бездной появился город и сад, к саду протянулась лунная дорога, и человек в белом плаще с красным подбоем бросился бежать по ней, что-то хрипло крича и то ли смеясь, то ли плача, а впереди него бежал верный пес.

Все это не может не вызывать сердечного отклика. Но дело в том, что герои не только жалеют друг друга. Им свойственна и жалость к самим себе – «саможаление», как назвал этот распространенный духовный недуг святитель Феофан Затворник. А жалость к себе очень часто порождает самооправдание и самообман.

Когда Маргарита рассказывает маленькому мальчику сказку об «одной тете», у которой не было детей и не было счастья, и потому эта «тетя», в конце концов, стала злая, она в тот момент жалеет себя и оправдывает свой «уход в ведьмы». Когда Мастер с чувством глубокой кровной обиды смотрит на покидаемый город, где были у него все же

не одни ведь страдания, но и радость творчества, радость любви, он жалеет себя и оправдывает свое горделивое равнодушие. Когда Пилат идет по лунной дороге рядом с Иешуа и с умоляющим выражением лица просит подтвердить, что не было этой «пошлой казни», он жалеет себя и хочет избежать покаяния. И его спутник из сострадания идет на утешительную ложь, – если вдуматься, страшную ложь, – поскольку отменяет главное событие человеческой истории. Он даже дает клятву (!) в том, что Пилату все это «померещилось». Обманный лунный свет вторгается и сюда, скрывая правду человеческого покаяния и правду божественного милосердия. Для покаяния нужно не жалеть себя, нужна «великая отвага», как говорил Гоголь. Покаяние – это внутренний крест человека. Кающийся человек стоит перед милосердным Богом. Милость – это благодать любви, превосходящая закон справедливого возмездия. Высший акт милосердия – это смерть Христа на Кресте за каждого из нас. Об этом в романе Булгакова предлагается забыть как о причудлившейся «пошлой казни».

Милосердие, хоть и тщательно скрываемое, но тем более выразительное, приписывается в романе... Воланду. И это обстоятельство представляет наивысшую духовную опасность, подстерегающую читателя. Ибо именно Воланд выступает как устроитель посмертной, якобы вполне благополучной, участи героев. Он стремится уверить не только их, но и нас, что те, кто служили ему в земной жизни, или заключали с ним «договор о мире и сотрудничестве», или хотя бы соблюдали «плюрализм», гарантированы от всяких неприятных неожиданностей и в мире ином. Голос этого могущественного покровителя и «благодетеля» звучит перед прощанием, по определению автора, особенно «убедительно и мягко» (371).

Князь тьмы предстает в облике ангела света. Подобные случаи нередко описываются в житийной литературе, но они мало известны светскому читателю, всей обстановкой своей жизни не приученному не то что читать жития святых – даже просто помнить, что они составляют огромный исторический пласт мировой культуры и входят в ее золотой фонд. Святые праведники умели различать духов, выявляли подмену и отражали происки лукавого. Способны ли мы учесть их опыт и последовать их примеру?..

«Возлюбленные! Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они...» (1 Ин. 4, 1). «Дети! Храните себя от идолов.» (1 Ин. 5, 21). Не надо делать идола, в том числе, из «культового» романа «Мастер и Маргарита» и его автора.

В заключение сделаю одно признание. В далекие шестидесятые я, как и многие мои современники, находилась под большим впечатлени-

ем от последнего романа М. А. Булгакова. С тех пор многое изменилось. Блеск и в людях, и в книгах уже не привлекает душу, ей дорог тихий свет Христовой правды. Возвращаться к «Мастеру и Маргарите» по этой причине долгое время не хотелось. Но мне приходилось когда-то внимательно размышлять о романе, и этими размышлениями, никому не навязывая их, я считаю небесполезным поделиться. Я не взялась бы за это исследование, если бы у меня было сколько-нибудь предвзятое отношение к М. А. Булгакову. Признавая его большое, яркое, уникальное художественное дарование, высоко ценю «Белую гвардию» и «Собачье сердце». Писала о постановках «Дней Турбинных».¹ А за предлагаемую работу о «Мастере и Маргарите» взялась не столько из-за самого романа, сколько оттого, что меня серьезно заботит судьба России. Если она перестанет бороться с силами тьмы и согласится на «толерантное» отношение к ним, то такой выбор не будет соответствовать образу святого Георгия, попирающего змея, который находится в сердцевине ее герба. Тогда наша страна потеряет смысл своего существования в мире. Сделка с тьмою и попустительство духам тьмы, духам злобы поднебесным губительны и для каждого из нас. Будем же внимательны, собранны, мужественны и тверды перед лицом нынешних и грядущих испытаний.

---

¹ См.: Сокурова О. Б. Большая проза и русский театр (сто лет сценического освоения прозы) Изд. 2-е. СПб, 2004. С. 99–106.

Анатомия бунта в операх М. П. Мусоргского (религиозно-философский контекст)

Творчество великого русского композитора М. П. Мусоргского, занимающее особое место в нашей музыкальной культуре, при всем восхищении им до сих пор вызывает у многих двойственные чувства. С одной стороны – всемирно признанные шедевры, часто исполняемые и записываемые, с другой – обилие разноречивых оценок, менявшихся в зависимости от эпохи и социального строя. Даже современники и соратники композитора по «Могучей кучке» неоднозначно относились к его творчеству. Радикальная новизна музыкального мышления композитора вызывала неприятие у ближайшего друга композитора Н. А. Римского-Корсакова, стремившегося при редактировании «исправить» шероховатости, обусловленные «неграмотностью» великого мастера. В первую очередь эта разноречивость проявляется в оценке оперных шедевров М. П. Мусоргского, о чем ясно свидетельствует обилие оркестровых и исполнительских редакций.

Пиком этого непонимания является отношение к опере «Хованщина», работа над которой вызывала серьезные нарекания современников. Спонтанность творческого процесса, несообразности исторической канвы сюжета, изменения, вносимые автором вплоть до завершения работы над клавиром, и незавершенность до сих пор вызывают недоумение у исследователей. «В сравнении с устойчивым сюжетом и строгой исторической хронологией «Бориса Годунова» эти особенности «народной драмы» с легкостью приводят к предположению об уменьшении способности Мусоргского если не к сочинению великолепных музыкальных фрагментов, то, во всяком случае, к соединению таковых в связное, законченное целое. Стасов считал, что в осуществлении своего замысла Мусоргский определенно сбился с пути; мнение это возникло, когда композитор начал реагировать на советы Стасова со все большей сдержанностью, а во многих случаях и разочаровывал своего наставника, принимая решения, которые, на взгляд последнего, сообщали опере «неправильное» направление»¹.

Обвинение автора в отсутствии законченного целого вызвано непониманием логики его мышления как в отношении исторических фактов (примеры приведены в работе, цитируемой выше), так и в построении сюжета. Все эти оценки, в конечном счете, приводят к недопониманию высших смысловых императивов опер Мусоргского и духовного итога его творчества. Однако в цитируемой выше работе мы читаем: «Единственным признаком того, что творческий процесс Мусоргского мог обладать некоторой внутренней связностью, является замечательное упорство, с которым Мусоргский противился всем попыткам его поклонников направить или ускорить работу над оперой. Для того чтобы хорошо осуществить кропотливый труд по соединению различных фрагментов оперы воедино, ответил он однажды на нетерпеливые увещания Стасова, следует действовать в духе пословицы: семь раз отмерь, один отрежь»². Так в чем причина подобного непонимания?

Для того, чтобы иначе взглянуть на проблему восприятия двух великих опер русского композитора, нужно попробовать ощутить его замысел, опираясь на его творения и на дошедшие до нас письма. Из приведенной выше цитаты видно, насколько тщательно композитор подходил к написанию своих произведений. Особенно ясно он излагал свои стержневые взгляды на творчество. В письме к В. В. Стасову 29 сентября 1872 г. Мусоргский писал: «**Тончайшие черты природы человека и человеческих масс**, назойливое ковырянье в этих малоизведанных странах и завоевание их – вот настоящее призвание художника... человек – животное общественное и не может быть иным; в человеческих массах, как в отдельном человеке, всегда есть тончайшие черты, ускользающие от хватки, черты, никем не тронутые: подмечать и изучать их в чтении, в наблюдении, по догадкам, **всем нутром** изучать и кормить ими человечество, как здоровым блюдом, которого еще не пробовали... в нашей «Хованщине» попытаемся, не так ли, дорогой вещун»³. Упор на словах: *тончайшие черты природы человека и человеческих масс* (курсив мой), обуславливает тот глубочайший психологизм произведений М. П. Мусоргского, творчество которого часто сопоставляется с произведениями Ф. М. Достоевского. Если же постоянно иметь в виду его слова: *человек — животное общественное и не может быть иным*, то становится ясно, что композитора интересовала не столько достоверность отражаемых им исторических событий, сколько внутренняя модель бытия, обусловленная ими. Конечно, глупо отрицать, что творчество Мусоргского было обусловлено расцветом национального самосознания в эпоху 60-х годов XIX-го века и такими идеями русской мысли, как народничество, но, подходя к анализу его

творчества, мы должны подходить к нему не только с позиции, как задумывалось, но и с позиции, что получилось в итоге.

Обе оперы композитора отсылают нас к наиболее сложным периодам русской истории XVII-го века: времени смуты («Борис Годунов») и времени, предшествовавшему Петровским реформам («Хованщина»). Следуя логике Мусоргского, они исследуют внутреннюю жизнь народа и отдельного человека в кризисные периоды истории страны. Если же отойти от различия исторических периодов и попробовать воспринять обе оперы как единое целое, можно усмотреть некую связь сюжетного развития опер: «Борис Годунов» заканчивается сценой под Кромами и пророчеством Юродивого, а «Хованщина» начинается «похмельем» после страшного разгула. Б. В. Асафьев, имея в виду «Хованщину», так писал об этом: «Как же можно было сделать смуту и смятение, как некое ненормальное состояние психическое и государственный разлад, предметом выражения (не забудем – и реального изображения) в художественном произведении, смысл бытия и сущность становления которого всегда – начало организующее, то есть ритм. Но дерзость гения беспредельна»⁴. Если же эти слова попробовать отнести и к «Борису», то ясно видно, что в первой своей опере Мусоргский дает нам возможность увидеть и ощутить истоки и развитие смуты, «Хованщина» же – ее трагический итог, т. е. Мусоргский являет нам в развернутом виде *анатомию бунта*.

Готовясь к написанию опер, Мусоргский тщательно изучал исторические документы и труды, знакомясь подчас с диаметрально противоположными взглядами на эпоху, которая являлась опорой сюжета. Но если «Борис» зиждился на трагедии Пушкина, то для «Хованщины» автору пришлось моделировать сюжет, опираясь, скорее, на художественную необходимость, нежели на какой-либо исторический эпизод. Этим и обусловлена та мешанина фактов, что приводит исследователей в недоумение. Свою линию исследования *природы человека и человеческих масс* композитор вел последовательно, переплетая трагедии личностей с трагедией заблудившегося народа. Говоря о своем Обращении к роли личности в кризисные моменты жизни общества, автор в письме к А. А. Голенищеву-Кутузову 10 ноября 1877 года писал: ««Варлаам с Мисаилом» (в «Борисе») вызывали смех, пока не показались в сцене «бродяг» (автор имеет ввиду сцену под Кромами): тогда смекнули, какие опасные звери эти, по-видимому, смешные люди»⁵. Через эти образы композитор помогает нам вскрыть внутренние механизмы, способствующие нагнетанию истерии и питающие бунт.

По поводу же несвязности сюжета в «Хованщине» стоит заметить, что, по-видимому, Мусоргский и не пытался «сшить» сколько-нибудь

цельную сюжетную линию, интуитивно стремясь не столько к цельности сюжета, сколько к полноте психологической картины, являющейся нам глубиной духовного падения одной части народа и высотой устремлений другой. Причем, неоднозначность и сложность характеров героев передана настолько явно, что невозможно отнести кого-либо из них к однозначно положительным или отрицательным. При этом нужно ясно осознавать, что автор интуитивно «дополнял» психологический портрет бунта, исходя из своих представлений о полноте картины. Лучшее всего о калейдоскопичности сюжета оперы написал Б. В. Асафьев: «Грубо выражаясь, «Хованщина» – проходной двор между людными улицами. На сцене, мелькают, люди, переходящие из одной улицы в другую, останавливаются, чтобы перед нами терзаться, негодовать, томиться от любовного пламени (и как!), тосковать по вере и страдать за веру, грабить, насиловать, убивать. Сути же того главного, что ими всеми движет и управляет на сцене, – нет»⁶.

Наличие связей между двумя операми обусловлено как опосредованностью сюжетов, так и на интонационном уровне. Приведу лишь один пример: «Э. Л. Фрид отметила характерную особенность тематизма хора «*Расходилась, разгулялась*», и особенно его среднего раздела, построенного на теме песни «*Заиграй моя волынка*» (курсив Е. А. Ручьевской), а также темы стрельцов в «*Хованщине*» – это специфический русский узор, закручивающийся мотив, энергетика которого в темах Мусоргского сообщает игровую вольность героическим темам»⁷. Темы эти проникнуты бесшабашной безысходностью, свойственной русскому разгулу, исповедующему принцип: *после нас хоть потоп*. Это саморазрушительная безысходность, свойственная любой революции, как в прошлом, так и в будущем, и Мусоргский в своих операх с гениальной прозорливостью смог ее прочувствовать и показать.

В рамках небольшого доклада невозможно добиться всеобъемлющего анализа связей между двумя великими творениями русского гения, но не заметить их невозможно. Быть может, для кого-то подобный подход может показаться неприемлемым или непривычным. Но в своем отзыве на оперу М. И. Глинки «Жизнь за Царя» А. С. Хомяков писал: «...а все-таки не поняли ея, какъ явление вполне Русское и созданное изъ конца в конецъ духомъ жизни и истории Русской. – Ее должно рассмотреть съ этой точки зрения, ни разбирая отдельно ни либретта, ни музыкальной композиции; въ истинно-художественномъ произведении смыслъ и достоинство – целаго»⁸, показав нам принципиальность целостного подхода к анализу художественных произведений. Ведь только при таком подходе могут открыться истинные смыслы, вольно или невольно заложенные автором. Здесь необходимо выявлять парал-

лели и реминисценции, драматургические связи и логику, обусловившую наличие тех или иных персонажей и, конечно, высший смысл *дилогии* (именно так я воспринимаю обе оперы). Особого разговора требует «незавершенность» «Хованщины». Этот весьма важный вопрос может стать более ясным, если учесть сказанное выше и взглянуть на проблему финала с позиции заявленной доминанты. И потом, важно не то, завершена опера или нет, и не то, каким был бы авторский финал, а то, *что* сказал автор, промыслительно не закончив оперу (кстати, нельзя забывать и о его намерении писать «Пугачевщину»). Мусоргский, стремясь к *правде художественной*, сумел явить нам *правду духовную*, т. е. высший смысл, знание которого актуально для всех поколений слушателей и зрителей, а понимание – для всех людей, неравнодушных к судьбам родины.

Примечания

¹ Гаспаров Б. М. Пять опер и симфония: слово и музыка в русской культуре. М. 2009. С. 142).

² Гаспаров Б. М. Пять опер и симфония: слово и музыка в русской культуре. М. 2009. С. 134.

³ Мусоргский М. П. Письма. М. 1981. С. 109.

⁴ Асафьев Б. В. Об опере. Л. 1976. С. 142–143.

⁵ Мусоргский М. П. Литературное наследие: Письма, биографические материалы и документы. М. 1971. С. 235.

⁶ Асафьев Б. В. Об опере. Л. 1976. С. 143.

⁷ Ручьевская Е. А. «Хованщина» Мусоргского как художественный феномен. СПб. 2005. С. 111.

⁸ Хомяков А. С. Полн. собр. соч. в 8 т. Т. 3. М. 1900. С. 98.

Институт Живого Слова как синтез гуманитарных наук и искусства (Петроград, 1918–1924)

В воспоминаниях Ирины Одоевцевой «На берегах Невы»,¹ которые рассказывают о жизни Петрограда в революционные годы, довольно много страниц посвящено Институту Живого Слова, в котором молодая поэтесса познакомилась и с Николаем Гумилевым, и с Владимиром Маяковским. Писательница достаточно подробно описывает атмосферу этого института, семинары по поэзии, занятия по сценической речи, по гимнастике Далькроза² и т.д. Она называет его «одним из самых фантастических, очаровательных и абсолютно нежизнеспособных явлений того времени»³ и определяет его задачи как спасение, преобразование и возрождение русского театра. Такая необычная оценка этого института и ограничение его целей только подготовкой актеров мало согласуется с тем, что этот институт как место работы упоминается и в биографиях таких известных русских лингвистов, как Лев Щерба⁴, Лев Якубинский⁵ Сергей Бернштейн⁶ и в биографии известного адвоката Анатолия Кони⁷, и в биографии известного социолога Питирима Сорокина⁸.

Такая разноречивая информация вызывает вопрос, что же это было за учебное заведение и для каких целей оно было основано?

Зарубежные исследователи⁹, обратившие внимание на этот институт, считают, что его задачей была подготовка пропагандистов и агитаторов для нового, большевистского, правительства, т.е. они связывают его создание с становлением ораторского искусства после Октябрьской революции 1917 года.

Получается, что в этом институте учились и будущие актеры, и начинающие поэты, и молодые ораторы – пропагандисты. Такое разнообразие специальностей, как и необычность самого названия, вызывают много вопросов, на которые надо найти ответы. Сделать это нелегко, так как от деятельности Института осталось только единственное издание – «Записки Института Живого Слова» (выпуск первый, но он же и последний)¹⁰, хранящееся в Государственной публичной библи-

отеке, и несколько документов в Центральном государственном архиве литературы и искусства¹¹.

Благодаря этим материалам мы можем восстановить те идеи, которые лежали в основе создания Института, а также выяснить его структуру и направления деятельности.

Многообещающее начало

Институт Живого Слова был открыт в Петрограде осенью 1918 года. Первые лекции читались в помещении Тенешевского училища на Моховой, затем Институт занял помещения в Павловском институте в начале Знаменской улицы (сейчас улицы Восстания), а затем переехал на площадь Островского 7.

Поражает та быстрота, с которой он был открыт в такое трудное для России время. Сам проект института обсуждался весной 1918 года, 18 октября 1918 года состоялось первое заседание организационного совета, а 15 ноября, т.е. меньше чем через месяц, Институт уже был открыт. Он сразу получил статус государственного учреждения, т.е. начал работать под эгидой Народного комиссариата по просвещению. Активным сторонником этого проекта был и сам нарком просвещения Анатолий Луначарский (1875 – 1933).¹²

Основателями этого института были режиссер В. Всеволодский – Гернгросс (...) ¹³, лингвисты Л. Щерба и Л. Якубинский, На церемонии открытия Института в торжественных речах прозвучала и цель его создания - обучение правильно и умело излагать свои мысли в устной форме, т.е. развитие культуры речи, обучение говорению и ораторскому искусству. Однако, эта цель понималась очень широко. Всеволодский-Гернгросс связал эту цель с обучением вообще словесному общению. Он подчеркнул, что «наука и искусство речи представляют собой две стороны одной и той же медали, и только в соединении того и другого возможно процветание той части культуры, которая называется областью живого слова, словесным общением»¹⁴. Известный в России специалист по античной культуре Ф.Зелинский¹⁵ подчеркнул связь культуры речи и живого слова с демократией, показав, что именно афинская демократия вскормила живое слово. Он же особо указал на такой важный момент, как связь ораторского искусства и этики: оратор, прежде всего, должен быть хорошим, честным человеком, а потом уже владеть тем, что делает его оратором, т.е. «живым словом».

Большой интерес представляет и речь А.Луначарского. Он раскрыл сложность понятия «уметь говорить», включив в него не только высказывание мысли с полной ясностью, точностью аргументации и соот-

ветствующим эмоциональным характером, но и умение понять другого, учесть его ожидания: «... нам нужно приучить человека понимать внимающих ему и окружающих его, приучить проследивать судьбу слова не только в воздухе, но и в душах тех, к кому слово обращено», «... искусство речи глубоко психологично и социально,... не изучивши той общественной и психологической среды, в которой слово раздается как духовный символ, а не как простое физическое явление, нельзя, в сущности говоря, сказать, что ты умеешь говорить»¹⁶.

Такие серьезные и абсолютно новые для системы образования задачи потребовали разработки целого ряда научных вопросов и создания новых методик. Поэтому в Положении об Институте он представлен уже не только как учебное, но и как научное заведение, перед которыми стояли три основных цели. Во-первых, это была научно-практическая цель - разработка теоретических вопросов, относящихся к области «живого слова» - речи; во-вторых, педагогическая - подготовка мастеров «живого слова» в педагогической, общественно – политической и художественной областях; и в-третьих, пропагандистская - распространение и популяризация знаний и мастерства в области «живого слова». Таким образом, уже изначально предполагалось, что Институт будет заниматься научными разработками и связывать их с практикой обучения.

Кто же мог получать образование в этом Институте?

По замыслу его основателей, Институт был открыт для самых широких слоев населения. Он предполагал занятия не только для взрослых, но и для старших школьников, не налагая никакого образовательного ценза. Так, в уже отчете за 1918 – 1919 учебный год (первый год работы Института) отмечалось, что число слушателей дошло до 800 человек¹⁷.

Структура Института и программы курсов

В соответствии с сформулированными целями в Институте было организовано три отдела: научный, учебный и просветительский. В списке тем, которыми занимался научный отдел, можно найти такие необычные для академической науки того времени проблемы, как соотношение слова и знака, аналогия между звуком и цветом, мелодика русской речи, вопрос влияния войны и революции на русский язык и т.д. Внимание к таким темам показывало, что в Институте развивался принципиально новый подход к языку. Это было понятие «языка – речи», когда во главу угла ставилось изучение живых процессов и изменений, происходящих в реально функционирующем языке. Такой

подход в корне отличался от традиционной лингвистики, которая изучала преимущественно письменную форму и постоянно опиралась на мертвые языки.

Новый подход к языку, практикуемый в Институте, складывался в русской лингвистике с конца XIX века в научной школе И. Бодуэна де Куртенэ¹⁸. Поэтому среди организаторов Института и среди его преподавателей оказалось немало учеников этого известного лингвиста: Л. Щерба, Л. Якубинский, С. Бернштейн.

Учебный отдел организовывал подготовку мастеров «живого слова» в самых различных областях деятельности: педагогов общей школы, преподавателей искусства речи, ораторов, поэтов, писателей, сказителей, актеров.

Просветительский отдел занимался распространением знаний в области «живого слова».

Обучение в Институте происходило на четырех отделениях: ораторском, педагогическом, словесном и театральном. По замыслу создателей Института, в программах должны были соединиться фундаментальные теоретические курсы, формирующие общую культуру, и занятия по искусству слова. Поэтому наравне с такими общеобразовательными предметами, как история литературы, история искусства, эволюция речи, русская диалектология, семантика, история философии, история эстетических учений и т.п., изучались и специальные дисциплины вроде курсов по рассказыванию, по теории спора, по музыке речи.

Необычной для учебных заведений того времени была и сама классификация учебных дисциплин. Так, в числе основных предметов были так называемые «науки о звуке», «науки о слове» и «техники слова». В задачу этой последней группы дисциплин включались развитие дыхания, постановка голоса, выявление логического и образного содержания слова. Вместе с этими «техниками слова» большое внимание уделялось развитию художественной индивидуальности учащихся. Для этого проводились занятия, на которых анализировались произведения лирической, эпической и драматической поэзии, а также музыкальные произведения. Для этих же целей были созданы различные творческие мастерские под руководством поэтов, прозаиков, драматургов и актеров.

Знакомство и с другими программами показывает, что большей частью это были новые предметы, которые не встречались в традиционном университетском преподавании. Например, в цикл «науки о звуке» входили такие предметы, как акустика, фонетические методы, сравнительный очерк произношения, гигиена голоса и теория музыки.

Цикл «наук о слове» включал такие предметы, как развитие детской речи в связи с психологией ребенка, семантика, научный синтаксис русского языка, ритмика стиха, ритмика художественной речи, музыка речи, теория поэзии, теория прозы, теория спора, рассказывание и т.п.

Кроме этого, для учащихся Института читались курсы, которые включали исторический обзор поэзии, исторический обзор прозы, психологические основы античной риторики и обзор детской литературы.

Помимо названных филологических наук, большое место в преподавании занимал философский цикл, который составляли такие предметы, как прикладная логика, общая психология, психология речи и мышления, психология творчества, введение в эстетику, история эстетических учений, этика, философия творчества. Интересно отметить, что большое внимание уделялось и этическому образованию. Курс «Этика общежития» включал в себя такие разделы, как «Этика воспитания», «Этика экономическая», «Судебная этика», «Врачебная этика», «Этика общественного порядка», «Этика литературная», «Этика искусства» и «Этика личного поведения»¹⁹. В этом курсе обсуждались такие сложные вопросы, как например, развитие привычки ставить себя на место другого, отношения родителей и детей в разные возрасты последних, оберегание воображения и впечатлительности у детей, нравственные начала судебной деятельности, врачебная тайна, жестокие зрелища, власть в руках безответственных лиц, свобода слова и законные пределы ее и др.

Некоторые курсы были настолько оригинальными, что и сегодня сохраняют свой новаторский характер. Например, курс «Музыка как элемент живого слова» строился на сопоставительном анализе мысли во фразе и мысли в музыке, фразы в речи и фразы в музыке. Он включал анализ оперы как претворения живой речи в речь музыкальную, анализ балета и пантомимы. Другой пример – курс по рассказыванию, на котором анализировались различия между актером и рассказчиком, сопоставлялись разные типы рассказчиков, описывались виды сказок и различные способы их передачи. Этот курс предполагал также изучение разнообразных средств, раскрывающих замысел автора.

Как видно даже из названий этих курсов, большинство из них содержало новаторские идеи и не укладывалось в рамки традиционного академического преподавания. В целом, можно сказать, что тематика курсов и их концепции были во многом связаны с основными идеями русских формалистов и с творческими исканиями русского авангарда.

Каких же специалистов готовил этот Институт?

Прежде всего, ораторское отделение имело готовило ораторов в общественно – политической и судебной сферах. И в этом случае надо согласиться с теми исследователями (Бранг П., Горхам М., Аннушкин В., Хазагеров Т. и Ширина Л.), которые видели в Институте Живого Слова школу ораторского мастерства, созданную для подготовки советских пропагандистов. Но остальные три отделения имели далеко не политические цели.

Педагогическое отделение готовило преподавателей русского языка и словесности, декламации и сценического искусства. При этом, в программу их подготовки обязательно входили занятия по рассказыванию, по хороводному действу и детским праздникам, по драматизации и школьному театру. Как видим, здесь формировался новый тип преподавателя языка и словесности, который предполагал формирование не только широко эрудированного специалиста, но и творческой личности, умеющей развивать творческие способности в своих учениках.

Словесное отделение ставило своей целью формирование у студентов литературного вкуса и развитие творчества. Особый акцент делался на поэзию с точки зрения устного творчества. Это отделение было тесно связано с предыдущим, педагогическим, потому что оно давало фундаментальные знания по теории и истории искусства в целом (уделяя при этом особое внимание русскому искусству), а также по теории и истории словесности. В то же время оно было связано и с последним отделением – театральным, которое ставило себе задачей подготовку драматических и оперных актеров. Кроме этого, на театральном и словесном отделениях изучались история философии, история эстетических учений, история театра, музыки, живописи, скульптуры и архитектуры, история прикладного искусства и костюма.

Еще одним новаторством создателей Института была идея, что никакое изучение живой речи невозможно вне изучения душевных движений и состояний и вне связи речи с пластическими формами, выражающими эти душевные движения. Поэтому в Институте активно практиковалась ритмическая гимнастика по системе Далькроза и танец.

Таким образом, в Институте шло создание системы, которая ставила своей целью формирование широко эрудированных специалистов в гуманитарных науках. Причем, эти специалисты должны были быть творческими личностями, которые могли проявлять себя в разных областях словесного и театрального искусства.

Для того, чтобы создать эту систему, очень важно было иметь и соответствующих состав преподавателей. Поэтому в Институте собра-

лись творчески активные, неординарные люди, которые искали новые пути в своей области и чьи идеи не укладывались в традиционные подходы и школы. Тем самым для этих специалистов была создана возможность разрабатывать свои новаторские концепции, и применять их в практике обучения.

В списке преподавателей можно видеть имена как уже известных в то время ученых и деятелей культуры, так и имена тех, кто только начинал свою деятельность и вошел в историю русской советской культуры значительно позже. Помимо молодых лингвистов, ставших впоследствии знаменитыми учеными, Л.Щербы, Л. Якубинского, С. Бернштейна, в Институте преподавали в разное время и такие известные литературоведы, как Н. Энгельгардт²⁰, Б. Эйхенбаум²¹, С.Бонди²², М. Лозинский²³, поэты Н. Гумилев и В.Маяковский.

Среди психологов, работавших в Институте, встречаются имена П. Эфрусси²⁴ и М. Богданова – Березовского²⁵ – врача, который много занимался вопросами взаимосвязи слуха и речи и был одним из создателей методики обучения слепо – глухо – немых детей. На театральном отделении преподавали и сам В.Всеволодский – Гернгросс, и режиссер Всеволод Мейерхольд²⁶, и нарком просвещения А.Луначарский, и известнейший артист Александринского театра Ю.Юрьев²⁷, и музыковед В. Каратыгин²⁸. Хореограф Джордж Баланчин²⁹ в 1922 – 1924 годах ставил танцы с участием студентов Института Живого Слова в сценической интерпретации поэмы А.Блока «Двенадцать». В числе преподавателей, которые в разное время работали в Институте, встречаются и имена философов И.Лапшина³⁰, К. Эрберга³¹, философа – космиста Валериана Муравьева³².

Помимо собственно учебного процесса и различных творческих экспериментов, Институт Живого Слова предполагал еще и медицинскую деятельность. Его создателями планировалась организация Отофонетической лаборатории с клиникой для страдающих болезнями органов слуха и речи. В этой лаборатории предполагалось проведение научно-экспериментальных исследований в области психофизиологии органов слуха, голоса и речи у человека и животных, в области акустики и в области развития музыкальных способностей.

В первые годы работы Института эти исследования проводились на базе Кабинета экспериментальной фонетики Петроградского университета, которым руководил Л.Щерба. Кроме того, был организован Кабинет фонозаписей или фонографический архив³³, которым заведовал С.Бернштейн. В 1923 году этот кабинет звучащей художественной речи был переведен в Госинститут истории искусств, как и Комиссия по теории декламации, которую возглавлял Б. Эйхенбаум.

Итак, Институт Живого Слова состоял не только из учебных факультетов, но являлся целым научно – учебным комплексом, со своими творческими мастерскими, лабораториями и кабинетами. Можно сказать, что он задумывался как альтернативное научно – учебное заведение нового типа, дополняющее официальное высшее образование. В этом институте не только развивались новые направления в науках о Слове, но и формировались новые течения в различных видах искусства, связанных со Словом. При этом процесс обучения объединял получение знаний с выявлением творческих способностей учащихся и с развитием творческой индивидуальности. Тем самым создавался такой синтез науки и искусства, который ставил своей целью всестороннее развитие творческой личности и формирование «нового человека».

К сожалению, из-за финансовых и бюрократических проблем Институт просуществовал только до 1924 года. Уже в 1923 году отдельные комиссии этого института были переданы в Госинститут истории искусств. В 1924 году театральное отделение Института Живого Слова соединилось с Театральным институтом, а оставшееся ораторское отделение и часть педагогического были преобразованы в Государственные Курсы Техники Речи.

Загадка названия «Живое Слово».

Теперь закономерно возникает вопрос, какой смысл скрывается за сочетанием Живое Слово? Почему термин «Слово» употребляется не только в лингвистических программах, но и в описаниях курсов по теории различных видов искусства?

В тех современных исследованиях, где упоминается данный институт, это название однозначно связывается с риторикой (Аннушкин В., Сашонко В., Хазагеров Т. и Ширина Л.)³⁴.

Действительно, в большинстве речей, которые произносились на церемонии открытия этого института, сочетание «живое слово» связывалось с искусством публичной речи, с умением точно и грамотно выразить свои мысли, свое мнение, с культурой речи и даже в политическом аспекте с понятием «демократия». Но интересно отметить, что все выступавшие избегали термина «риторика». Более того, и в публикуемых в эти годы статьях и пособиях по выразительному чтению и искусству декламации не употребляется термин «риторика». Вместо него можно встретить выражения «искусство публичной речи», «философия речи», «энергия слова», «экспрессивная сила слова». В чем же здесь дело?

Такое неприятие риторики объясняется тем, что в русской культуре с середины XIX века она понималась только как «красноречие»,

т.е. ее развитие шло в сторону нагромождения искусственных украшений и витиеватости, по так называемому «азиатскому» направлению. Прекрасный пример этого встречаем у А. П. Чехова, который называл такое «красноречие» - «развести мантифолию поцицеронистей».³⁵

В противоположность этой риторике - украшателству искусство простой и понятной слушателям публичной речи, которое начало развиваться в конце XIX - начале XXго века, соединилось с понятием «живое слово». Поэтому, используя современные термины, можно сказать, что с этого времени сочетание «живое слово» расширило свое значение и стало обозначать *искусство словесного общения*.

Однако, такой взгляд на смысл «живого слова» остается достаточно поверхностным. Если рассмотреть его в интеллектуальном контексте начала XX века, то можно увидеть, что оно включает в себя и другие смыслы и связи.

Так, данное сочетание было напрямую связано и с понятием «живые языки», которое активно вошло в русскую лингвистику в конце XIX века. В это время ученые – лингвисты все больше стали обращаться к изучению устной формы речи и к функционированию языковых средств, отходя, таким образом, от сравнительно – исторических реконструкций. В центре лингвистических исследований оказался *говорящий человек и его речевая деятельность*, что привело к становлению новой области исследований – лингвистической прагматики. Поэтому сочетание «живое слово» оказалось связанным и с этим новым объектом лингвистики.

Но если рассмотреть связь этого сочетания и содержания программ по философии, этике, эстетике, психологии, то можно увидеть в нем и еще один глубинный смысл, который основан на православном богословии и русской философии конца XIX – начала XX века, уделявших большое внимание толкованию понятия Живое Слово. В Библии Слово обозначает вторую ипостась Святой Троицы – Сына Божия: «О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о *Слове жизни*,...» (Посл. Иоанна, 1.1-1.3). Нельзя не вспомнить здесь и широко цитируемое современными филологами начало Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. ...В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков» (Иоанн, 1.1.-1.4).

Толкование Слова как Божественного начала, как Логоса, имеет в русской культуре большую традицию, в которой взаимодействуют два подхода, богословский и философский, часто, к сожалению, смешиваемые. Не останавливаясь на этом вопросе, который достаточно подробно рассмотрен в работах С. Н.Трубецкого³⁶, В. Н. Лосского³⁷, а из

современных исследователей - у Ю. С. Степанова³⁸ и В.В. Колесова³⁹, мы только отметим, что философское учение о Логосе связано с идеей Высшего Разума, с космической потенцией, «предметом и содержанием которой является мир: он относится к миру как идея мира или энергия мира»⁴⁰. Богословское учение о Слове связано с откровением Существа Божия, с воплощением и раскрытием Бога в человеке.

При всем различии этих подходов, в них можно увидеть и точку соприкосновения: это идея связи Слова с материальным воплощением Божественной Энергии, с творческим началом мира, и в то же время - познание этого Божественного Космоса через откровение, через интуицию. Таким образом, понятие Живого Слова связывается одновременно и с онтологией, и с теорией познания.

Такое понимание Слова отражалось и в русских концепциях языка, в которых оно рассматривалось как первоначало разумной, сознательной жизни, манифестируемой в мышлении - языке, т.е. утверждалась неразрывная связь языка и мышления. Этот подход хорошо прослеживается в славянских и русских грамматиках, начиная от грамматики Псевдо-Дамаскина («Книга философска о осмих частех слова», датируемая XV веком) и до «Опыта русской грамматики» К. Аксакова (1860), в которой Слово рассматривается как сознательный образ видимого мира, как воплощенное мышление: «Слово есть первый признак сознательной, разумной жизни. Слово есть воссоздание мира внутри себя»⁴¹. Поэтому и филология относилась Аксаковым к «наукам о жизни» (но не в биологическом значении!)¹, т.е. к тем, которые занимаются тайной жизни.

Всплеск богословско-философских дискуссий вокруг Слова, возникший в конце XIX - начале XX го века (работы В. Соловьева,

П. Флоренского, Н. Лосского, Н. Булгакова) соединился с интересом к нему поэтов и литературных критиков (А. Белый, В. Брюсов, русские формалисты), занимавшихся природой поэтического творчества. Поэтому размышления о природе Слова, о языке, о литературном произведении заняли одно из центральных мест в духовных и научных поисках русской интеллигенции начала XX-го века.

В программах Института философский аспект Живого Слова наиболее ярко проявлялся в содержании курсов по философии и психоло-

¹ Во многих современных работах по истории лингвистики, особенно в исследованиях западных лингвистов, соединение понятий «языка» и «жизни» трактуется исключительно как «биологическая метафора» и как «органический подход к языку». Думается, что именно здесь, в толковании ключевых понятий Слова, Языка, Жизни проходит условная граница между «русским» и «западным» подходом к языку.

гии, где большое место отводилось вопросам художественного и научного творчества, интуиции, проявлению творческой индивидуальности, свободе творчества и т.д. Идея развития мышления, языка, творческих способностей человека определяла и содержание курсов по психологии языка и мышления, по развитию ребенка и детской психологии. Таким образом, концепция образования в данном Институте с одной стороны, имела философскую основу, с другой стороны, оказывалась связанной с революционно - демократической идеей формирования нового человека и развития всех его способностей.

Институт Живого Слова и революционная ситуация в России

Остается ответить на вопрос, почему в такое трудное для России время революции 1917 года появился этот необычный Институт.

Прежде всего, здесь надо вернуться к самому началу XX века и вспомнить общую социально-политическую ситуацию в России. Этот период характеризовался активным развитием общественного движения, требованиями демократизации страны. После революции 1905-го года появляется Государственная Дума, в которую вошли представители разных слоев общества, в том числе и крестьянские депутаты. Были провозглашены свобода слова и печати. В связи с этим в русском обществе все большую роль стало играть публичное выступление, искусство грамотно и доступно выразить мысль. В этой ситуации низкий уровень образованности народа и отсутствие традиций устной публичной речи стали особенно очевидными. Поэтому на первый план были поставлены задачи широкого обучения народа искусству устной речи и ораторскому искусству.

По свидетельству одного журналиста, в десятиные годы Россию охватила буквально эпидемия публичных выступлений. В городах возникали многочисленные курсы художественного слова, выразительного чтения, ораторского искусства. Большую роль в этом движении играли педагоги и театральные деятели, которые разрабатывали теорию сценической речи и искусства выразительного чтения. Появились многочисленные пособия по выразительному чтению и искусству разговора. Одной из основных задач этих пособий было не просто научить красиво говорить, но сформировать умение доносить до слушателей содержание конкретного текста, а также точно и грамотно выражать свою мысль. Поэтому большое внимание обращалось и на произношение, и на интонацию, и на их взаимодействие с мимикой и жестом, и на выбор языковых средств. Кроме этого, стал приниматься во внимание

характер аудитории, т.е. организация выступления в зависимости от слушателей.

Помимо искусства *публичного выступления* на первый план вышло и *искусство разговора*. Появились первые работы, касающиеся словесного общения. Вопросы языка и речи начали интересовать не только филологов и «чистых» лингвистов, но и самых разных специалистов. Это и писатели, и психологи, и философы, и педагоги, и врачи. Используя современные термины, можно сказать, что лингвистика становилась как бы междисциплинарной наукой, устанавливая новые отношения с литературоведением, философией, психологией, педагогикой и теорией искусства.

Широкий интерес самых разных специалистов к вопросам языка и речи привел к тому, что в 1913 году начал издаваться специальный журнал «Голос и речь». Это был первый русский журнал по философии речи, языкознанию, патологии речи, диалектологии. В составе его редколлегии встречаются имена тех же филологов, которые потом основали Институт Живого Слова.

Из-за финансовых проблем этот журнал просуществовал только два года (1913– 1914), но он позволил соединить разрозненные исследования и определить тот новый объект изучения – «живое слово», который привлекал внимание столь разных специалистов.

В эти же годы изучение «живого слова» соединялось с интересом к природе художественного творчества и занимало умы русских писателей, поэтов, литературных критиков. Здесь достаточно вспомнить и поиски символистов (работы А. Белого⁴², В. Брюсова⁴³), и зарождающееся движение русских формалистов. Как отмечал в своих воспоминаниях академик В. Виноградов⁴⁴, в те годы академическая наука, т.е. филология, которая преподавалась в университетах, не удовлетворяла молодых ученых, и они стали создавать свои научные объединения, разрабатывая во внеуниверситетских кругах свои исследования поэтического и практического языков⁴⁵. Таким путем создавалось тесное взаимодействие лингвистики с литературной критикой и с теорией художественного творчества.

В эти же годы вокруг проблем языка и речи, языка и мышления, природы слова объединялись не только лингвистика и филология, но и другие науки. Так, вопрос о природе языка занимал большое место в исследованиях физиологов и невропатологов. Достаточно вспомнить разрабатываемое в это время учение И.Павлова⁴⁶ о второй сигнальной системе и исследования по неврологии В. Бехтерева⁴⁷.

С этими естественными науками были связаны и исследования феномена языка в психологии, которая переживала в эти годы большой

подъем, отделившись от философии. Через изучение слова и анализ словесных реакций психологи старались постигнуть механизмы человеческого мышления и проникнуть в тайны психики.

Психология была неразрывно связана не только с философией, но и с педагогикой. Поэтому вопросы становления и развития языка в связи с умственным развитием ребенка и процессом формирования личности находились в центре внимания таких известных педагогов, как Д. Тихомирова⁴⁸, В. Вахтерова⁴⁹, П. Каптерева⁵⁰. Именно в это время активно развивались исследования мышления слепоглухонемых и разрабатывалась методика их умственного развития (работы М. Богданова Березовского), что напрямую затрагивало и глобальную проблему общения.

В философии осмысление природы языка соединялось с анализом проблем мышления, познания и творчества. Эти вопросы рассматривались в работах таких известных русских философов, как В. Соловьева⁵¹, Н. Лосского⁵², Н. Булгакова⁵³, П. Флоренского⁵⁴. Поэтому понятие Слова-Логоса заняло одно из центральных мест в русской философии этого времени.

Таким образом, начало XX века – это период интенсивных научных исследований проблемы взаимодействия языка и мышления, языка и творчества. Эти проблемы оказались связанными со сложными процессами, происходившими в гуманитарных науках. С одной стороны, это был процесс размежевания гуманитарных наук и выделения в самостоятельную область психологии, педагогики, социальной психологии. С другой стороны, одним из центров пересечения интересов всех этих гуманитарных наук было Слово как выражение взаимоотношений «язык – мышление – творчество». Поэтому идея Живого Слова служила основой синтеза гуманитарных и естественных наук.

Ситуация с изучением «живого слова», сложившаяся в науке, находила свое отражение и в теории искусства, в тех поисках, которые шли в русском авангарде. Одним из ярких выражений этих поисков являлась работа одного из основателей русского авангарда Н. Кульбина⁵⁵ «Новое мировоззрение» (1910 г.), в которой провозглашались принципы новой философии и нового искусства. В ней декларировалось, что основой жизни является творчество, которое равно искусству. Основным методом искусства считалась интуиция, а новым могущественным средством искусства объявлялась интерференция цвета, звука, слова и движения.

Эта идея взаимосвязи звука и цвета, музыки и слова, звука и движения была очень распространена в эстетических концепциях того

времени. О синтезе искусств писали и В. Кандинский, и А. Крученых, и К. Бальмонт, и С. Эйзенштейн. Интересно, что эта идея положила начало серьезным научным исследованиям, которые ведутся в точных науках до настоящего времени. Так интуитивные прозрения поэтов, художников и композиторов опередили научные исследования почти на сто лет.

Таким образом, мы видим, что в 20-е годы между новыми направлениями развития гуманитарных наук и эстетическими концепциями русского авангарда существовало много общего. Это, в свою очередь, обусловило зарождение идеи творческого синтеза наук и искусств, интерференции этих двух областей деятельности. Реализацией этой идеи и являлся Институт Живого Слова, который был задуман, по словам Вс. Всеволодского-Гернгросса как попытка «создать научное «искусство слова» и освещенную искусством «науку слова»⁵⁶.

Итак, Институт Живого Слова органически вписывался в эпоху двадцатых годов XX века. Он воплощал в жизнь одну из центральных идей русской научной, эстетической и шире - философской мысли начала XX века – идеи единства целей науки и искусства. Поэтому в Институте была осуществлена попытка синтетического подхода к наукам и к искусству, соединились новые научные направления и творческие поиски русского авангарда.

Одной из главных целей этого комплексного подхода к наукам и искусству было формирование творческой личности, проявляющей себя в самых разных сферах, или человека, который, по словам Н. Кульбина, становится «цветом земли». В этом процессе ведущая роль отводилась культуре и искусству. Поэтому сочетание Живое Слово как нельзя лучше соответствовало этой научно-педагогической концепции. Благодаря множеству своих культурных и философских ассоциаций, оно с одной стороны, вызывало представление о «новом человеке», с другой стороны, позволяло наиболее точно отразить мысль о значимости взаимосвязи «язык-мышление-творчество» в становлении человеческой Культуры. Таким образом, Слово как дар языка становилось одним из главных оснований духовной культуры человека.

Анализируя причины появления Института Живого Слова, нельзя не отметить и важность социально – политических факторов. Именно революционные потрясения этого времени во многом способствовали тому, что новые идеи и направления, созреавшие в недрах традиционных подходов и вызывавшие активное противодействие последних, смогли выйти на поверхность, получить свою активную реализацию и официальный статус.

Примечания

¹ *Одоевцева И.* На берегах Невы. Москва, 1989. Ирина Владимировна (1901–1990), поэтесса, ученица Н. Гумилева.

² Эмиль Жак Далькроз (1865–1950) – известный швейцарский педагог, профессор Женевской консерватории, который создал систему ритмической гимнастики, считая, что ритм является базой для всякого искусства. Школа Далькроза продолжает работать в Женеве и в наши дни.

³ *Одоевцева И.* На берегах Невы. Москва, 1989, стр. 15.

⁴ Щерба Лев Владимирович (1880–1944) ученик Бодуэна де Куртенэ. известный русский советский лингвист, профессор Ленинградского университета, автор русско-французского словаря, создатель Ленинградской фонологической школы.

⁵ Якубинский Лев Петрович (1892–1945) – ученик Бодуэна де Куртенэ, известный русский советский лингвист, создатель теории диалога в лингвистике, один из создателей движения русского формализма

⁶ Бернштейн Сергей Игнатович (1892–1970), ученик Бодуэна де Куртенэ, фонетист, создатель Фонда звукозаписи при Институте Живого Слова, а затем – при Доме радио в Москве. В 1920–1930 гг. сделал свыше 800 записей на восковые валики. Основатель аудиоархивистики. Активный участник движения русского формализма.

⁷ Кони Анатолий Федорович (1844–1927) – известный русский юрист, судебный оратор, литератор и общественный деятель.

⁸ Сорокин Питирим Александрович (1889–1968) – известный русский и американский социолог и культуролог; автор одного из первых русских учебников прав; был выслан из России в 1922 году в Берлин. В 1923 г. переехал в США и основал факультет социологии в Гарвардском университете.

⁹ Brang, P. *Das klingende Wort: zu Theorie und Geschichte der Deklamationskurs in Russland.* Vienne, 1988. Gorham, M. 2003. *Speaking in Soviet Tongues: language culture and the politics of voice in revolutionary Russia.* Northern Illinois University Press.

¹⁰ Записки Института Живого Слова. В. 1, Петроград, 1919.

¹¹ ЦГАЛИ- фонд 82, оп. 1, д. 22. Некоторые материалы опубликованы в статьях: Чоун Е., Брандист К. «Из предыстории Института Живого Слова: протоколы заседаний курсов художественного слова», в журнале *Новое литературное обозрение*, 2007, №86. Вассена Р. «К реконструкции истории и деятельности Института живого слова (1918.1924)», там же.

¹² Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) – писатель, переводчик, искусствовед, участник революций 1905 г. и 1917 г., первый народный комиссар просвещения с 1917 по 1929 гг.

¹³ Всеволодский – Гернгросс Всеволод Николаевич (1882–1962) – театральный критик, режиссер, доктор искусствоведения, создатель истории театра как науки.

¹⁴ Записки Института Живого Слова, в. 1, Петроград, 1919, стр. 5.

¹⁵ Зелинский Фаддей Францевич (1859 – 1944) – известный русский и польский филолог – классик, занимавшийся древнегреческой комедией, профессор Санкт-Петербургского и Варшавского университетов, активный общественный деятель начала XX века.

¹⁶ Записки Института Живого Слова, в. 1, Петроград, 1919, стр. 14.

¹⁷ *ibid.*, стр. 102.

¹⁸ Бодуэн де Куртенэ Иван Александрович (1845–1929) – известный русский лингвист польского происхождения, с 1901 г. по 1918 – профессор Санкт-Петербургского университета, создатель Петербургской лингвистической школы, в которую входили многие знаменитые русские советские ученые.

¹⁹ Записки Института Живого Слова, в. 1, Петроград, 1919, стр.56–58.

²⁰ Энгельгардт Николай Александрович (1867–1942) – известный русский литературный критик, писатель, поэт, переводчик

²¹ Эйхенбаум Борис Михайлович (1886–1959) – известный русский советский литературовед, один из основателей формализма в русской культуре.

²² Бонди Сергей Михайлович (1891–1983) – известный русский советский литературовед, специалист по творчеству А. С. Пушкина.

²³ Лозинский Михаил Леонидович (1886–1955) – известный русский советский поэт и переводчик, создатель школы поэтического перевода, переводчик Шекспира, Сервантеса, Мольера. Его перевод «Божественной комедии» Данте считается непревзойденным до сегодняшнего дня.

²⁴ Эфрусси Полина Осиповна – (1876–1942) – доктор философских наук, психолог, педагог, специалист по возрастной психологии, дефектологии.

²⁵ Богданов – Березовский Михаил Валерианович (1867–1921) – доктор медицины, отоларинголог, известный дефектолог, приват-доцент Военно-медицинской академии, занимался развитием слухового восприятия у глухонемых, основатель первого в России общества глухонемых, с 1909 года разрабатывал методику обучения слепоглухонемых.

²⁶ Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874–1940) – известный русский советский театральный режиссер, актер и педагог; создатель особой системы подготовки актера - «биомеханики».

²⁷ Юрьев Юрий Михайлович (1872–1948) – известный русский советский актер Александринского театра, мастер художественного слова, театральный педагог, много играл в постановках Мейерхольдом.

²⁸ Каратыгин Вячеслав Гаврилович (1875–1925), музыкальный критик, композитор, активный пропагандист музыки Скрябина.

²⁹ Баланчин Джорж (Баланчавадзе Георгий) – (1904–1983), известный русский хореограф, грузинского происхождения, положивший начало американскому неоклассическому балету, с 1924 по 1929 годы ставил русские балеты в Париже в группе С. Дягилева.

³⁰ Лапшин Иван Иванович – (1870–1952) – русский философ - идеалист, приверженец феноменологии, в 1922 г. был выслан из России и жил в Чехии.

- ³¹ Эрберга (псевдоним), настоящее имя – Сюннерберг Константин Александрович (1871–1942) – русский поэт-символист и теоретик искусства.
- ³² Валериан Муравьев (1885–1932) – русский религиозный философ – космист и дипломат, автор оригинальной концепции эволюции времени.
- ³³ Благодаря этому фоноархиву до наших дней сохранились ценнейшие записи голосов известных русских поэтов, писателей, актеров и певцов. После закрытия Института Живого Слова все материалы были перевезены в Москву в Центральный архив звуковых записей.
- ³⁴ Т. Хазагеров, Л. Ширина. Из истории риторики в России, «Русский язык», 2000, №23 / 53.
- ³⁵ Чехов А.П. «Оратор». Собрание сочинений в 12-ти томах. Москва, 1985. www.altded.ru.
- ³⁶ Трубецкой Сергей Николаевич (1862–1905) – русский религиозный философ, ректор Императорского Московского университета.
- ³⁷ Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви: Догматическое богословие. М., 1991.
- ³⁸ Степанов Ю. С. Слово. Из статьи для Словаря концептов («Концептуация») русской культуры. *Philologica*, 1992, vol.1, № 1/2, p. 11–38.
- ³⁹ Колесов В. В. Философия русского слова. СПб, 2002.
- ⁴⁰ Трубецкой С. Н. Логос. – Новый энциклопедический словарь. Петроград, т. XXIУ, 1915, стб. 798–802.
- ⁴¹ Аксаков К. С. «Опыт русской грамматики», М., 1860, стр. УШ.
- ⁴² Андрей Белый (псевдоним), настоящее имя – Борис Николаевич Бугаев (1880–1934) – известный русский поэт – символист и литературный критик.
- ⁴³ Брюсов Валерий Яковлевич (1873–1924) – известный русский поэт, литературный критик, переводчик, основатель русского символизма.
- ⁴⁴ Виноградов Виктор Владимирович (1894–1969) – известный русский советский лингвист и литературовед, академик, директор Института русского языка АН СССР, автор одной из грамматик современного русского литературного языка и исследователь языка писателей.
- ⁴⁵ Виноградов В.В. Из истории изучения поэтики (20-е годы). – «Известия АН СССР». Серия литературы и языка, №3, стр. 259–272.
- ⁴⁶ Павлов Иван Петрович (1849 – 1936) – крупнейший русский физиолог, создатель учения о высшей нервной деятельности, первый русский нобелевский лауреат.
- ⁴⁷ Бехтерев Владимир Михайлович (1857–1927) – крупнейший русский психиатр, невропатолог, физиолог, создатель Психоневрологического института в Санкт-Петербурге.
- ⁴⁸ Тихомиров Дмитрий Иванович (1844–1915) – крупнейший русский педагог, деятель народного образования, издатель и редактор педагогических журналов, основатель «Библиотеки детского чтения».

⁴⁹ Вахтеров Василий Порфирьевич (1853–1924) – крупнейший русский педагог, деятель народного образования, создатель «эволюционной педагогики».

⁵⁰ Каптерев Петр Федорович (1849–1922) – крупнейший русский педагог, основатель русской педагогической психологии, преподаватель Петербургской духовной академии, профессор Воронежского университета, издатель «Энциклопедии семейного воспитания».

⁵¹ В. Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900) – русский религиозный философ, мистик, поэт, оказавший большое влияние на развитие русской религиозной философии и русской культуры в целом.

⁵² Лосский Николай Онуфриевич (1870–1965) – известный русский религиозный философ, основатель философии интуитивизма; в 1922 году был выслан из России, читал лекции в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже и в Свято-Владимирской духовной академии в Нью-Йорке. Отец философа, богослова Владимира Николаевича Лосского (1903–1958).

⁵³ Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944) – известный русский философ, богослов, священник; в 1922 г. был выслан из России, один из основателей Свято-Сергиевского богословского института в Париже.

⁵⁴ Флоренский Павел Александрович (1882–1937) – известный русский философ, богослов, ученый, поэт и православный священник, автор работ по древнерусскому искусству.

⁵⁵ Кульбин Николай Иванович (1868–1917) – доктор медицинский наук, приват-доцент Военно-медицинской академии, меценат, художник, философ, один из главных теоретиков русского авангарда.

⁵⁶ Записки Института Живого Слова, в. 1, Петроград, 1919, стр. 6.

Священник Игорь Иванов

ИЗ ЦИКЛА «ВЕХИ СТОЛЕТИЯ»

КАДРЫ ПАМЯТИ

Игры недетские,
 юность кадетская:
 Санкт-Петербург, реки, мосты.
 Служба в Маньчжурии,
 будни дежурные:
 сопки, кочёвки, думы просты.

«Выстрел в эрцгерцога!» –
 вот и вся недолга!
 Мирную жизнь в эшелоне трясет.
 Раненый мечется
 в поисках фельдшера.
 Бледно мерцает вагонный кивот.

Митинги шалые,
 Русь обветшала,
 словно курсистка под желтый билет
 выжить пытается,
 плачет и кается.
 Только возврата к минувшему нет.

К стенке ли, к стойке ли?
 Юнкеры стойкие,
 вы нас простите за сей переплёт!
 Мы ли не ведали
 время с приметами...
 Что ж так Вергинский надрывно поёт?!

(1990, 2016)

РАЗВЕЯННЫЙ ПРАХ

Вот жеманные барышни, томно кутаясь в шали,
на промозглом перроне провожают в туман
подпоручиков бравых, что любить обещали...
Но погибнут герои от мучительных ран.

Невдомек никому, что пустые затеи –
строить замки свои на зыбучих песках.
Сколько пьеску ни ставь, оживить Галатею –
словно ветру доверить развеянный прах...

Вот заводчики ушлые, разложив портсигары,
обмывают неспешно свой военный барыш.
Сквозь табачный дурман они видят швейцара –
отставного матроса с парохода «Иртыш»...

Невдомек никому, что пустые затеи –
строить замки свои на зыбучих песках.
Синема нам покажет фантом Галатеи –
чью-то мирную жизнь, что развеялась в прах...

Вот бредем мы с тобой в очумелых кварталах,
ни живы, ни мертвы – словно призрак мечты.
И в планшете моем твой лежит полушалок –
талисман вечно юной офицерской жены.

Невдомек никому, что пустые затеи
строить замки свои на зыбучих песках
оживают во снах от любви Галатеи –
Некто душу вдыхает в развеянный прах...

(2016)

ЦЕСАРЕВИЧ

Напрасны наши сожаленья, былого не поворотить.
Но почему же мы с волнением судеб распутываем нить?
Что так тревожит и печалит, что так безудержно гнетет?
Что не сложилось изначально? Зачем был тот переворот?

Смотрю на фото. Цесаревич. Четырнадцать неполных лет.
 По долгу чести и по вере – не мог не ожидать побед.
 Болезнь. Война. Кругом измены. И лишь Семья – святой очаг!
 Арест. Сибирь. Весь мир расстрелян... Нездешний Свет – в его очах...

...Иной наш быт. Иные нравы. Где силу духа нам сыскать?
 Зэка в роду да комиссары, иль голытьба – ни взять, ни дать...
 Вбираю боль и скорбь столетья, судеб распутывая вязь.
 Молитвой теплой отогреться, на лик царевича крестьясь...

(2016)

БЛОК УМИРАЕТ...

Душно в городе... Крысы да воры
 торжествуют в безлюдных щелях...
 Плотно сдвинуты темные шторы,
 но ползет из-за них липкий страх...

Декаданс нам казался игрою...
 Вот и рухнул наш карточный дом...
 По ночам исчезают герои...
 Палачи отсыпаются днем...

Душно в городе... Серое лето...
 Двадцать первый.... Мне сорок всего...
 Духота убивает поэтов...
 Но искусство живет всё равно!

(7.08.2016)

* * *

Не подняться нам в рост из мазурских болот,
 не восстать из сморгоньских траншей,
 не вернуться в долины с карпатских высот,
 не воспрянуть из пены морей...

Нас вобрали в себя золотые поля,
 голубые впитали снега.
 Наши слезы дождями Россию кропят,
 барабанят о колокола...

Не войти строгим строем в слепой Петроград,
 не очистить от гнили страну.
 Древнерусских родов огневой листопад
 обнажил беспощадную тьму.

Нас вобрали в себя золотые поля,
 голубые впитали снега.
 Наши слезы дождями Россию кропят,
 барабанят о колокола...

(2017)

У ПОРТРЕТА

М. Богомоловой

Он был одной из самых прочных
Имперских скреп, и потому
Врагов России днём и ночью
Душила ненависть к нему.
И до сих пор потоки грязи,
Салонных сплетен, светской лжи
Ещё направлены на князя,
Как ритуальные ножи.

...Среди разящего металла
Со стоном дрогнула земля,
Когда на части разметало
Опору трона у Кремля.
В потоке огненного света
Над окровавленным тряпьём
Бесслёзная Елизавета
Молила Господа о нём

И прозревала сердцем вещим,
Что позабудет Божий храм
Страна в сиянии зловещем
Остроконечных пентаграмм.
Что целый век, и даже боле,
За тех, кого на части рвёт,
Русь будет корчится от боли,
Но эту боль не изживёт.

...Несётся времени карета,
И мы, устав от суеты,
Вдруг замираем у портрета
Великокняжеской четы.
На нас глядят из дальней дали,
Пронзая души и сердца,
Те, кто России не предали
И были с Богом до конца.

ЭХО ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

*Баронессе
Ольге Михайловне Врангель*

1

Везде и всюду – за тобой.
Среди любой беды и боли
Мы связаны одной судьбой,
Одним дыханием и волей.
И снова за верстой верста
Мелькают в рельсовом уклоне
Под знаком Красного креста
На санитарном эшелоне.
Я слышу перестук колес,
Раскаты близкой канонады...
Моя любовь – без слов и слёз,
Иной любви уже не надо.

2

Когда, словно тоненький волос,
Колблется жизни струна,
Я слышу спасительный голос,
То – Господа молит она.
И дикая музыка боя,
Летящая вихрем ко мне,
Стихает пред этой мольбою
На залитой кровью стерне.

3

Пускай у тебя впереди
Окопная стылая мгла,
Но ты за собою веди
Меня, словно нитку игла.
И если погаснут лучи
Над срезанным смертью жнивьем,
Я буду светиться в ночи
Звездой на погоне твоём.

ВЫБОР

«Кругом измена и трусость, и обман...»

Николай II, 2 марта 1917 г.

1

«Может быть, всё же отдать приказ
И не метаться в плену бессонницы,
Чтобы к столице пошли тотчас
Верные части гвардейской конницы?»

Пламя от лампы скользит, дрожа,
Поезд несётся сквозь мглу незримого...
«Что, если к логову мятежа
Двинуть войска генерала Крымова?»

Но... не решается Государь,
Только в купе у окна сутулится.
Вроде бы, что там? – нажми, ударь.
Ливнем свинцовым хлестни по улицам.

Снова бледнеет лицо Царя,
Будто из мрамора профиль выбили:
«Хватит Девятого января,
Хватит случайной, бесцельной гибели!»

Сильный, державный, на славу нам...
Лучше уж сам Он пойдёт мишенью, –
Кровью забрызганным стремям
Нет больше места в Его решении!

К пропасти дикой державу мчат
Трусость, измена и ложь безверия.
Глухо колеса во мгле стучат:
– Станция «Дно», а на дне – Империя.

2

Лампады тихое свеченье,
Попутных станций огоньки,
Сухие строки «Отречения»,
Недвижность царственной руки.

И вот небесные куранты
 Пробили час. Довольно ждать.
 Уж генералы-адъютанты
 Готовы бросить и предать,

Чтоб из бурления людского
 На гребень вынесла волна
 Родзянко или Милюкова,
 Гучкова или Шульгина.

Быть по сему. И, значит, скоро
 Ликуй, стихия, и пылай!
 Как лязг ружейного затвора,
 Короткий росчерк: «Николай».

Быть по сему. Ещё остались
 Под гнётом Русского Креста –
 Улыбка сына, слёзы Аликс,
 Княжон безгрешные уста.

И словно ангельское пенье
 Растёт за бликами огней:
 – Пошли нам, Господи, терпенье
 В годину буйных, мрачных дней!

ГРАФ КЕЛЛЕР

*После февральского переворота 1917 года
 командир 3-его Конного корпуса генерал от кавалерии,
 граф Ф. А. Келлер, единственный из высших
 офицеров Русской Императорской Армии, кто
 не смирился с фактом крушения монархии,
 призвав свои войска к походу на Петроград.*

1

Что–то в Питере зажглось бесовским заревом,
 Польшаёт всё упрямей и сильней...
 Эти слухи об уходе государевом
 Мы рассеем под копытами коней!

Если рушится великая Империя,
Знать, судьба её галопом понесла.
Но жива ещё лихая кавалерия
Средь всеобщего предательства и зла.

Кто со мной? Ну, что молчите, будто олухи!
Или вы уже не верите и мне?
Нынче в небе пляшут огненные сполохи,
Завтра пламя забушует по стране.

Нет, как видно, вам милее речи шумные
Тех мерзавцев, что до власти дорвались.
Да не Царь от вас отрекся, неразумные, –
Это вы от Государя отrekliсь.

2

Всё – манифесты, резолюции...
Но кто бы что ни проорал,
Запомнят бесы революции,
Я – государев генерал.

И мне ли верить демократии?
Да если б не верховный сброд,
Для усмиренья этой братии
Хватило б двух стрелковых рот!

А вот теперь в суровой честности
Пора принять удел иной:
Отныне всем – тяжёлый крест нести,
Страдать немислимой виной.

Гнев Божий слышу в русском шуме я,
Склонясь пред брошенным Царём,
Ведь за февральское безумие
Мы расплатились октябрём.

ИМПЕРАТРИЦА

Караулы у дворца,
Часовые на пороге,
С утомлённого лица
Не слетает тень тревоги.

Жёлтый диск горит в окне,
 Спит мятежная столица,
 В напряжённой тишине
 Остаётся лишь молиться,

Чтоб утих девятый вал
 Взбаламученной России,
 Чтоб отец поцеловал
 Жаркий лоб Анастасии,

Чтоб вернулся Он живым
 Из предательского плена
 По дорогам роковым,
 Там, где трусость и измена,

Словно призраки смертей,
 Окружают, нависают...
 Только б выручить детей!
 Поздно. Свечи угасают.

И во тьме стоит одна,
 Дав слезам беззвучно литься,
 Разлучённая жена,
 Бывшая Императрица.

ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА

Погасли средь ночи расстрельной
 Рубиновых звёзд огоньки,
 И в грудь, где был крестик нательный,
 С размаху врубилась штыки.

В кровавом мерцающем свете
 Мелькнуло видение вдруг:
 ...Ливадия, море и ветер,
 Любимые тени вокруг.

Ливадия, ветер и море,
 Беспечная радость сестёр,
 Которых убитыми вскоре
 Изрубят и бросят в костёр.

Но что это?! Снова природа
 Бунтует и волны бурлят.
 Ей видятся толпы народа
 И чей-то потерянный взгляд.

Все словно бы русские тоже,
 Но в лицах иные черты –
 Какой-то невидимой дрожи,
 Какой-то слепой пустоты.

А люди в столетнем тумане
 Идут и идут по стране
 И падают в ноги Татьяне,
 Татьяне – Великой княжне.

– Не надо, не надо... Пустите.
 Оставьте. Мы... Крест Свой несём.
 Но льётся мольбою: – Простите.
 Простите, простите за всё.

ТРИ СЕСТРЫ

*«Это было в прошлом на юге,
 Это славой уже поросло:
 В окружённом плахою круге
 Лебединое билось крыло».*
 Иван Савин

Закаты холодные рдели,
 И ехал за ними вдогон
 В частях генерала Эрдели
 Тяжёлый армейский фургон.

Сплошной боевой круговертью
 Там жили под стоны и крик
 Три юных сестры милосердя
 И доктор, ворчливый старик.

А в воздухе гибель витала,
 Меняя обличье своё,
 И если бинтов не хватало,
 На полосы рвали бельё.

И души на полосы рвали,
 О сломанных судьбах грустя,
 Но это припомнит едва ли
 Историк столетье спустя.

Доныне из пропасти серой
 Глядят роковые года.
 Любовью, Надеждой и Верой
 Три девушки звались тогда.

Увы, не в сиянии райском
 Им виделась русская новь.
 И первой в бою под Батайском
 Однажды погибла Любовь.

А следом, смежая ресницы
 Среди общего горя и зла,
 В какой-то тифозной больнице
 Надежда сгорела дотла.

Когда же от алого крапа
 В Крыму застывала земля,
 Одна только Вера по трапу
 Входила на борт корабля.

И вот уже, верьте не верьте,
 Но целых полвека с лихвой
 В Белграде, в Париже, в Бизерте
 Она появлялась живой.

Не трогала горькая старость
 Открытое миру лицо,
 Ни разу печаль и усталость
 Её не сжимали в кольцо.

Не тлела простая одежда.
 Но, где бы она ни была,
 Повсюду Любовь и Надежда
 Над ней возносили крыла.

* * *

Ты будешь мне ризой
и непалящим огнём,
в бездну придёшь, склонишься к пропасти,
когда лежать там
я буду один –
голосом будешь мне,
светом, хлебом,
пивом некиснущим,
мечом на поясе,
песней в гортани моей
ночью и днём,
голубкой будешь и горлицей,
пером
серафимской длани
меня укроешь, храня,
и явишь Себя –
чтобы Тебя я узрел, –
не упрекнёшь,
что Твоею язвой я стал и раной, –
и вместе будем навек,
Ты будешь – со мной,
таким, каким будешь со мною,
и есть,
и грядёшь,
всё переплавишь,
перепоешь, как новую песнь,
перестихийствуешь,
восстановляя –
неколебимо, нетленно,
... asynchitos, atreptos,
adiairetos, achoristos...
Арфа звучит Твоя,
животворящая мир –
и меня.

Лилия среди тернов,
 ладонь Твоя – та, что подаст
 белый с именем новым
 мне камень –
 тогда познаю Тебя,
 какой Ты есть,
 какой Ты – с нами,
 руками, ступнями, ребром,
 хлебом, водою, мёдом,
 вином.
 Радость! Пребудешь
 со мною вовек,
 мы выйдем вместе из гроба,
 ибо – сильнее Ты многих
 глубоких рек,
 Ты, Человек,
 подобный мне, –
 поле
 белеет,
 часть моя, Чаша и доля
 в земле Твоей
 и в Тебе –
 мир Тебе, мир! –
 Ты, Приходящий с миром, –
 Ты, Спаситель и Боже,
 подобно тому,
 как познан я,
 Тебя
 познаю я тоже,
 Ты – моя Радость,
 доколе еси
 и никто
 не сумеет отнять
 Тебя от меня,
 и меня не отдашь Ты врагам моим –
 знамя Твоё – надо мной.

12.03.2013.
 Вторник после Недели
 о Страшном Суде

* * *

Да не познает смерть земля...
 Да не оденет землю мгла,
 да не покроет лёд, –
 земля, которая мертва,
 Тебя не воспоёт.
 Перстами охру растирать,
 став кровью от кровей,
 и, как медведица рыдать,
 лишённая детей, –
 Да не познает смерть земля!
 Храни, пещера, свет!
 Здесь в колосе – зерно, и дня
 начаток в нём согрет.

27-28 (15) августа 2015

**УМИРАЮЩАЯ ЦЕРКОВЬ.
 БАЛЛАДА**

Что вдыхаешь воздух терпкий –
 Говорить запрещено?
 Камень – бел, печати – крепки,
 Уксус, смирна и вино.
 На ветру знобит немного.
 Опьянение без вина.
 Эммаусская дорога.
 Гадаринская страна.
 Как столетие – мгновение.
 Глаз теряет в дымке даль.
 Суламитино стремление.
 Магдалинина печаль.
 Успокоилась тревога.
 Серп на небе молодой.
 Каменистая дорога.
 Край пустынный – за спиной.
 Но – скорей луна померкнет!
 Не буди и не тревожь.
 Умирающая Церковь.
 Колосющаяся рожь.

Не буди, о дочь земная,
 Ту – познавшую Любовь.
 Умирает, умирая –
 Светлый саван приготовь.
 И его она наденет
 С четырех концов земли.
 ...Гроб назначен – со злодеем,
 Но с богатым погребли.
 Крутобока, крутолоба
 Мосхофор поднял тельца.
 Будет камень взят от гроба –
 Хрупкость скорлупы яйца.
 Опрометчиво и смело –
 Вызов, брошенный судьбе.
 «Ты скажи, где прячешь тело –
 Я возьму его себе!»
 Что в гнезде осталось? Пепел? –
 Распрямить пришла пора
 – кто не видел, не был, не’ пил? –
 Осиянные крыла.

1999–2016

Картина художника Елены Черкасовой
 20 мая, канун Иоанна Богослова
 (седмица после Недели Жен Мироносиц)

СО-СВИДЕТЕЛЬСТВО МАРТИРИЯ 1

Вот Он –
 Шагает к краю провала.
 Крепкий! –
 Заря слепяща и ала –
 Редки
 Яркие звезды на тверди.
 Вслед! –
 Только это

и свѣтло

на свете.

День великомученицы Екатерины,
 2010

СО-СВИДЕТЕЛЬСТВО МАРТИРИЯ 2

О, ткань –
                   крещáта на просвет,
 к плечу – плечо,
                   без слова «нет»,
 так проливаясь горячо,
                   как кровь и свет.
 ...Чернеет, щеря зев-нутро
                   пустой проём...

Он держит мир,
 пробит в ребро
 небытиём.

16. 12. 2010

Канун великомученицы Варвары

ПРОХОДЯЩИЙ НАД РЕКОЮ

Проходящий над рекою,
 Он увенчан Божьей силой,
 Из пустыни, над стеною,
 Сквозь приливы и отливы,
 Через двери и затворы,
 Через годы и эоны,
 Через сумраки и взоры,
 Через песни, через звоны,
 Птичьи гнезда, лисьи норы,
 Мириады, миллионы,
 Через воды, через горы,
 Через плачи, через стоны,
 Через печь и хворост лилий,
 Через города из глины,
 Через взрывы, через мины,
 Через смертные долины –
 Шествуй поступью простою –
 Ты увенчан Божьей силой,
 Ты, стоящий над скалою,
 Выходящий из могилы.

19. 09. 2016

ЭСХАТОН

Дом последнего пира –
навсегда осенён.
Излиянное миро, –
что ты знаешь о Нём?

Ни хвалу, ни награду –
воры, ржавчина, тля –
Он отпустит в отраду,
и заплачет земля,

и глубокие реки
лик напоят земли,
и придут человеки,
приплывут корабли...

Осиянное время
и прозрачное дно –
только знамени реет
надо мной полотно.

5-7 сентября 2016

ПЕСНЯ О МОЕЙ НАДЕЖДЕ

Ты видел мою Надежду – иную, чем всё, что прежде?
Когда разверзлись все бездны, и нечего больше ждать?
Над твердью неба отверстой до пропастей неизвестных,
Где луч не найдет себе места – она не устанет сиять.
Надежда, что будет – после, что рядом со мной и возле,
Что после звёзд остаётся, когда и они сгорят, –
Когда и небо совьётся – надежда моя остаётся,
Стопами моста коснётся над входом в шеол и ад.
О, мрак – под её ногами! Её догонишь едва ли!
Хоть думали, что украли – но вот, погляди – навек
Стоит, не боясь ущелий, словно дитя на качелях,
На крепко пробитом древе – сильнее глубоких рек.

Не рушится в бездну ночи, то – светлой воды источник,
 Что льётся, зовёт немолчно из сердца, из-под ребра.
 Среди темноты полночной – стопами на древе, прочно.
 ...Что будет, не знаю точно,
 Лишь знаю: увижу – я.

03.05.2013

Великая Пятница. Полдень.

* * *

Видишь – завесой задёрнута твердь,
 Скверны – и в рощах, и в чащах.
 Руку прости, обречённый на смерть,
 И исцеляй приходящих.
 Что же – огонь? Это – жертва вовек,
 Пасхи восход и зарницы.
 То – исцеленье твое, человек,
 Пеплом от рыжей телицы.
 Север, и запад, и моря восток –
 Радость границ не имеет.
 Отрока парус – из Чаши глоток –
 Ветром исполненный, реет.

14.10.2016

ВЫХОДЯЩЕМУ ИЗ СМЕРТИ

Выходящему из смерти –
 не смеркается, не вечер –
 отчего бегу навстречу
 Выходящему из смерти?
 Отчего бегу навстречу –
 Лик не видя, но – взирая.
 Сохранится мирозданье,
 и душа моя живая.

12.04.2017

СВИДЕТЕЛЬ

Яне Батищевой

В тот день он не спросит Его ни о чём –
веков рассечен поток.
очаи – к очам, и к ребрам – перстом,
и солнца восход и восток.
Кто прежде жив, чем был Авраам,
и Ноя в ковчеге сберег –
и жатва Его, и Его зима,
и всякое время и срок,
и все – от Него, и в Нём, и к Нему,
кто – Странник, как Мелхиседек,
и был осужден, и – Судья всему,
был мертв, и – живой вовек.
В тот день Он не спросит его ни о чём.
От смерти – на дланях след.
И белый камень, и имя на нём,
И тихий, радостный свет.

11 августа 2009

БОЛДЫШЕВА Ирина Валентиновна

Композитор и дирижер, руководитель детско-юношеского хора во имя преподобного Иоанна Дамаскина Санкт-Петербургского собора Владимирской иконы Божией Матери.

ГУСАКОВА Виктория Олеговна

Кандидат искусствоведения, методист Отдела религиозного образования и катехизации Санкт-Петербургской епархии, автор книг, многочисленных публикаций и докладов по истории искусств, духовно-патриотическому воспитанию и образованию юного поколения.

МОИСЕЕВА Олеся Алексеевна

13 лет. Ученица 6 класса школы № 440 имени П. В. Виттенбурга (Приморский район Санкт-Петербурга). Воскресная учебно-воспитательная группа при храме св. ап. Петра в Лахте.

РАЗАНЕЦКИЙ Даниил Юрьевич

15 лет. Ученик 9 класса 399 школы Санкт-Петербурга. Детско-юношеский центр св. прав. Иоанна Кронштадтского при храме прмч. Андрея Критского, приписном к Приходу Покрова Божией Матери в Южно-Приморском парке.

Священник Игорь ИВАНОВ

Кандидат философских наук, заведующий кафедрой иностранных языков, доцент кафедры богословия С.-Петербургской Духовной Академии; ответственный редактор научного журнала «Христианское чтение»; преподаватель религиоведения на Епархиальных курсах религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского; штатный клирик храма Преображения Господня в Лесном (С. -Петербург).

БОХАНОВ Александр Николаевич

Доктор исторических наук, профессор, в научном багаже которого сотни статей, более сорока монографий и учебников для школ и высших учебных заведений.

ПОЛИКОВСКАЯ Елена Олеговна

Автор просветительского проекта для учителей и школьников «Православный мир России», режиссер-постановщик духовно-музыкальных проектов на сцене Мариинского театра, сценарист и режиссер документальных фильмов о Православной культуре и Русской истории.

Иерей Илья МАКАРОВ

Кандидат богословия, доцент Санкт-Петербургской Духовной Академии, исполнительный директор Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского.

МОЖАРОВА Марина Анатольевна

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы Российской Академии Наук.

ЕМЕЛЬЯНОВ-ЛУКЬЯНЧИКОВ Максим Александрович

Историк, журналист, путешественник, кандидат исторических наук, специалист по русской истории и истории цивилизаций Тропической Африки, автор книги «Иерархия радуги».

ДОБЫКИН Дмитрий Георгиевич

Кандидат богословия, преподаватель Санкт-Петербургской Духовной Академии, преподаватель Института богословия и философии. («Библейская история Нового Завета», «Экзегетика Нового Завета»), преподаватель Ветхого Завета на Епархиальных курсах религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского. Секретарь кафедры библеистики.

БОЛТОВСКАЯ Людмила Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы Санкт-Петербургского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, преподаватель Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского.

ФАУЛЬ Богдан Владимирович

Магистр социологии, аспирант Санкт-Петербургского Государственного университета, преподаватель Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского.

ЛЕМЯКИНА Зоя Николаевна

старший научный сотрудник археологического музея-заповедника «Горгиппия» г. Анапы.

ГАВРИЛОВ Игорь Борисович

Кандидат философских наук, доцент кафедры богословия в С. -Петербургской Духовной Академии, преподаватель Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского, преподаватель Народного православного университета Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Автор более 100 научных публикаций по вопросам философии и культурологии.

АЛЕКСЕЕВ Сергей Владимирович

Член Творческого союза художников России. Преподаватель Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского. Автор книг, газетных и журнальных статей, а также цикла радиопередач по основам богословия православной иконы.

СОКУРОВА Ольга Борисовна

Доктор культурологии, доцент кафедры западноевропейской и русской культуры Санкт-Петербургского государственного университета, преподаватель Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского.

ТУХЛЕНКОВ Сергей Феликсович

Работал концертмейстером, преподавателем детской музыкальной школы, музыкальным редактором и музыкальным оформителем спектаклей, читал лекции по музыкальной культуре в Приморском институте повышения квалификации работников культуры. Певчий праздничного и клиросного хора в двух соборах города Гатчины.

ИВАНОВА Ирина Сергеевна

Кандидат филологических наук, доцент, преподаватель секции славянских языков Лозаннского университета; специалист в области истории научных идей Россия – Запад, лингвист (русский язык), историк. Сфера научных интересов: теория диалога, стилистика, история гуманитарных наук и история искусства в России, история русской эмиграции в Швейцарии, новые и традиционные методики преподавания русского языка и иностранных языков.

КУЗНЕЦОВ Дмитрий Валерьевич

Член Союза писателей России и Союза журналистов России.

ШУЛЬЧЕВА-ДЖАРМАН Ольга Александровна

Кандидат медицинских наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин и биоэтики Санкт-Петербургской государственной педиатрической медицинской академии. Врач-фтизиатр Противотуберкулезного диспансера Центрального района Санкт-Петербурга. Автор публикаций по христианским аспектам истории медицины.

От редакции

Очередной выпуск журнала «Верующий разум» объединяет под своей обложкой размышления людей Церкви на темы, касающиеся истории и современности, веры и культуры, науки и творчества, философии и религии. Особенно затронуты трагические события, произошедшие в России в первой половине XX века: февральская революция, октябрьский переворот, гражданская война и гонения на Церковь. Что же произошло со страной и народом 100 лет назад? Как мы понимаем это сейчас? Как преодолеть смуту, разруху и хаос в сердце, душе и уме? Да, инерция вульгарного атеизма и агностического скептицизма до сих пор сильна среди наших современников, поэтому верующий разум стремится вновь и вновь внятно отвечать на «мифы» и «подмены» секулярного сознания – часть статей номера посвящена вопросам понимания религиозного опыта и христианской апологетики. Традиционно в нашем журнале присутствует и страничка художественной литературы. На этот раз ее тематика связана с творческим осмыслением переломной эпохи истории Отечества.

ВЕРУЮЩИЙ РАЗУМ

*Журнал Отдела религиозного образования и катехизации
Санкт-Петербургской епархии*

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-54457 от 17. 06. 2013

*Благодарим за поддержку:
Общество с ограниченной ответственностью «Супервэйв Групп»,
Союз православных предпринимателей Санкт-Петербурга*

Союз православных предпринимателей (СПб) – объединяет предпринимателей
единых в вере и направляет усилия на соборное решение духовно-просветительских,
культурных и социальных задач

*Художественное оформление: С. В. Алексеев
Логотип на титуле: М. Стаборовская*

Подписано в печать 30. 11. 2017
Формат 60x90/16
Объем 16, 25 п. л.
Печать офсетная
Гарнитура Minion Pro
Тираж 1000 экз.
Заказ №

ООО «Август»
Россия, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр. д. 54
e-mail: aspor@yandex.ru